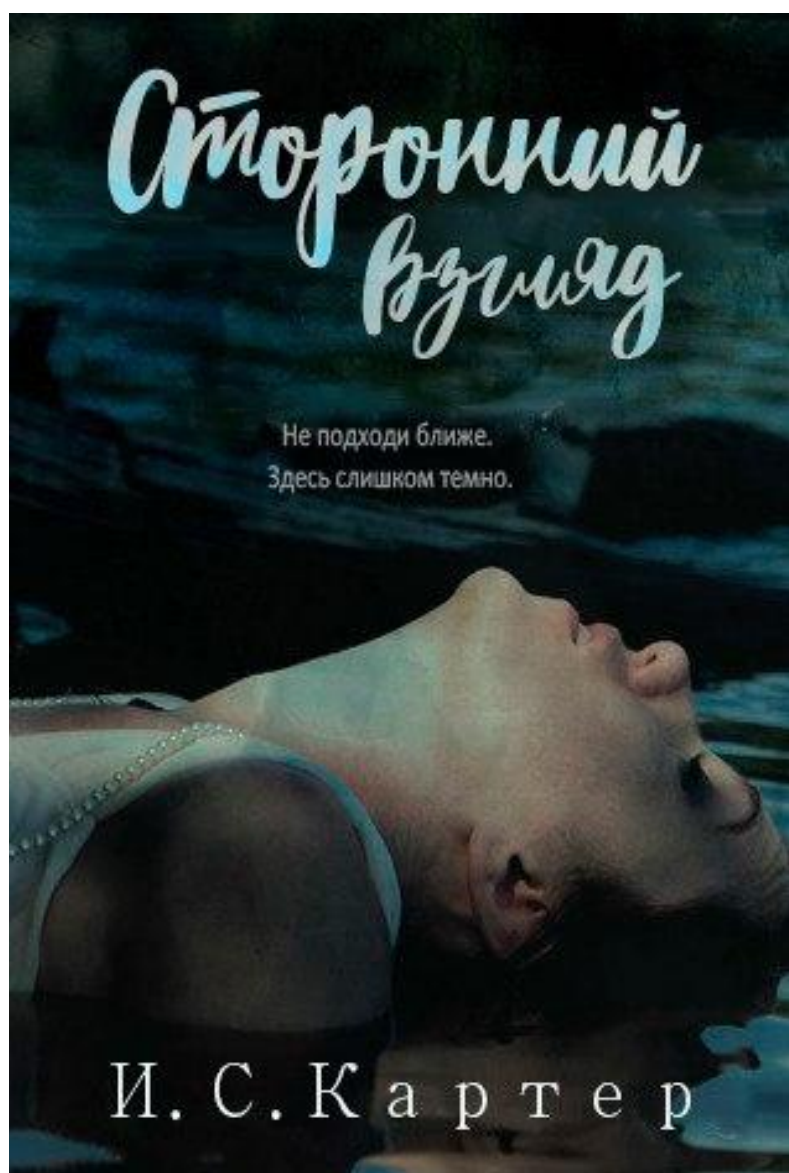

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

И. С. Картер

"Сторонний взгляд"

Серия: Багряный крест (книга 2)

Автор: И. С. Картер

Название на русском: Сторонний взгляд

Серия: Багряный крест_2

Перевод: Afortoff

Сверка: betty.page (1-13 гл)

Редактор: Екатерина Лигус

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Я тоню в темноте.

Мои конечности погружены в чернильную смолу, лёгкие задохнулись от тлетворного дыхания смерти.

Мои глаза видят лишь тьму.

И тут я вижу его.

И я не боюсь.

Хотя и следовало.

Не смотри мне в глаза, иначе мои демоны поглотят тебя живьём.

Дьявол внутри меня устроит пир из твоей нежной плоти. Его острые зубы обглодают мясо с твоих костей и выпьют свет из твоей души.

Его шрамы обратят ни в чем не повинных в грешников и утащат тебя в самую тёмную бездну его преисподней.

Нет никакого света внутри этой изуродованной оболочки.

Я — сосуд боли.

Отдающее и принимающее.

Это насыщает меня.

Это лелеет меня.

Это держит меня также крепко, как объятия любовницы, что шепчет мне в сумерках.

Они говорят, что дьявол когда-то был ангелом.

Внутри меня нет ангела.

Я не стремлюсь ни к покаянию, ни к прощению.

Я не жажду таких слабых вещей, как любовь.

Моё желание обладать ею вполне эгоистично, и когда мой аппетит будет пресыщен, то удача по поддержанию ее жизни, что снизошла на нее, оставит ее.

Когда она смотрит в мои глаза, мои демоны, скаясь, готовы сожрать ее живьем.

* Это вторая книга серии «Багряный крест». Она может читаться как отдельная, но для полного понимания сюжетной линии стоит начать своё знакомство с героями с романа «Обреченность».

*** * ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ * ***

«Сторонний взгляд» — самобытный тёмный роман, следующий за первой книгой серии «Багряный крест» — «Обреченность».

Читатели, требующие деликатного подхода, возможно, пожелают обойти эту книгу стороной. Отойдите, тут совершенно не на что смотреть.

Читатели, которым нравится танцевать на темной стороне, занимайте ваши места и наслаждайтесь поездкой.

Эта книга только для взрослой аудитории, так как содержит сцены насилия и откровенные сцены сексуального характера.

Сторонний взгляд

И. С. Картер

*«Каждый из нас — свой собственный дьявол, и мы превращаем этот мир в свой
собственный ад»
Оскар Уайльд (Герцогиня Падуанская)*

Вы вернулись.
Вам понравилась тьма.
Вы жаждете большего.
Не волнуйтесь, я сохраню Ваш секрет.

Прага

Грим

— Нет. Мама, пожалуйста, я не хочу.

— Поднимайся, ты, жалкое отродье. Прекрати ныть и покажи своему отцу, что ты достоин своего имени.

Руками я вцепился в низ её дорогих кашемировых брюк, но это бесполезно. Слезы солеными ручейками скатываются по подбородку крупными каплями, приземляясь на её лакированные кожаные туфли.

В моем периферическом поле зрения вновь появляется нож, серебристое лезвие блестит, ослепляя меня и побуждая повернуть голову, протянуть руку и взять его. Это не что иное, как хорошо отполированный нож для стейка, один из тех, что слуги подают к семейному ужину. Чёрная, удобной формы костяная ручка комфортно ложится в руку, зазубренный край идеален для разрезания толстых кусков мяса.

— Возьми гребаный нож, Генри, — наконец приказывает отец, но его голос тихий, спокойный и властный, он словно специально создан, чтобы произносить такие слова.

Маленькая девочка, привязанная к невысокому металлическому столу, хнычет, и мой расплывчатый взгляд опускается на её побледневшее лицо. Её темно-карие глаза, запавшие и широко распахнутые, смотрят на меня, умоляя о помощи. Я могу почувствовать запах её страха, он едкий, словно из канализационного люка, и обжигает слизистую моего носа. Когда она писается, и тёплая жёлтая жидкость стекает с края стола, брызгая на бетонный пол, я вжимаюсь в ноги моей матери, проглатывая желчь, обжигающую мое горло.

Она выглядит не старше меня, пять, возможно, шесть лет, и я не знаю, кто она или откуда пришла. Здесь я никогда не сталкивался с другими детьми. Ни у одного из штата нашей прислуги нет детей, чтобы я мог с ними играть, так что её присутствие сбивает с толку. Плюс — она полностью обнажена и так болезненно худа, что я могу рассмотреть до мельчайших подробностей каждое из её ребер.

— Генри, — предупреждает мой отец, размахивая ножом, сжимая его в пальцах и протягивая его мне. — Возьми нож и сделай то, что твоя мать только что сказала тебе.

Я смотрю сначала на нож, потом на бледное лицо девочки. Сопли дорожками стекают из её ноздрей, забиваясь под тряпку кляпа, насыщая грубую ворсистую ткань пастельных тонов, которая уже не способна поглощать жидкость.

— Сделай это сейчас. Не заставляй меня снова приказывать тебе, мальчик.

Приказ эхом отдается в моих ушах, несмотря на то, что был сказан тихим, уравновешенным тоном.

Руки матери запутываются в моих волосах, и я подаюсь навстречу этому прикосновению в поисках утешения. Но это не успокаивает меня. Бездушными пальцами она обхватывает мой череп и толкает вперед. Нож теперь всего лишь в дюйме от моего лица. Всё, что я должен сделать, — потянуться и взять его, и всё это прекратится. Я смогу закрыть глаза и притвориться, что это никогда не происходило. Я могу подняться по лестнице в отведенное мне крыло нашего дома и заползти в свою кровать. Это всё может быть просто сном.

Все моё тело замирает, когда я дотягиваюсь до оружия. Моя рука прекращает дрожать, и я обхватываю ручку, согретая кожей кость ощущается инородной в моей хватке.

Улыбка расцветает на красивом лице моего отца, когда кончики моих пальцев сжимаются, а руки моей матери ослабляют хватку в моих волосах.

— Хороший мальчик, Генри, — воркует она. — Теперь погрузи его прямо ей в горло. Не бойся, дитя. Это так же просто, как резать жаркое от нашего повара в обед.

Я поворачиваю голову и смотрю на свою мать. Изящные черты её лица безмятежны, ни грамма злого умысла, психоза или зла не окрашивает её лицо. То, что она просит меня сделать, — нормально для неё. Желание, чтобы я прирезал маленькую девочку, ничего не значит для неё. Нет, так неправильно — это доказывает мою значимость для неё, для фамилии Реншоу.

Я позволяю своим глазам ещё раз осмотреть её лицо в поиске любого признака неправильности, мой юный разум нуждается в комфорте одобрения взрослого.

«Это всё — просто игра, просто сон. Мать и отец говорят, что всё в порядке, что всё правильно — то, что они хотят, чтобы я для них сделал».

Я поворачиваюсь и ещё раз смотрю на своего отца, нуждаясь в его одобрении, чтобы отогнать холод, проникающий мне в грудь, и я вижу то же, что увидел на лице моей матери, — гордость, принятие и намек на волнение. Почему он взволнован? Из-за того, что я почти семейное имя?

Вселяющий одобрение кивок его головы в сторону девочки заставляет меня сделать шаг вперёд на твёрдых и устойчивых ногах.

«Погрузить нож её в горло».

Она будет из-за этого сильно истекать кровью?

Эта девочка умрёт?

Останавливаю взгляд на её шее, покрытой синяками. На белой коже черные и фиолетовые пятна. Я следую за отпечатками на её коже до подбородка к ткани, закрывающей её рот. Я быстро осматриваю её веснушчатый нос и останавливаюсь на наполненных страхом карих глазах.

Рука теряет твердость и начинает зеркально повторять лёгкую дрожь её тела. Рука, держащая нож, дрожит, в то время как девочка начинает рыдать. Каждое моргание её испуганных глаз приносит новые слёзы. Почему я должен причинить ей боль? Что она сделала? Я хочу спросить, сделала ли она что-нибудь плохое. Это какое-то наказание, однако я точно знаю, что я не был непослушен, и всё же это выглядит и как моё наказание.

— Сделай это, сын, — требует мой отец. В его голосе теперь улавливается намёк на предвкушение.

— Генри, — успокаивает меня моя мать, — делай так, как велит тебе отец, — небольшая заминка в её дыхании — единственная подсказка изменения воздуха вокруг нас.

Я поднимаю руку. Лезвие направлено непосредственно в цель. Я двигаюсь вперед, и моё тело достаточно близко, чтобы ощутить колебания стола, которому передается дрожь девочки. Моя рука поднимается всё выше и выше. Зубчатое лезвие побуждает меня погрузить его в её подвергнутую издевательствам плоть.

Мои глаза ещё раз находят её, и она моргает, медленно закрывая свои веки. Когда они снова открываются через несколько секунд — дрожь уходит, и она замирает. Зловоние страха рассеивается, как будто свежий ветер пронёсся через комнату и забрал с собой вонь ужаса.

Её голова едва заметно кивает.

— Сделай это. Всё в порядке, — слышу её шепот в своей голове.

— Нет. Я не хочу, — шепчу я в ответ.

Я стремительно опускаю руку, мои глаза встречаются с глазами девочки, и в последний момент я бросаю нож в дальний угол комнаты. Он подскакивает с металлическим лязгом по гладкому бетонному полу, и глаза девочки устремляются в угол, прежде чем она закрывает их, как мне кажется, с едва заметной улыбкой.

— Генри! — визжит моя мать, затем хватается меня за предплечья и оттаскивает от стола. Я теряю равновесие, отброшенный в сторону, и жестко приземляюсь на своё бедро. Отползаю назад, пока моя спина не бьется о дальнюю стену. Я вздрагиваю из-за дуги разворачивающейся боли внизу моего левого бока.

— Ты ничего не стоящий кусок дерьма! — кричит она, пока шагает к ножу, который я отбросил. Она нагибается, чтобы подобрать его, а затем направляется ко мне. Гордость в её глазах сменил бушующий гнев. Она выглядит бесчеловечной, когда её длинная изящная шея так сильно напряжена, а челюсть сжата, и весь её лик искажает от ярости.

Я подтягиваю колени, обхватываю их руками и утыкаюсь в них лицом, пытаюсь сделать себя как можно меньше. Она подходит ко мне и останавливается. Её дыхание хаотично, ноги нервно постукивают по полу.

Воцаряется тишина. Я перестаю дышать. Затем боль врзается в мои рёбра.

— Вставай! — ревет она, затем пинает меня ещё раз в бок. Я чувствую треск в ребрах, и агония крадёт моё дыхание. Затем она свободной рукой тянется к моим волосам, поднимая меня на ноги, и я открываю глаза, чтобы бессмысленно посмотреть на своего отца в поисках помощи.

Он не обращает внимания ни на свою жену, ни на меня, когда она лупит меня, не оставляя живого места. Он стоит над столом, к которому привязано тело маленькой девочки. Я вижу, как он вытаскивает большой нож из внутреннего кармана своего сшитого на заказ костюма и точным быстрым движением перерезает ей горло. Ноги девочки дергаются несколько раз, а затем она замирает. Там, где на пол через край стола лилась её моча, теперь густой темной рекой бежит кровь.

Шум плача заполняет комнату — я хочу заткнуть уши руками, чтобы заблокировать его, но не могу избавиться от хватки моей матери, вцепившейся мне в волосы. Это ощущается так, как будто она вырывает мне волосы с корнем.

— Заткни его, Эмилия, — инструктирует мой отец, в то время как начинает расстегивать свой ремень.

Шум в комнате — от меня.

Моя мать тянет сильнее, отдергивая мою голову назад и выставляя моё горло.

— Ты не Реншоу. Ты жалок.

Я вижу, как мой отец залезает на стол и начинает толкаться на девочке. Его движения раскачивают металлический стол, вынуждая ещё большие реки крови пролиться через края.

— Смотри на меня, когда я разговариваю с тобой, мальчик.

Моя мать жёстко тянет меня ещё раз. Моя шея так сильно отклонена назад, что я даже не могу втянуть воздух в свои легкие.

— Мне следовало бы убить и покончить с тобой. Ты не достоин быть нашим сыном. Но ты скоро научишься, мальчик. Ты скоро поймёшь, какую жизнь ты мог бы иметь. Это просто позор, что ты увидишь это с другой стороны стола.

Её свободная рука отодвигается назад, и я жду удара.

Но не её рука возвращается обратно к моему лицу. Это — нож.

Боль иссушает мою кожу как кислота, пока она медленно режет от моей верхней губы через щеку. Закрываю глаза, воздух из моих легких испаряется, и с каждым медленным морганием я всё дальше от этой комнаты.

Мгновение.

Мой отец врезается в тело убитой девочки, пока моя мать режет своего собственного ребенка.

Секунда.

Чистый экстаз мерцает в глубинах её глазах цвета зеленого мха, когда она следит за движениями ножа по моему лицу.

Миг.

Единственный бриллиант ярко искрится в серьгах.

Мгновение.

Это — последняя вещь, которую я вижу, прежде чем мой мир, моя жизнь и моё детство было уничтожено.

Одно лишь мгновение.

Глава первая

Грим

На деньги не купишь чувства.

И этот ублюдок — прекрасный пример.

Растянувшаяся по всему пространству, куда не кинь взгляд, недвижимость первоначально производит впечатление хорошо охраняемой, но на самом деле пара парней-трусов в охране и несколько ротвейлеров — вот и вся охрана.

Я убил охрану, и теперь собаки подчиняются моим приказам. Я как современный Крокодил Данди, но без глупой шляпы или жалкого ожерелья, сделанного из зубов. Трофеи, что я ношу вокруг моей шеи, — нечто большее, чем все призы, выигранные в борьбе с дикими животными. Я оплатил их своей кровью, плотью и здравым смыслом. И это делает их бесценными.

Этот удар — личный.

Ради этого я работал годами.

Проникнуть в главный дом так просто — нужно лишь использовать отрубленную руку одного охранника для того, чтобы активизировать сканер отпечатка пальца.

Двойные дубовые двери распахиваются, заманивая меня в роскошное пространство особняка, они словно руки матери приветствуют возвращение своего сына домой с войны.

Моя мать.

Я рассеянно пробегаю пальцами по кулону, что висит у меня на шее. Кожа податливая и мягкая, как масло. Месяцы носки трансформировали объект во что-то осязаемое, гибкое и достойное моего прикосновения. Мне приносит удовлетворение прикосновение к остаткам хрящевой ткани, ощущение пластичности под пальцами. Перестану поглаживать кулон, когда касаюсь пальцами большого бриллиантового гвоздика в проколе мочки. Она всегда была такой гордой и тщеславной сукой. Ношение богатства давало ей ложное чувство власти. Эта власть теперь принадлежит мне. Я забрал её у неё.

Я всё у неё забрал.

Захожу в роскошную прихожую, попутно пряча последний уцелевший кусочек женщины, которая меня родила, под свободную ткань футболки. Я готов к сражению, мой топор в одной руке, а десятидюймовый охотничий нож «Бусси Батл Мистрес» (*прим. марка ножа*), который я нежно называю «Мисси», в другой.

Величественный дом устрашающе молчалив.

Ни одна душа не приближается ко мне, никто не пытается остановить неизбежную резню. Всё это ощущается слишком легким. Возможно, это просто мой счастливый день. А возможно, нет. Давайте выясним.

Я не замораживаюсь маскировкой и направляюсь по парадной лестнице, следуя по пути старых воспоминаний. Мне было не больше пяти или шести, когда я был здесь в последний раз, но здесь всё так же, как и в моих детских воспоминаниях, — расположение этого огромного дома выжжено в моём мозгу.

Я прохожу многочисленные двери, мои тяжелые ботинки громко стучат по полированным полам, прежде чем я останавливаюсь перед хозяйскими покоями. Я знаю, что за этой дверью экстравагантно украшенная комната, с канделябрами и изысканным убранством, мебелью в стиле Людовика XIII. Показная попытка замаскировать грязь.

Я не сомневаюсь, что апартаменты такие же роскошные, какими я их и запомнил, даже за всё ещё закрытыми дверьми. Мои глаза сразу же останавливаются на всём этом, а ноги начинают двигаться до того, как мозг догоняет движение тела.

Он там. Я могу чувствовать его, это ощущается под моей кожей.

Я могу ощущать его толстые пальцы, проникающие в моё юное тело. Я могу обонять его дорогой одеколон, пока он смешивается с его потом и капает в мои глаза.

Страх здесь нежелателен. Я уже не тот мальчик, я — ангел смерти.

Движение позади избавляет меня от этих нежелательных мыслей, и я оборачиваюсь, поднимая оружие, — мои руки готовы нанести удар.

Прихожая позади меня заполняется обнаженными телами. Мужчины, женщины и дети — все согнаны к выходу двумя женщинами в униформе служанок. Более старая из двух останавливается как вкопанная, как только понимает, что я поймал её в поле своего зрения, и она смело притягивает руками двух маленьких детей к своим бокам, используя их тела как свой шит.

— Вы здесь, чтобы убить всех нас?

Я поднимаю голову, игнорируя её вопрос и оценивая язык тел детей, которыми она прикрывается.

Их тощие тела все в синяках и не трясутся от страха. Они были обучены повиноваться, привыкли думать, что их жизни им не принадлежат и что их тела — это просто сосуды для удовольствия других.

— Возможно, им лучше быть мертвыми? — я двигаю своим топором перед детьми позади неё.

— Нет! — этот неистовый ответ заставляет её притихнуть, и я поднимаю свои брови в знак сомнения. Насколько я знаю, она — добровольный соучастник. Женщина задирает подбородок и бесстрашно смотрит в мои глаза, её пристальный взгляд быстро опускается на ухо моей матери у меня на шее, которое выскочило из-под выреза футболки.

— Они достаточно пострадали, позвольте мне позаботиться о них, — умоляет она.

— А откуда мне знать, что ты сделаешь так, как говоришь?

Она немного медлит, не уверенная в том, что позволит правде слететь с её губ, прежде выпрямляет спину и смотрит мне прямо в глаза. Я вижу сочувствие и силу в её взгляде.

— Потому что я знаю, кто вы. Вы — Генри. Я спасла вас однажды. Позвольте мне сделать то же самое для них.

Я осматриваю её лицо, пробуя сравнивать его с любым из лиц в моих воспоминаниях о пребывании здесь, но это не даёт результата.

— Поверьте мне, Генри. Возмездие будет вашим.

«Возмездие будет вашим».

Я слышал эти слова раньше. Я жил этими словами, которые произнесла безликая женщина, проникающая в мои сны.

Я всматриваюсь в лицо этой миниатюрной женщины в возрасте и вижу только правду, ни капли обмана.

Единственным кивком я одобряю её просьбу, и она не колеблется даже секунду. Держа руки на плечах обоих детей, она направляет их вниз по коридору, догоняя других, кто бежит из этого особняка ужасов.

Я должен помочь им. Я должен удостовериться, что они все в безопасности.

«НЕТ».

В первую очередь, я должен убить одного из тех, кто здесь заключил меня в тюрьму.

Такова моя цель — моя единственная заповедь.

И вновь я оказываюсь стоящим перед картиной от пола до потолка, изображающей Святого Жермена — ангела-хранителя детей, ставших жертвами надругательств.

Этот урод думает, что это забавно.

Я режу антикварное полотно, уничтожая шедевр, вероятно, стоящий сотни тысяч, тем не менее, мой гнев не ослабевает.

Позади теперь уже каркаса того, что однажды изображало молодую пастушку в поле, находится дверь к уничтожению сэра Майкла Форестера.

Я хватаю отрубленную руку мёртвого охранника и ещё раз использую её как пропуск.

Замок открывается с мягким шипением, и я втыкаю мой небольшой поясной нож в дверную раму, таким образом гарантируя, что она останется открытой.

За дверью экран от стены до стены, на него проектируется изображение с камеры. Эта область для сэра Майкла, чтобы наблюдать за тем, как его «гости» изнашиваются до оболочки, отдаленно напоминающей их прежних. Это — то место, где он дрожит на сцены фильмов, что сам снимает, а затем продает другим извращенцам, получая в результате миллионы баксов. Фильмы о мужчинах, о женщинах, но преимущественно о детях, низведенных до обыкновенных дырок, пригодных для любого использования.

Он делает запись прямо сейчас.

Экраны мерцают от изменения углов съёмки камеры, показывающей одну и ту же сцену с разных ракурсов.

Сэр Майкл обнажен ниже пояса, его дряблая задница напрягается от каждого зверского толчка бёдер.

Под ним молодая женщина, связанная, но без кляпа. Я могу видеть, что она не издаёт ни звука, хотя её рот не заткнут, губы остаются неподвижными. Её глаза закрыты, а тело смещается только от толчков насильника.

Её влагалище заполнено чем-то, напоминающим маленький деревянный кол, в то время как задний проход широко растянут, чтобы принимать крошечный член Сэра Майкла и несколько пальцев каждой из его рук. Её длинные спутанные светлые волосы свисают с конца скамьи и скользят по грязному полу.

Она, вероятно, уже мертва. Её хрупкое бледное тело — абстрактное собрание синяков и вертикальных отметин, и всё же её лицо безмятежно и совершенно безучастно.

Я поражен её неподвижной красотой. Ноги приросли к полу, а пристальный взгляд прикован к её лицу.

И только из-за того, что я пристально изучаю её черты, замечаю, как всего лишь раз затрепетали её веки, и этого достаточно для меня, чтобы покончить с этим. Прикончить его и закончить её страдания, быстро перерезав с помощью «Мисси» мягкую кожу его шеи.

Я планировал поиграть с ним перед его кончиной. У меня был целый список весёлых игр, чтобы сыграть с сэром Майклом, но эта девушка изменила все мои тщательно разработанные планы, и теперь он должен умереть быстро.

Поворачиваясь к двери с боку экрана, я толкаю её, открывая в тот момент, когда сэр Майкл выплескивает свою сперму по всей поверхности её израненной спины.

Рёв его оргазма заглушил мои шаги, и прежде чем последний всплеск спермы выходит из головки его члена — «Мисси» в его глотке. Одного медленного движения её зазубренного края по уязвимому месту практически достаточно, чтобы обезглавить всё ещё извергающееся тело сэра Майкла Форестера.

Я наблюдаю за темно-красными брызгами из его шеи, моя хватка на его лбе единственное, что останавливает его от падения поверх тела, расprostертого под ним. Струи спермы, расписавшие её тело, быстро смыты рекой крови. Кровь омывает её медно-красной теплотой его утекающей жизненной силы, смывая все следы прочь с её подвергшейся издевательствам кожи.

Когда Сэр Майкл издает булькающий последний вздох, я отбрасываю его мертвое тело на пол, даже не позаботясь взять трофей. Вместо этого я быстро освобождаю девушку от скамьи и притягиваю её безжизненное тело в свои руки.

«Бл*дь, я никогда не видел никого красивее».

Одним пальцем я мягко очерчиваю её бровь, оставляя полосу крови на её нежной коже.

Её веки трепещут и открываются от моего прикосновения, и я всасываю дыхание, когда вижу их ярко-голубые глубины. Она смотрит на меня, не шелохнувшись. Взгляд этих глаз причудливого цвета проходит прямо сквозь меня. Её зрачки не расширены, ни разу не двинулись, они никогда не двигаются, они просто такие. Если бы я не ощущал её грудную клетку, поднимающуюся и опускающуюся напротив моей, я бы мог поклясться, что эти глаза принадлежат мертвецу.

Хотя она не мертва. Она жива, и когда её маленькие тонкие руки пробегают по моей груди и вокруг шеи, я клянусь вернуть жизнь в эти глаза. Я клянусь на крови, что разлилась вокруг моих ног, что её глаза никогда больше не увидят боль.

С этим молчаливым обещанием я вкладываю свой нож в ножны и широкими шагами выхожу из комнаты, оставляя за собой кровавые следы ботинок.

Она утыкается в мою грудь, её голова лежит всего в миллиметрах от трофея, который я взял у моей матери, и с нею в моих руках я не нуждаюсь в получении большего.

Эта потребность насыщена, поскольку я знаю, что эта девушка в моих руках — мой главный трофей.

Глава вторая

Грим

— **Н**емедленно позовите гребаного Дока! — реву я, когда направляюсь в «Хантер Лодж», удерживая в руках свой драгоценный трофей.

Всю поездку я вел машину как маньяк, подталкивая «Кадиллак» за его возрастной предел. Девушка растянулась у меня на коленях, мешая управлять автомобилем. Любого другого человека я бы положил на заднее сиденье, не заботясь о том, переживут ли их коматозные тела такую жёсткую поездку. Но я не мог сделать этого с ней. Несмотря на то, что её слабое тело обмякло, как только она потеряла сознание спустя лишь несколько минут после того, как мы покинули собственность Сэра Майкла, я противился тому, чтобы отпустить её. Я продолжаю вести машину, одним глазом следя за дорогой, другим — за ней. Одной рукой я держу руль, пока другой прижимаю её обнаженное, окровавленное и избитое тело к своей груди.

Она пахнет как солнце и только что скошенная трава. Этот аромат овладел моими чувствами и выгравировал отметку на поверхности моего взбудораженного и, как правило, возбужденного мозга, посадив ряд диких цветов в растерзанном и бесплодном пейзаже. *«Как может человек, весь покрытый мерзостью, пахнуть как летний день?»*

Анна выбегает из двойных дверей «Лоджа». Доверенная экономка Коула Хантера теперь управляет роскошной недвижимостью, заполненной слабыми жертвами пыток и надругательств.

— Отнеси её в библиотеку, — командует она своим мягким голосом, пока оборачивает мягкое одеяло вокруг выставленного напоказ тела девушки, подворачивая ткань вокруг неё настолько хорошо, насколько она может, поскольку я отказываюсь даже на дюйм отстранять её от себя.

— Я разбужу Дока, — добавляет она, а затем мчится обратно в «Лодж», оставляя меня глазеть на девушку в собственных руках.

В жилище Коула полную неделю работает медик, две медсестры, а также есть целый ряд психотерапевтов по вызову. Это совсем не то, чего вы ожидаете от недавно воскресшего нового главы «Багряного Креста», человека более могущественного, чем те, кто управляют Европой и остальной частью Западного мира.

Делая осторожные шаги, я поднимаюсь по каменной лестнице и прохожу через внутреннюю прихожую. Справа от меня двойные двери библиотеки, они широко распахнуты и ожидают меня. Окидывая взглядом комнату, я постоянно в состоянии боевой готовности, а с этой неизвестной девушкой в моих руках я особенно осторожен. Мой пристальный взгляд останавливается на плюше кроваво-красного дивана, достаточно большого, чтобы вместить полдюжины людей, он полностью заполнен диванными подушками, а большой вязаный плед перекинут через спинку.

Мои руки, более нежные, чем я когда-либо мог представить, что они могут быть такими, бережно размещают девушку на подушках, подкладывая их ей под голову так, чтобы она была надёжно укутана в их мягкой колыбели. Я замечаю плед, висящий на спинке, быстро подхватываю его и укутываю в него её тело, закрывая её ещё одним слоем защиты. Мне плевать на кровь и грязь, покрывающие её кожу, которые, вероятней всего, испортят всё, к чему прикоснутся.

— Грим, — голос прерывает мои размышления, я медленно поворачиваю голову, чтобы встретиться лицом к лицу с его владельцем.

— Коул, — отвечаю я, не беспокоясь о том, чтобы что-то ещё произнести, полный решимости удостовериться, что каждый дюйм кожи этой девушки защищен от взгляда любого. Не то, чтобы Коула это заботило. У него есть его собственная сломанная кукла, чтобы заботиться, несмотря на тот факт, что Фей никоим образом не сломана. Эта сука Крэйвен сильнее, чем множество мужиков из тех, что я встречал. Однако она теперь принадлежит Коулу, и он доказал, что будет защищать её ценой собственной жизни. Это было тем, что как я полагал, никогда не увижу, — Коул Хантер, влюбленный в шлюху Крэйвен, но это другая история.

— Кто она тебе, Грим? Я никогда не видел, чтобы ты так беспокоился о жертве.

Я слышу, как он проходит дальше в комнату, и инстинктивно выпрямляюсь, используя большую часть своего тела, чтобы спрятать девушку от его внимательного взгляда.

— Не беспокоюсь — просто жду Дока, — отвечаю я в ответ на его любопытство.

— Тогда почему ты защищаешь её, брат? — надавливает он ещё раз, заставляя меня сорваться, мои кулаки сжимаются. Я никогда не хотел идти против Коула Хантера, моего брата, хоть и не по крови, но по связи, но я пойду, если он будет и дальше давить.

— Я же сказал, что она — никто, — выдавливаю я сквозь зубы, по-прежнему находясь спиной к нему. — Я никогда раньше в своей жизни не видел её. Скорей всего, она умрёт в течение часа. Я забрал её из дома Форестера. Всё сделано.

— Ты взял Форестера сам? — неверие слышится в его словах. — Какого хрена, Грим, я же сказал тебе — ещё не время. Я приказал тебе не делать это одному, — гнев вытесняет неверие, сильнее понижая тембр его глубокого голоса, превращая в тот, который некоторые могли бы интерпретировать как предупреждающее рычание животного. Но я не воспринимаю его как угрозу. Я слышу в нём вызов.

Смело разворачиваясь на ногах, чтобы быть лицом к нему, мои кулаки сжимаются по бокам, руки дергаются от неудержимой потребности причинить вред и увидеть кровь.

— Я просто сказал, что *дело сделано*, — заявляю я своим собственным предупреждающим тоном. — Форестер — лишь оболочка и остатки жира и костей. Я перерезал его глотку и оставил на полу его же студии, и даже не отрезал его червивый член в виде сувенира. Теперь ты счастлив? Или я должен выдать тебе полную версию? Тогда ладно: сначала я замочил ублюдка в домике охраны. Он был слишком занят, смотря какого-то круглолицего придурка на YouTube. Каждый раз, когда камера наводилась на тушку придурка или сиськи жиртреста, парень из безопасности сжимал свой паршивый член так, как будто пытался убить гребаную штуку. После того, как я приколол его к креслу, воткнув кинжалы в его оба глаза, я убедился, что взял его *другую* руку, чтобы открывать все сканеры отпечатков пальцев на воротах. Затем...

— Достаточно, — ревет он, двигаясь вперед, пока мы не оказываемся нос к носу. — Я отдал тебе прямой приказ, Грим. Ты снова не подчинился мне, подвергая опасности не только себя, но и любого невинного в том доме, — он впериается в меня взглядом в течение целых двадцати секунд молчания, прежде чем прикрывает их со страдальческим вздохом.

— Что, если бы кто-то из «Багряного Креста» выжил и видел тебя?

— Их не было, и они бы не смогли, — прерываю я.

Его глаза быстро распахиваются.

— Что, если бы ты провалился?

Коул никогда не показывает слабость в виде эмоций. Помимо гнева — только гнев и случайный взрыв ярости, Коул — беспристрастный, надменный, хладнокровный и

холодный. Но сейчас в его глазах что-то ещё. Эта слабая эмоция, но, тем не менее, она там присутствует. Страх. Сопереживание. Сострадание. Забота. Всё из этого из-за меня.

И это чертовски выводит меня из себя.

— Я *никогда* не терплю не удач. Так что, если ты закончил с этими тошнотворным откровенным разговором по душам, то я должен найти грёбаного Дока, прежде чем эта сука умрёт на твоём дорожном диване.

Я не хочу оставлять её, но я сделаю это, если это означает, что я смогу избежать беспокойности в глазах Коула.

Он знает, что Форестер сделал со мной. Он знает, потому что я был бы мёртв, если бы он не спас меня. Я навсегда увековечен в одном из больных фильмов Форестера. Мой последний вздох навечно зафиксирован на повторе, в то время как извращенные ублюдки во всем мире передёргивают свои члены на смерть униженного, травмированного маленького мальчика.

— Уйди с дороги, Хантер, — требую я. Моя кровь кипит в венах от близости его тела к моему. Мой собственный разум кричит на меня, что надо убираться от его глаз, смотрящих на меня, потому что в них вспыхивает жалость.

— Оставайся здесь с девушкой, — наконец, отвечает он. — Я пойду и выясню, почему Дока нет так долго.

А затем он уходит.

Не мигая, смотрю на пустой дверной проём, из горла рвутся рваные вдохи. Кровь мчится к мозгу и приливает к глазам, давление за моими веками повышается, и только одна вещь сможет остановить мой окончательный взрыв.

«Пустить. Кровь».

Я поворачиваюсь и нависаю над укутанным в плед распростёртым телом девушки.

Руки в дюйме от моего пояса с инструментами. Пальцы бегло обследуют большой нож, игнорируя зов «Мисси», чтобы остановиться на маленьком ноже для разделки филе, который я люблю использовать для игр.

Металлический шепот у кожи — этот звук настолько эротичный, как и стон суки, когда я вытаскиваю лезвие из ножен. Мускульная память заносит руку под совершенным углом, а мои глаза фиксируют слабый пульс на шее девушки. А затем одним быстрым и точным движением запястья погружаю нож глубоко в плотные мускулы своего бедра.

Моргаю глазами, резкая сладкая боль стирает прочь всю жажду крови.

Тепло покрывает кончики пальцев, и я подношу их ко рту, чтобы насладиться медно-красным вкусом. Мое дыхание восстанавливается, а тело замирает.

Я жду.

Я жду, чтобы снова увидеть её глаза.

Мне не терпится увидеть то, как она вздрогнет, когда увидит моё лицо.

Я жду её отвращения.

Я жду её страха.

Я жду своего мира, чтобы исправить себя.

Я жду экстаза от недавно совершенного убийства, в особенности Форестера, заставляющего твердеть мой член, и иных потребностей, помимо постоянной жажды крови, которые охватили бы мое тело.

Я жду.

Но её глаза остаются закрытыми.

И они так и не открылись в моём присутствии.

Глава третья

Грим

Я не возвращался в «Хантер Лонж» в течение почти трех недель, и я также не знаю: выжила или умерла та девушка, которую я оставил в библиотеке. Как только появился Док, бормоча о том, что его оторвали от экстренных родов, я унёс оттуда ноги. Я даже не принял душ и не сменил одежду, полностью покрытую кровью и грязью.

Инстинкт велел мне убраться подальше от неё, а я никогда не игнорировал своё чутьё, моя жизнь управляется этим импульсом. Это то, что сохраняло мне жизнь.

Даже на расстоянии желание сбежать не ослабло. Оно подступало ко мне, как дьявол. Я мог ощущать его огненное дыхание на шее, ожидая, когда же он вонзит свои острые зубы в мою яремную вену. Он шептал мне в затылок, обещая собрать долги и требуя фунт моей плоти. Я мог почувствовать укол его вил в бедро — три колючих зубца, иссушающие кожу и угрожающие бросить меня в огонь. Я бежал до тех пор, пока больше не мог продолжать бежать. Легкие горели, а рана на бедре сильно кровоточила, кровопотеря и истощение быстро взяли верх над пульсацией адреналина в моих венах. Но это всё ещё было недостаточно, так что я сбежал.

Я оставил страну под предлогом сбора долгов для «Багряного креста». И теперь я здесь, скитаюсь свободный, делая то, что умею лучше всего.

Лондон, Париж, Рим, Нью-Йорк.

Нигде не безопасно.

Если вы скрываетесь, я найду вас и буду наслаждаться каждой секундой преследования.

Это было тем, что держало дьявола в узде. Я питал его плотью других и поддерживал его жиром душ, пока его живот надувался, угрожая взорваться.

И Коул, ни Люк не упоминали о девушке во время наших частых брифингов, а я и не спрашивал. Хотя, какого чёрта это должно меня заботить?

И как по сигналу, мой телефон завибрировал в кармане. Это может быть только один из братьев Хантер, или, возможно, они оба по звонку-конференции, поскольку ни у кого больше нет этого номера. И даже если бы и был, нет никого на этой планете, кто захочет мне позвонить. *«Вы подружитесь с Сатаной, когда он жаждет вашей крови, Вы же понимаете, что я имею в виду?»*

— Да, — отвечаю я, не выпуская из поля зрения цель, со свистом проносящуюся по своему офису в центре Нью-Йорка.

— Миллер нужен нам живым, — линия потрескивает от помех, но слова совершенно понятны. Сегодня не будет никакой души, чтобы накормить моего творца.

— Я уверен, что у меня легко получится с ним. Вы получите его на один кусок больше или меньше, — лаконично отвечаю я, уклоняясь от испуганного взгляда

официантки, которая сейчас как раз посередине процесса, доливая чай в мою пустую кружку.

— Вы приедете забрать товары или мне привести пакеты с собой? — спрашиваю я, равнодушный к дрожанию рук девочки и её нервно бегающим глазам, она избегает смотреть на мои шрамы, но может слышать всю беседу. И я хочу, чтобы она слышала. Усугубление её страхов — бонусные острые ощущения, которых я и не ожидал, тем более что сегодняшнее такое необходимое мне убийство сорвалось.

— Реактивный самолет ожидает тебя, привези Миллера сюда, — информирует Люк, заканчивая беседу, начатую Коулом.

— Мы должны поговорить, Грим, — добавляет Коул. — Это насчет девушки.

Эти три слова вызывают во мне незнакомые и запутывающие ощущения, распространяющиеся по всему телу. Желудок резко падает вниз, прежде чем со скоростью пули подскакивает вверх, сила этого воздействия, по-видимому, сокрушает все мои внутренние органы.

«Она мертва».

— Ты слышал меня, брат? Время пришло.

Я не могу ответить ему.

Мои легкие как будто высохли в груди, а оставшийся пепел пробивает путь наверх в трахею и заполняет рот песком.

Официантка, ранее обслуживающая меня, замерла рядом с соседним столиком, наблюдая за мной с нездоровым увлечением, за тем как я бьюсь в конвульсиях и задыхаюсь.

— Грим, что случилось? Ты слышишь нас? — голос Люка контролируем и спокоен. Если он и озабочен звуками, что я издаю, он не показывает этого.

Я хриплю в ответ. Мой рот открывается и закрывается, захватывая большие глотки воздуха, который отказываются проходить вниз по заблокированному и перекрытому горлу.

«Какая-то сука отравила меня. Я убью ублюдков, начиная с этой вонючей официантки».

В поле моего затуманенного зрения появляется рука, держащая бумажный пакет для упаковки.

— У вас паническая атака. Используйте это, — рука дрожит, тонкие пальчики с отполированными бледно-розовыми ноготками дрожат, удерживая бумагу.

— Возьмите это, прежде чем вы выйдете наружу, — слышится дрожащий и неровный голос официантки. *«Какого хера она обеспокоено притворяется, что помогает мне? Эта сука, что-то подсыпала в мой чай».*

Взгляд застывает на протянутом пакете, мир вокруг него зернист и расфокусирован, пока я слабо и число механически прижимаю руки к шее и грудной клетке.

— Возьмите, — повторяет она, когда темные пятна кружатся перед моим взглядом, а невидимый кулак давит на лёгкие.

Я с грохотом роняю свой телефон на стол, приглушенные голоса Коула и Люка эхом раздаются из динамика и улетают прочь в тяжёлом нью-йоркском ветре. Слабой рукой я прикасаюсь к пакету для упаковки и судорожно захватываю его. Официантка отступает в сторону, но не уходит, в то время как я отчаянно притягиваю пакет к своим губам.

Ничего. *«Что этот бл*дский бумажный пакет может сделать для меня, и что ещё важнее, как эта хилая *бучая сука рыпнулась на меня?»*

— Сделайте несколько глубоких вдохов в пакет, — спокойно инструктирует она откуда-то слева. — Вдох и выдох, но не больше, чем дюжину раз.

Я задыхаюсь в пакет, шуршание бумаги подобно орудийному огню в моих ушах.

— Да, именно так, — мягко поощряет она. — Ещё несколько раз, а затем уберите пакет и дышите медленно и глубоко.

Моя трахея открывается, и первая порция блаженного воздуха просачиваются в горящие лёгкие.

«Вдох и выдох. Вдох и выдох».

Затем зрение проясняется, рука расслабляется, и я могу почувствовать, как грудная клетка поднимается и опускается с каждым вдохом. Хруст при надувании и сужение пакета превращаются из какого-то зверского в успокаивающую мелодию, и на девятом или десятом вдохе я в порядке, чтобы, бл*дь, не произошло со мной.

Я отодвигаю бумагу ото рта и смотрю вниз на безвредный предмет. *«Простой коричневый пакет только что спас Жнеца дьявола».*

Медленно моргая от нелепости момента, я поворачиваю голову к своей спасительнице — девушке, которая всего мгновение назад, я думал, была той, кто наконец-то сумел убить меня.

Официантка стоит там, теребя в руках подол передника, ткань двигается с каждым нервным поворотом её пальцев. Ей слегка за двадцать, миниатюрная мышка, и как я думал, она — последний человек на земле, который поможет кому-то типа меня. Я хочу рассмеяться вслух из-за иррациональных мыслей, что были у меня о том, что она убила меня. Эта девушка, с её нервными движениями и покорной позой, не смогла бы убить даже треклятую муху, уже не говоря о Жнеце «Багряного креста».

— Откуда ты знала, что надо делать? — спрашиваю я, дергая подбородком и отбрасывая пакет.

Она пожимает плечами, неуклюже потупив взор, и я чувствую, как остаточный обжигающий жар ползёт по моим щекам, от чего шрамы на лице напрягаются и зудят.

— У Вас была гипервентиляция. Это когда тело получает больше кислорода, чем нуждается, и минимизирует уровень углекислого газа в крови. Это происходит в случае панической атаки. Я знаю, поскольку страдаю от них всю свою жизнь, — она снова пожимает плечами, слегка наклоняя одно, и продолжает: — Пакет помогает вам вдыхать меньшее количество кислорода и снова наполняет кровь углекислым газом. Эффект достигается практически немедленно.

Её глаза неуверенно встречаются с моими, просто едва бросив взгляд на мой изуродованный профиль и обратно, чтобы выдержать мой пристальный взгляд. Я был неправ относительно этой девочки, она кажется слабой, но всё же имеет тихую силу, затаившуюся в карих глазах. Она борется против скрытых демонов, но всё же остановилась, чтобы помочь одному из них в людном месте.

Благодарность чужда для меня. Я имею в виду, я в долгу перед братьями Хантер, о чём они в курсе, и я благодарен Анне — экономке «Хантер Лодж», когда она кормит меня, но только потому, что Коул оторвёт мне язык, если я не буду этого делать. Но настоящая благодарность незнакомцу, кому-то более слабому, чем я, — такого никогда не случалось раньше, и я в замешательстве из-за этого и того, что мне дальше следует делать.

— Спасибо, — вылетает из моего рта. На вкус это сверхъестественно, но не неприятно, глаза официантки слегка расширяются, как будто я шокировал её так же, как и себя.

— Грим, *Грим!* — вопит мой отброшенный телефон. — Что, бл*дь, происходит?

Моё лицо искажает неумелая и скорей всего ужасающая уродливая попытка улыбнуться. Я только ухмыляюсь или усмехаюсь, особенно когда причиняю боль кому-то заслужившему мой нож, но я никогда... *никогда* не улыбаюсь.

— Без проблем, — мягко отвечает она, улыбаясь в ответ гораздо более естественной улыбкой, чем моя. — Я думаю, вам лучше дать знать вашим друзьям, что вы в порядке. Они звучат довольно взволнованно.

Я бросаю взгляд на телефон, лежащий на столе. Он всё ещё вибрирует от совместных воплей и требований Люка и Коула.

Я подтягиваю к себе телефон, используя только кончик пальца, и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на девушку ещё раз, но она уже ушла. Я подношу устройство к уху, пока вытягиваю шею, чтобы увидеть, как девушка исчезает в глубине кафе. Когда оглядываюсь ещё раз, я вижу Миллера, выходящего из его офиса и быстро идущего вниз по улице.

— Закатывайте ваши грёбанные панталоны. У меня — Миллер. И я буду в реактивном самолете менее чем через час.

Я обрываю звонок, прежде чем они смогут завалить меня любыми своими вопросами. Мой маленький эпизод не должен стать общеизвестным. Это никогда не случалось раньше, и я не позволю снова повториться этому.

— *Это из-за девушки*, — шепчет мне в ухо дьявол.

Грудная клетка угрожает сжаться от запомнившихся слов, и я с сожалением бросаю взгляд на бумажный пакет.

— Ох, да ну на хер, это. Она — просто девушка. Скорей всего, мертвая, — я выдавливаю слова непосредственно в сторону ни в чём не повинного коричневого пакета. Разъяренный, я хватаю предложенный предмет и сильно комкаю его, мои суставы хрустят от давления. Затем, не оглядываясь назад, я кидаю его в мою дымящуюся кружку с чаем, бросаю полтинник на стол и срываюсь прочь из кафе с огнем в желудке.

Я должен кое-что доказать, и, к несчастью для Миллера, он пострадает от всего этого.

«Миллер нужен нам живым».

Простите, братья. Я не даю никаких обещаний.

Пока я преследую свою добычу по переполненным улицам центра города, чувствую, как моя кровь сгустилась и пульсирует.

Это то, для чего я был создан — преследовать добычу, заслуживающую моего ножа.

А не для того, чтобы спасти сломанную девушку, о которой я по глупости думал, как о трофее.

В то время как расстояние между мной и моей целью становится меньше, я клянусь, что мой следующий трофей будет более удовлетворяющим, и буду надеяться, ради Коула и Люка, что не мертвым. Миллер, должно быть, важен, если он нужен им живым.

Однако у меня будет множество забав с ним, прежде чем я доставлю его. *«И я просто знаю, какую из его частей собираюсь сохранить»*, — подумываю я про себя с усмешкой, пока смотрю, как он претенциозно приглаживает рукой искусно взъерошенные волосы. Я подражаю его движениям и протираю свою колючую голову.

«Миллер, у нас с тобой будет так много веселья. Я собираюсь сделать тебя звездой моего следующего трофейного кинофильма».

Глава четвертая

Грим

— Ты снял скальп с ублюдка? — в неверии спрашивает Коул, стоят над забитой фигурой Миллера, в настоящий момент благополучно сданной на хранение в заднюю часть автофургона в имении «Хантер Лодж».

— Он жив, — категорически заявляю я, поскольку любой, у кого есть глаза, может видеть, как Миллер рыдает. Его слёзы и сопли оставляют красивые дорожки на засохшей крови, что когда-то раскрасила его красивое лицо. — О, и я забрал его мизинец тоже. Льстивый у*бок носил кольцо на нём. Какой мужчина носит перстень на мизинце? Засранец заслужил потерять этот палец, а также кольцо.

— Это кольцо с печаткой — и есть причина, по которой этот засранец нужен нам был живым, — сквозь зубы выдавливают Коул.

Мужик может добавить себе головной боли и сломать несколько зубов, если не ослабит хватку. Я смотрю, как Коул тянется во внутренний карман жакета и вытаскивает пистолет из плечевой кобуры, резко стреляя прямо между глаз в теперь уже умоляющего Миллера, заставив его умолкнуть навечно.

— Какого чёрта ты это сделал? — проскулил я как ребёнок, который только что потерял свою любимую игрушку. — Я не убил ублюдка — он по-прежнему мог говорить, и он всё ещё был полезен, — мрачно бормочу я, глядя на резко осевший труп. У меня могло быть больше веселья, если бы Коул не устроил истерику из-за этого и не прикончил его.

Коул убирает оружие обратно в кобуру, бросая один последний взгляд на мертвеца, и разворачивается ко мне лицом, в его глазах горит огонь.

— Когда я говорю, что кто-то нужен мне живым, это потому, что у меня есть для них применение. Тот, кто приносит мне ушатанного, сломанного человека с выставленной черепушкой — делает его бесполезным. Этот ублюдок... — он злобно указал на тело у себя в ногах — ...был член клуба в доступе, к которому мы нуждались, клуб, который покупает и продает людей: мужчин, женщин и детей — для всех видов использования.

Он делает шаг назад и подталкивает мягкую руку Миллера носком своих ботинок, указывая на мизинец, что я отрезал и который сейчас радостно болтается в моем заднем кармане, окрашивая хлопчатобумажную ткань моих джинсов в симпатичный алый.

— Палец с перстнем, что ты отрезал, был гребаным ключом к «Королевству». Без официального введения членом, оплатившим свои взносы... — он подталкивает ногой тело Миллера, чтобы донести свою точку зрения, — ...мы не сможем проникнуть внутрь.

Он спокойно оценивает меня. Его лицо — маска спокойного сдержанного раздражения и гнева, пульсирующими волнами исходящего от него. Его управляемый гнев вызывает шипение Дьявола у меня ухе.

— Ладно, это отстой, — отвечаю я, пожимая плечами. — Просто отправьте меня в направлении следующего ублюдка с ключом, и я даю обещание на мизинчиках — что ни один волосок не упадет с его головы, — я усмехаюсь своей двойной шутке. «Обещание на мизинчиках, волосок на его голове — уловили? Ага, вы уловили».

Коул уставился на меня. И я могу сказать, что он борется с потребностью наказать меня за моё неповиновение. У нас никогда не доходило до драки, но это не означает что, как и у большинства братьев, кровных или нет, он время от времени не хочет раскрыть моё «красивое» лицо.

Он выдерживает паузу в течение секунды, а затем ухмыляется мне. Я видел эту улыбку раньше. Это именно та, что украшает его лицо прямо перед тем, как он убивает ничего не подозревающую жертву.

— Она жива, Грим, — заявляет он с ядовитой улыбкой. Когда я остаюсь молчаливым, вынуждая своё тело не реагировать на его провокацию, он изучает меня в течение нескольких секунд, прежде чем добавляет: — Я предполагаю, ты думал, что она умерла. Это из-за этого ты слетел с катушек в Нью-Йорке? Ты думал, что я собираюсь сообщить тебе, что твой новый трофей потерян?

Я кусаю язык, пока не чувствую кровь, а мои руки со сжатыми кулаками остаются висеть по бокам. *«Он надеется спровоцировать меня. Ублюдок».*

— Кто она тебе? — давит он, повторяя тот же вопрос, что он задал мне несколько недель назад.

— Она никто, — выкладываю я слишком быстро. — Я никогда не видел эту суку раньше. Она была живой, когда я убил Форестера, так что я принес её в логово Хантеров, чтобы спасти, — ирония сочится из каждого произнесенного слога.

— Она спрашивала о тебе, — заявляет он, и его спокойный тон резко контрастирует с моим.

Я разрываю обмен взглядами и поворачиваюсь спиной к нему, с расстояния осматривая «Хантер Лодж».

— Ей не стоит встречаться со мной. Она видела достаточное количество монстров в жизни, нет никакой необходимости представлять её ещё одному.

Я спрыгиваю с задней части фургона и скольжу рукой в задний карман джинсов. Снова поворачиваясь к Коулу лицом, я лениво бросаю отрезанный палец к его ногам.

— Дай мне знать, когда у вас появится другая зацепка, а до тех пор я останусь в доме у реки, — я поворачиваю голову, чтобы бросить ещё один последний взгляд на впечатляющее и импозантное здание, которое было штабом семьи Хантер в течение поколений и моим домом с тех пор, как они еще юным мальчиком спасли меня. Я бормочу себе под нос, пока шагаю в направлении реки, которая является границей этой обширной собственности. — Становится слегка многолюдно у тебя, а я плохо уживаюсь с людьми.

— Грим, — зовёт меня Коул, когда я всего лишь на расстоянии в несколько метров. — Отправить тебе девочку, возможно, блондинку, как ты любишь? Я думаю, что ты мог бы выпустить немного пара.

Образ белых блондинистых волос в засохшей крови и грязи высвечивается в моем мозге, но не раньше, чем я кричу через плечо.

— Нет. Не присылай мне никого. Если ты не хочешь, чтобы я отправил их обратно по частям.

Аом у реки — скорее рыболовецкая хижина, хотя и роскошен. Он располагается на обрыве стремительного водного пути, который занимает почти двадцать или около того акров «Хантер Лодж». Множество небольших притоков питают главную реку, превращая её в дополнительную естественную защиту собственности. Забор под высоким напряжением напротив обрыва является достаточным препятствием на пути у большинства злоумышленников. Но если и это не остановит вас, и вы будете слишком

глупы, чтобы попытаться пересечь эту реку, например, летом, то у неё безумно быстрый поток, и она кажется бездонной. Это то, что я узнал на себе в течение моего первого года здесь. Ещё один раз, когда один из братьев Хантер вынужден был прийти ко мне на помощь.

Пока я шагал по хорошо вытоптанной траве луга, то скользил глазам по небольшой лесистой местности, что граничила с рекой, и вспышка белого прямо через деревья, непосредственно справа от меня, привлекла мой пристальный взгляд. Шаги замирают, глаза сканируют плотную листву. Никто не ходит сюда, кроме меня. Анна не посылает даже прислугу сюда, чтобы убрать дом у реки, это моя территория. Кроме того, у меня — невероятное ОКР (*прим. ОКР — обсессивно-компульсивное расстройство*) насчёт чистоты. Никто не сделает эту работу так хорошо, кроме меня. Это место чертовски безупречно, и я никогда не играю здесь. Никогда.

Движение опять повторяется, в этот раз дальше в лесу. *«Это не зверь, если у нас, конечно, не появилось необходимость завести белых медведей, бегающих, бл*дь, на воле по всей территории»*. Этот человек одет во всё белое, что подсказывает мне, что это не лазутчик, поскольку кто, вашу мать, будет настолько глупым, чтобы пытаться подкрасться к кому-то, с ног до головы одетым в белое?

Гребаный идиот, вот кто он, и к тому же мертвец, как только я его поймаю.

Я провожу кончиками пальцев по ножам на моём поясе и медленно и спокойно следую в направлении движения. Когда я достигаю деревьев, то приседаю и жду.

Все тихо, кроме непрерывного пения птиц высоко в небе и шепота листьев в раннем летнем ветерке. Никакого хруста шагов, никаких больше вспышек белого.

Я встаю и направляюсь к месту, где я видел последнее движение. Жизнь научила меня, как уметь становиться призраком. Мои ноги не оставляют за собой никаких следов, и мои габариты не являются помехой, пока я легко скольжу от одного дерева к другому. Этот белый медведь не увидит и не услышит, как я подбираюсь.

Я продолжаю пробираться вперед через маленькую чащу, мои чувства настроены на окружающий лес. Здесь — ничего и никого. Это как будто мой разум играет со мной. Я достигаю края обрыва, что ведёт к одному из притоков, питающих реку, так и не столкнувшись ни с чем неблагоприятным, хотя бы со следом на мягкой земле или согнутой травинкой. Я уже собираюсь обернуться и двинуться назад, когда небольшой всплеск воды привлекает меня. Это, скорее всего, рыба, но этот приток более мелкий, чем река, и его проще переплыть. Мои инстинкты велят мне проверить это. Так же, как спокойно я проделал свой путь через деревья, я подползаю к краю и осторожно выглядываю вниз. Я подбираюсь ближе и вижу большее количество воды, пока не натываюсь на пару голых ног, следуя взглядом по ним — они обернуты мокрым белым хлопком, что парит и кружится в воде. Ещё один шаг и в поле моего зрения попадают бёдра, ведущие к тонкой талии. Ткань достаточно прозрачна, чтобы увидеть пупок и сладкие изгибы небольших грудей с вершинками тёмных сосков.

— Я слышу тебя, — раздаётся мягкий голос, почти шепот, и мои руки инстинктивно оборачиваются вокруг ручки одного из моих самых маленьких лезвий.

Ещё один шаг, и я смогу наклониться и увидеть лицо, которое принадлежит телу.

Глаза закрыты, улыбка безмятежна. Женщина слегка отводит назад голову, подставляя его солнцу. Она полностью лежит в воде, и только верхняя часть её тела погружена в воду, пока она отклоняется назад на предплечьях, согнутых в локтях. Длинные влажные волосы, сияющие как нефть, падают на её плечи, больше половины выются вокруг её спины в воде, как будто мазки чернил.

Она знакома и в тоже время нет. Её кожа бледна, но щеки немного покраснели на солнце, её губы глубокого чувственного красного цвета, который слишком натуральный,

чтобы быть помадой. Её тонкая гладкая шея выгибается и выставляет изящно изогнутую ключицу, прозрачная ткань её платья прилипла к сиськам совершенной формы, что приподнимаются прямо над поверхностью воды с каждым глубоким вздохом, что она делает.

Эта девочка эфемерно красива, но когда она открывает свои глаза, моя голова идет кругом, и я отступаю назад, практически приземляясь на задницу, как испугавшийся ребенок. Эти глаза часто преследуют меня. Мерцающего синего цвета и практически безжизненные, они выглядят, как глаза мертвеца, хотя всё же имеют глубину, что говорит об их невероятной жизненной силе. Они смотрят на меня как небо облачным летом, наполненные таким ярким желанием жизни, что вы охотно захотите утонуть в них.

— Ты прихрамываешь на свою правую ногу. Получил травму? — спрашивает она меня. Её разрушающие душу глаза не моргают, так ни разу и не взглянув на моё лицо или тело. Она просто продолжает смотреть в яркое солнечное небо.

— Кто ты и что ты делаешь так далеко от «Лоджа»?

Мой собственный голос звучит чуждо для моих ушей. Робкий, заботливый, потрясенный и осторожный.

Она отклоняет свою голову дальше, пока вода не облизывает её лоб, а длинные волосы полностью не погружаются в воду. Глаза закрываются, в то время как она вздыхает от контакта с водой. Это как будто она позволяет воде смыть с неё всё горе. С каждой секундой, что она находится там, она кажется светлее, более весёлой, более живой.

— Спасибо, — в конце концов, произносит она, не отвечая на мои вопросы.

— За что? — хриплю я, мое тело жаждет скатиться с обрыва и лечь рядом с ней в холодный поток.

— За то, что убил его, — отвечает она с улыбкой. — За то, что убил их всех.

Глава пятая

Каллиан

Я почувствовала его ещё до того, как он на фут появился из-за деревьев. Я услышала его сразу же, несмотря на то, что он хорошо умеет скрывать свои движения.

Его аромат разносился по ветру, когда я окуналась в воду. Тёмный земляной мускус, окутывающий меня, точно такой же, как тот, когда я была в его руках.

Я бы могла ощутить его на моём языке, если бы он был ближе. Его взгляд на моё тело был подобен физической ласке любовника. Не то что чтобы у меня когда-то это было, но это было тем, о чём я всегда мечтала, то, как это будет ощущаться.

Моя сестра Дамарис однажды сказала мне: никогда не терять надежду, или они победят.

Она забрала свою надежду в могилу.

Я же скрыла свою глубоко в груди и забаррикадировала её за решеткой из проволоки и шипов. Для всех я казалась утратившей надежду. Это то, что позволило мне выжить!

Я отгибала эту решетку в темноте ночи и молчаливо ускользала в свой пузырь. Я мечтала о свежем воздухе, синем небе и очищающих водах. Я желала жизни, которой никогда не знала.

Рожденная в «Королевстве», насколько мне известно, моя жизнь была бесконечным рабством. Моё существование являлась всего лишь сосудом для удовольствия и обслуживания других. Быть рабыней или мешком для ударов кулаками, или как получилось позже в моей жизни — дыркой, которую должны использовать и наполнять. У меня должна была быть мать, так как у меня есть имя, хотя у многих, принадлежащих «Королевству», нет даже этого. Зачем обременять себя и давать собственности имена, когда мы безликие? Я не знаю, сколько мне лет или сколько прошло лет с тех пор, как я видела мою сестру. Всё, что я знаю, прямо здесь и сейчас, — то, что я ощутила вкус смерти в тот день.

Я приветствовала её. Я просила о ней с протянутыми руками, но всё же, это были руки моего спасителя, которые обернулись вокруг меня и крепко прижали. Объятие этого сильного, мощного незнакомца окутало меня одеялом из той самой вещи, что они почти погасили.

Надеждой.

Я слышала, как последний мужчина, что использовал меня, сделал последний вздох. Я слышала, как биение его сердца запнулось и прекратилось. Я распробовала его смерть на языке как сладкий и немного терпкий вкус самого сочного плода, и это подпитало меня. Затем я погрузилась в ожидающие руки и уплыла прочь в блаженном знании, что я умру свободной. Заключительный вздох воздуха, поступивший в мои лёгкие, не будет заражен мерзостью и безнравственностью. Мой спаситель дал мне это и, таким образом, подарил мне целый мир.

— Меня зовут Каллиан, я пришла из «Королевства», — сообщаю я мужчине, который, как я ощущаю, смотрит на меня. Однажды я слышала его имя — *Грим*, но я отказываюсь думать, что это прозвище подходит ему. Мужчина, назвавшийся Гримом, никогда не обеспокоится спасением умирающей девушки.

— Почему ты здесь? — в конце концов, спрашивает он со строгостью в голосе, которой раньше там не было.

— Ты принёс меня сюда, — просто отвечаю я, медленно поднимая свою голову из воды и позволяя прохладным каплям стекать с волос на моё лицо. Такое чувство, что это очищает меня. Природа каким-то образом обнимает меня и впитывает прочь всю желчь, наводняющую каждую мою пору.

— Выйди из этой грёбаной воды и вернись в «Лодж», тебе нельзя здесь находиться, — рычит он. Вибрация от его слов колет мою кожу подобно острым как бритва осколкам льдинок. Мои глаза распахиваются и смотрят в небо, тепло солнца осушает воду на моей коже и окрашивает её жизнью.

— Там слишком шумно, — спокойно заявляю я, моё признание только наполовину правдиво. Я хотела найти его больше, чем хотела избежать непрерывного шума и любопытных глаз внутри того похожего на пещеру особняка. Он пыхтит, резко выдыхая, и я слышу его движение, как будто он расхаживает туда-сюда по короткой траве на самом краю обрыва.

— Почему твои волосы чёрные? — почти рассеяно спрашивает он, больше у себя, чем у меня. Прежде чем я могу рассказать ему, что я просила, чтобы мои волосы перекрасили назад в мой естественный цвет, и Анна, женщина, которая заботилась обо мне во время моего восстановления, любезно справилась с этой задачей вчера, я слышу, что он скатился по обрыву и затем раздался всплеск воды всего лишь в дюймах от меня.

— Я сказал, выйди из грёбаной воды и возвращайся в дом, где безопасно, — рычит он, прежде чем оборачивает обе свои огромные руки вокруг предплечий и ставит меня на ноги. Его неожиданное и резкое прикосновение заставляет меня раскачиваться, я не способна найти точку опоры, пока моё мокрое платье прилипает к телу, запутываясь вокруг голых ног, которые стараются устоять на илистом дне реки.

За считанные секунды я в его руках, а за другую он заносит меня на вершину обрыва. Солнце прячется позади окружающих деревьев, и моё тело тут же дрожит из-за прохлады тени и его массивной фигуры.

— Теперь иди! — орёт он в дюйме от моего лица, его горячее дыхание обдувает мои холодные щёки. Движение заставляет меня сначала сжаться, а затем убежать.

Он, что, не понимает того, что я прожила всю свою жизнь, окруженная настоящими монстрами, так что его гнев, его резкие слова и то, как он склонился надо мной, пугают меня? Нет, его слова омывают мою кожу, также как это делает водный поток, и эти лужи под моими голыми ногами превращаются в заводь бесполезно растраченной энергии.

Он ждет от меня молчаливого повиновения. Я могу почувствовать дыхание, выходящее из его груди, пульсацию, охватившую мое дрожащее тело. Я хватаюсь за него руками, это движение он должен интерпретировать как угрозу, а не потребность ощутить тепло, поскольку его следующие слова выходят с тяжелым вздохом.

— Послушай, я не должен был так прикасаться к тебе, я просто привык, что люди делают то, что я им говорю, вообще-то, большинство людей убегают, как только видят моё лицо, и всё же ты проигнорировала мои прямые приказы не один раз, а дважды. И ты смотришь на меня, ни разу не вздрогнув. Ты или глупа, или храбра, или оба эти качества, но если я велю тебе уйти, ты уходишь. Поняла?

Даже с учетом более мягкого тона, я всё ещё могу распознать едва сдерживаемый гнев в его голосе, но он сердится на себя или на меня? Я не могу точно сказать.

Опуская руки по бокам, я поворачиваюсь и смотрю непосредственно на него. Я сделаю так, как он просит, и уйду, но не раньше, чем он услышит мои слова на этот раз.

— Спасибо, — произношу я ещё раз, прежде чем разворачиваюсь и направляюсь к тропинке, что привела меня к ручью, обратно через маленький лес, где кора чувствует грубой под моими пальцами, а мягкая влажная трава щекочет мои ноги. Я ощущаю его взгляд всю дорогу, и я хочу развернуться и вернуться к нему без всякой причины. Я чувствую в его обществе нечто большее, чем вечное одиночество и изоляцию, которые я ощущала большую часть своей жизни. Единственный другой человек, чьей компании я искала, — была моей сестрой, а в «Королевстве» они использовали эту связь против меня.

Мне интересно, чувствует ли этот мужчина — мой спаситель — то же самое. И если он признает это, он тоже будет использовать это против меня?

Глава шестая

Грим

Бах. Бах. Бах.

Где-то внутри моей пульсирующей головы этот стук становится всё громче и настойчивее.

Бах. Бах. Бах.

— Открой, *баную дверь, Грим, или я снесу её с петель.

Я крихчу и перекатываюсь с живота на спину, мой усохший и обезвоженный мозг бьётся об основание черепа, заставляя меня вздрагивать.

— Оставь меня, бл*дь, в покое, — бормочу я. Или, по крайней мере, я думаю, что так делаю. Я не уверен, что прямо сейчас я в состоянии открыть глаза, не говоря уже о моём рте. Галлон янтарного виски, которое я выпил вчера ночью, принес мне смертельные последствия.

— Не испытывай меня, Грим.

Бах. Бах. Бах.

— Коул и твой трофей ждут тебя в его офисе, так что поднимайся, бл*дь.

— Мне плевать, — бормочу я ещё раз, мой голос ничто иное, как глухой скрежет в пустой комнате.

Твердое дерево прижимается к моей щеке, когда я поворачиваю голову в сторону и заставляю слипшиеся от алкоголя глаза открыться. Яркий солнечный свет опалает сетчатку глаза, в то время как я искоса смотрю и пытаюсь сфокусировать свой пристальный взгляд на входной двери хижины. Через маленький стеклянный квадрат вверху массивной дубовой двери неясно вырисовывается лицо того, кто обычно сдержан и спокоен, его истинная сущность спрятана за маской манер и безразличия. Хотя не сегодня. Сегодня лицо Люка демонстрирует все его эмоции открыто, и даже в моем чуть ли не полудохлом состоянии я вижу, что он в состоянии гребаной ярости.

— Вставай, возьми себя в руки и будь в «Лодже» через тридцать минут или я возьму циркульную пилу и разнесу в щепки твою драгоценную хижину, — заявляет он, в его тоне обещание, а не угроза. Маска Люка мягко возвращается на место с каждым словом, что он выдавливая из себя, пока стоит и смотрит на меня, как на таракана. Я остро ощущаю его презрение даже через барьер стекла и толстой древесины, но это ничего не значит для меня.

Улыбка медленно ползёт с одной стороны его рта. Даже с расстояния между нами и затуманенным алкоголем взглядом, я могу видеть проблеск острых белых зубов, когда его губа искривляется обратно, а также вспышку тёмных искр, когда его глаза сияют как оникс.

— Если ты не хочешь утверждать права на свой новый симпатичный трофей, я уверен, что ей понравится быть дополнением к моему стенду в подвале.

Его слова, его намерения и его разнузданное предупреждение бьёт меня прямо под дых, распространяя огонь по венам, который сжигает последние остатки алкогольного опьянения, как будто подпалили фитиль фейерверка.

Мгновение — и я на ногах, бросаюсь к двери, широко открываю её и реву ему в спину, в то время как он шагает прочь по высокой траве.

— Тронь её, и я буду носить твои внутренности как ремень.

Он не оборачивается, но поднимает одну руку в пренебрежительном жесте.

Ублюдок точно знает, на какие точки нужно надавить, и пока я наблюдаю, как его одетая в костюм фигура исчезает за деревьями, меня поражает видение утонченных изгибов, заключенных во влажный белый хлопок, проделывающее те же самые вещи, что и вчера.

Я наблюдал, как Каллиан без усилий прокладывала свой путь через лес, ни разу не поколебавшись или не оглянувшись назад. Она передвигалась так, как будто плыла по воздуху. Беззвучно, не спотыкаясь, не оставляя ни единого следа, доказывающего, что она хотя бы ещё раз была передо мной.

Хотя остался её аромат. Он кружил в ветре вокруг меня, облизывая мою кожу и проникая в мой разум.

Солнечный свет, дикие цветы и недавно скошенная трава. Это въелось в мои чувства и удерживало меня зачарованным. Проходили минуты, а я алчно впитывал его, и я всё равно страдаю от жажды. Мой язык — засохшая плоть, приклеившаяся к нёбу, мои вкусовые рецепторы жаждали ощутить больше её вкуса.

Я не знаю, как дошёл до хижины, мои ощущения туманны и поглощены ею. Осталась только жажда, что она создала, и я стремительно подавил её, очистив из своего тела полной бутылкой односолодового виски «Пендерин» (*прим. «Пендерин» — марка виски, выпускающегося единственной винокурней в Уэльсе*). Я редко пил. Эффект от алкоголя или наркотиков при моих нестабильных эмоциях приводил мой организм в беспорядочное и буйное состояние. Я, может быть, по мнению многих людей, и неудержимый маньяк, но вот только я *всегда, всегда* всё держу под контролем. Слава богу, литр виски сделал своё дело, и я вырубился на паркетном полу хижины, не причинив никому никакого вреда.

Проснуться с барабанами и басами, пульсирующими в моих глазах, не было частью плана. Почему головная боль после употребления спиртного не может сопровождаться достойным саундтреком: как Мартин Дин, Сэмми Дэвис Младший или Фрэнк Синатра? Почему к следующему утру всегда прилагается бешенное техно?

Ну, да, вы можете называть меня оксюмороном. Я — убийца, который жаждет беспорядка и кровопролития, являясь при этом чистейшим образцом ОКР.

Травмированный маньяк, у которого всегда всё под контролем, даже если я и выхожу из себя; головорез, который дал имя любимому ножу; кто становится твёрдым, когда люди умоляют его о сохранении их жизней; и все ещё слушающий «Крысиную стаю» (*прим. команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х годов, которая группировалась вокруг Хамфри Богарта и его супруги Лорен Бэколл*), поскольку те мужчины — явный класс.

С последним быстрым взглядом на теперь уже пустой лесу, я разворачиваюсь на пятках, закрываю дверь позади себя, прежде чем окончательно обнажусь с этим яростным стояком. Ха, видимо, поэтому Люк и не задержался. Слишком много мужчины для него, он, скорее всего, почувствовал себя некомфортно. Я ухмыляюсь себе в течение целых пяти секунд, прежде чем его слова раздаются в моей голове.

«Если ты не хочешь утверждать права на свой новый симпатичный трофей, я уверен, что ей понравится быть дополнением к моему стенду в подвале».

Улыбка сползает с моего лица, и дикий звук вырывается из горла, пока я штурмую спальню, полный решимости одеться и добраться до «Лодж», прежде чем Люк даже подумает воплотить в жизнь свою угрозу. Игнорируя зловонный запах спиртного, исходящий от меня, я натягиваю какие-то джинсы, плещу водой в лицо и фактически выполаскиваю целую бутылку жидкости для полоскания рта, которую я выплёвываю на траву возле хижины. Я оставляю переднюю дверь широко открытой, безразличный к тому, что кто угодно может войти в моё убежище, пока я шагаю через лес, натягивая рубашку через голову и закрепляя в ножнах мою любимую «Мисси», пока преодолеваю необходимое расстояние.

В то время, когда я подхожу к входу в «Хантер Лодж», я полностью возвращаю свой контроль. Моя скоротечная ярость сдерживается «Мисси», успокаивающе находящейся на моём бедре, и ароматом скошенной травы и диких цветов, манящий аромат которых доносит легкий ветерок.

Весь этот размеренный контроль катится к чёрту, когда я захожу в кабинет Коула, расположенный в его частном крыле «Хантер Лодж», поскольку, когда я вхожу в комнату, там меня ожидают четыре человека. Коул, Фей, Люк и она — *Каллиан*.

Её имя непрощено соскальзывает с моих губ. Глаза всех смотрят на меня, кроме неё. Она продолжает смотреть в широко распахнутое окно, её длинные тёмные волосы трепещут вокруг её плеч, пойманные безумным порывом ветра. Одета во всё белое, она кажется незапятнанным ангелом, тогда как я вмятина на части плода, та, что вы отрезаете самым острым ножом, прежде чем погрузить зубы в сочный плод.

Её голова наклоняется при звуке её имени, но она не поворачивается, чтобы быть лицом ко мне и эмоциям, вырвавшимся на первый план, с которыми я боролся за контроль по дороге сюда.

— Какого хрена она здесь делает? — выдаю я, моя рука находит гладкую ручку «Мисси», кончики пальцев испытывают зуд вытащить её и причинить боль, но не ей — себе.

— Грим.

Голос Коула вырывает меня из внутреннего сражения, и я отвожу свои глаза от фигуры Каллиан, чтобы остановиться на его лице.

— Ты сказал мне найти тебе новый ключ от «Королевства», — его глаза бросают мне вызов задавать вопрос, в ответе на который я не нуждаюсь. Когда я продолжаю упорно оставаться немым, он продолжает. — Это Каллиан.

Прежде чем его рот сформировал заключительный звук буквы «Н» в самом конце, я пересекаю комнату и прижимаю «Мисси» к мягкой открытой коже его горла.

— Бл*дь, да на хер. Найди другой способ.

Он даже не сглатывает. Его глаза бросают вызов моим, поддразнивая меня сделать следующий ход. Я не настолько глуп, чтобы думать, что смогу сделать больше, чем малейший надрез на его загорелой коже, прежде чем меня нарежет на ленточки его нож, что прижат к моему боку, или успокоит выстрел в затылок из пистолета Люка.

Эти мужики — мои братья, но они знают, на что я способен, и они понимают, что однажды мой Дьявол пробудится, и меня невозможно будет остановить.

Я никогда раньше не направлял своё оружие ни на одного из них, но всё же Коул не выглядит даже чуточку удивлённым, обнаружив себя на острие моего лезвия.

— Она сама предложила, *брат*, — выдавливая он сквозь сжатые зубы. Все его мускулы собрались в пружину для атаки. Его инстинкты кричат ему обезвредить угрозу, что я несу.

Я знаю этого мужика, я сражался с ним, и он столько всего знает о моих демонах, как и я о его.

— Хорошо, *брат*, — отвечаю я с большим количеством яда, чем, вероятно, было бы разумным. — Мне насрать на то, что она предложила. Найди другой способ.

Мы в тупике, никто из нас не готов уступить или ослабить свои условия до того, как мягкий голос проносится через комнату в свежем ветерке.

— Это мой выбор. «Королевство» должно пасть, и я хочу стоять босиком на руинах и танцевать на кровавых останках.

Коул ухмыляется, позволяя своему оружию опуститься от моего бока.

— У твоего трофея есть голос, *брат*. И я верю тому, что она только что сказала, так что убери лезвие от моей яремной вены, пакуй своё дерьмо и будь готов к отправке.

Я глазею на него чуть дольше, мои пальцы подергиваются от необходимости резать, рвать, колоть и наносить удар. Я собираюсь пойти против моих братьев ради женщины, которой, по всей видимости, надоело жить? Женщины, на которую я реально не претендую, ту, которая ничего не значит для меня?

Скошенная трава и солнечный свет в полную силу поражают мои чувства.

Да. Слово шепотом появляется в моём разуме, отвечая на невысказанный вопрос. Да, я завоюю мир ради обеспечения её безопасности, и я разорву любого, кто встанет у меня на пути.

Я делаю глубокий вдох, убираю «Мисси» от его шеи и стремительно перекаत्याю её через пальцы, прежде чем вкладываю в ножны на боку.

Размеренным шагом я отступаю, мой мозг борется, чтобы найти сейчас довод и выйти отсюда с пустыми руками.

— Не она, — наконец произношу я, слова звучат практически как умоляющее дребезжание. — Я внедрюсь в «Королевство» и принесу тебе сердце каждого человека, который в него вовлечен, но не с ней в качестве приманки.

Мои глаза отпускают пустой взгляд Коула. Он был у него всего долю секунды, демонстрируя краткую вспышку симпатии к моей просьбе, но также быстро как появился, так же быстро он и ушел. Я сканирую лица других в комнате. У Люка одинаково расслабленная и необеспокоенная манера поведения, когда он изящно опирается о дальнюю стенку; всевидящие глаза Фей сосредоточенно смотрят на меня, как будто считывая саму суть моей души, а я останавливаюсь взглядом на элегантно изогнутом позвоночнике Каллиан, пока она всё ещё продолжает смотреть на пол.

Этот легкий и обыденный способ, с которым она игнорирует наличие у меня затруднений, противопоставленных моим больным и изодранным в клочья эмоциям. Всё мое тело ощущается покрытым струпьями, моя кожа напряжена и зудит, а её пренебрежительное отношение — это острый коготь, проникающий в мой твердый скелет и скребущий по нежному и неизлеченному подкожному слою тканей.

Её спина напрягается под моим пристальным взглядом. Она может ощущать мои глаза на ней, и всё же она не поворачивается, чтобы быть ко мне лицом. Вместо этого она поднимает свой подбородок и ясно произносит непосредственно мне и только мне.

— Приманка — нежелающий участник. Я — не приманка. Я — месь.

Глава седьмая

Каллия

Трое могущественных мужчин и столь же значимая женщина находятся в этой комнате вместе со мной, и более умный человек стоял бы к ним лицом, но мне не надо поворачиваться к ним, чтобы понимать, что каждый из них в своих руках держит кусочек моего будущего. Эти трое людей не загубят мою судьбу, они владеют ей, а один даже больше, чем все остальные, но он меньше всех осведомлён об этом факте.

Фей пришла ко мне вчера вечером. Она думала, что я не обращала внимания на то, что она постоянно смотрела на меня оценивающе. Её пристальный взгляд останавливался на мне всякий раз, когда мы разделяли одно и то же пространство. Её взгляд не похож на взгляд ни одного человека, с кем я когда-либо сталкивалась. Я не просто ощущаю её взгляд на себе, я чувствую его внутри себя, пробирающийся через кожу, мускулы и кости, прокалывающий мясистый хрящ, который маскирует непробиваемую колючую клетку моих рёбер, зарываясь в нежные и тайные места, которые я хранила скрытыми от каждого, даже от самой себя.

Я искала себе оправдания и так быстро, насколько это было возможно, сбегала от её присутствия в безопасность и уединенность моей комнаты, но не вчера вечером, вчера вечером она пришла непосредственно ко мне, и я поняла, что мне захотелось дать ей то, что она легко могла дать мне.

Я хотела увидеться с ней. Я хотела позволить кому-то ещё облегчить мою душу от тяжести мрака, давившего на меня. Я могла ощущать его и в ней тоже — этот распространяющийся, паразитирующий мрак, который вцепился в её костный мозг и отпечатался в каждой клеточке. Она была такой же, как и я, но всё же не совсем. Она терпела, пока выживала. Нет, не выживала, она использовала его, чтобы подпитывать себя, делать себя более сильной. Я хотела этого. Я хотела, чтобы она показала мне, как я

могла бы обернуть темный цвет моей душе во что-то больше. Точно так же, как она это сделала.

— Каллия, верно? — спросила она, когда переступала через порог моей маленькой, скудно обставленной, но все же отдельной комнаты.

Щетка, что я держала в руке, задрожала в моих волосах от того, что мои чувства споткнулись о неправильный ритм моего сердца. Я подавила страх, что пронесся по моей коже, и продолжила расчёсывать уже гладкие пряди.

— Фей Хантер, — ответила я, желая дать ей понять, что я знаю, кто она. — Спасибо, что позволили мне остаться в вашем доме. Я ценю это больше, чем могу выразить.

Проигнорировав мою неуклюжую грубостью и слабую попытку благодарности, она зашла в комнату и закрыла дверь.

Настроение в комнате изменилось, и я захотела встать и вынудить её покинуть моё пространство, умоляя забрать ту боль, что охватывала меня рядом с ней. Но я этого не сделала. Я продолжала сидеть, мои глаза невидяще зафиксировались на чём-то далёком, щетка жёстко проходила по коже головы и тем самым удерживала меня.

— Кто знает о тебе? — простой вопрос, который рассказал мне, что она видела сквозь мой лживый фасад.

— Никто, — честно ответила я. Что-то в воздухе вокруг подсказывало, что она сразу поймет, если я солгу. — Никто здесь, во всяком случае, — предположила я правдиво.

— Ты хорошо это прячешь, — заявила она с ноткой восхищения в её голосе.

«Я должна была скрывать это, чтобы выжить», — кратко призналась я сама себе в голове, но Фей я не сказала ничего. Должна ли я поблагодарить её за то, что она отметила, как хорошо я скрываю правду?

— Татуировка на твоей груди, — откровенно произнесла она, сразу переходя прямо к сути. — Ты принадлежала «Королевству».

И это был не вопрос.

— Да, — ответила я в конце концов, отметка, проходящая по изгибу моей груди, прямо чесалась от необходимости прикосновения и подтверждения, но я удержала себя от этого.

— Тогда мы должны поговорить.

Мы проговорили до глубокой ночи. Казалось, что Фей снимает обратно каждый слой моей недавно исцеленной кожи, она многое разоблачила: больше меня, большее того, что я пережила, большее количество грязи, что въелась в каждую мою пору. К тому времени, когда она оставила меня, чтобы обдумать её предложение, я была нежной, сырой и кровоточащей. Но также я пришла к окончательному решению, и именно поэтому я сейчас стою здесь.

Воздух поспешил покинуть комнату через открытое окно, просто для того, чтобы быть втянутым обратно, когда он вошел в кабинет Коула. Воздух бьёт по мне со всей силы, развеивая мои волосы от плеч, и мчится дальше по моей выставленной на показ коже. Его присутствие давит как ничьё другое. Эта связь, что я ощутила между нами, больше, чем связь между спасителем и жертвой. Она затягивает гораздо глубже, вьётся за пределами глубин моего живота, вверх по моей груди и стучит по рёбрам, требуя освобождения. Его враждебность ко мне не сделала ничего, чтобы погасить огонь этой потребности. Этот огонь, что он распалил во мне, только усилился и распространился. Я бы хотела опалить его, тыкнуть в его гнев пламенными пальцами и заманить его яростью

ко мне. Это было глупо и безрассудно, но также это ощущалось так, будто не поддавалось контролю. И именно отсутствие этого контроля пугало меня больше, чем мужчина, который в настоящий момент приставил нож к горлу своего брата. Я слышала произнесенные слова и ощутила трещину, разломившую комнату, но мой разум уже определился. Моё решение сделало маленькую, простую комнату чернее ночи. Соглашение пугало, но не победило моё женское обещание возмездия.

Я не была настолько наивна, чтобы предполагать, что Фей пришла ко мне по её собственному желанию. Очевидно, её муж надеялся на моё согласие, но то, что мы разделили в тишине ночи, было родство — сестринство во тьме, что выходило за рамки махинаций любого из мужчин в этой комнате.

— Могу я поговорить с тобой наедине?

Мой вопрос не нуждался в имени, каждый в этой комнате знал, кому он адресован.

— Я не думаю... — начал Коул, но предложение было оборвано дикостью и гневом в словах мужчины, который моментом ранее угрожал проткнуть его яремную вену.

— Оставьте нас.

Никто не пошевелился, и я заставила дыхание оставаться спокойным. Не из-за того, что я боялась, что он причинит мне боль, если мы останемся одни, а из-за того, что я желала даже самую маленькую пылинку, мгновение приватности с Гримом.

Я услышала, как брат Коула, Люк, сделал несколько шагов вперёд и тихо выдохнул так, как будто попытался заговорить.

— Я, бл*дь, сказал: оставьте нас, — выдавил Грим сквозь зубы, которые он сжимал так сильно, что я слышала резкий скрежет кости о кость.

Затем мы остались одни.

Спасённая девушка и убийца.

Убийца и его трофей.

Грим и Каллия (*прим. в переводе дословно имена главных героев означают «мрачный» и «самая красивая»*).

Все эти утверждения кажутся правдой за исключением последнего, и в тот момент, когда дверь закрывается позади последнего уходящего человека, я разворачиваюсь, чтобы оказаться к нему лицом, слова покидают мой рот, прежде чем он поднимает свои глаза, чтобы посмотреть на меня.

— Какое у тебя настоящее имя?

Я чувствую, как его взгляд хлещет меня, словно плетью, скользя по моему лицу. Мой вопрос неожиданный и, по-видимому, неуместный — он застал его врасплох.

— Грим, — наконец, отвечает он, и гнев сочится из его слов.

— Это не то имя, которое дала тебе твоя мать. Это то, что ты выбрал сам.

Его дыхание опалает моё лицо, когда двумя длинными шагами он приближается ко мне, возвышаясь надо мной, уставясь на меня в том же самом положении, что он принял вчера в воде.

— Моя мать ничего не дала мне, я заработал своё имя, оно принадлежит мне.

И как же это похоже на наше вчерашнее столкновение, я не боюсь его грубой попытки запугивания.

Я закрываю глаза и поднимаю свой подбородок к нему, его рост в два с лишним метра затмевают мои 162 см.

— Оно тебе не подходит, — шепчу я, а наши лица так близко, что я понимаю — он мог ощутить мои слова у себя на коже.

Его поза меняется, рябь в воздухе вокруг нас предупреждает меня о том, что он резко выпрямился, потеря его дыхания на моем лице сообщает мне, что он выпрямился в полный рост.

— Так ли это, дорогуша? — тихо выдыхает он, нежное выражение из его уст звучит как проклятье, не как ласка. — Ладно, хорошо, что мне по херу, что ты думаешь или что ты хочешь. Будь готова к рассвету, и ты будешь делать всё, что я скажу, — он отстраняется и глубоко вдыхает, сталь в его голосе непробиваема. — Ты ведь не хочешь сожалеть о том, что я спас тебя.

Затем он уходит. Дверь закрывается с грохочущем хлопком.

Я разворачиваюсь ещё раз, чтобы оказаться лицом к открытому окну. Мои глаза широко открыты из-за яркого утреннего солнца, а все мои мысли о мужчине, который только покинул эту комнату. Я должна была свернуться в клубок на узкой кровати в моей спартанской и пустой комнате. Я должна была бежать подальше из этого места и от плана, что помогу воплотить в жизнь. Я должна была бояться возвращения в мир, что украл всю мою жизнь. Но нет, так как я знаю, что независимо от того, что произойдёт дальше, я защищена. Я знаю, что мужчина, который только что говорил со мной так, как будто я не более, чем таракан под каблуком его ботинка, пожертвует своей жизнью, чтобы спасти меня.

Откуда я это знаю?

Поскольку я ощущаю его вне этой комнаты, он опирается о дверь, его руки сжаты по бокам, желая больше всего на свете связать меня и спрятать подальше от грядущих чудовищных вещей.

Но он также знает — то, что было решено, теперь уже не отменить.

Я нужна ему больше, чем просто ключ к «Королевству», и это знание ошеломляет его.

Глава восьмая

Грим

— С кольцом Миллера на твоём пальце и Каллией на твоей стороне маловероятно, что кто-то подвергнет сомнению твоё вступление. Она знает, как одеваться и как себя вести, её татуировка будет выставлена напоказ, так что никто дважды не задумается о том, что ты — её новый владелец.

Я делаю последнюю бесполезную попытку забить кольцо на свой намного больший мизинец, всё, что пока я могу сделать, это продвинуть его только до конца первой части фаланги пальца.

— Татуировка, какая татуировка? — практически рычу я, в то время как толстое золотое кольцо с печаткой отказывается проходить через косточку на моём пальце.

Отсутствие ответа Коула, заставляет меня оторвать взгляд от моей задачи и приподнять лицо, мои глаза расширяются, как будто говорят «я жду».

Замешательство искажает его обычно невозмутимое лицо, и на мгновение он выглядит искренне неспособным говорить. Это впервые.

Смотря на меня с недоверием, он, наконец, отвечает:

— То есть ты пытаешься сказать мне, что ты спас эту девочку, видел её голой и грязной и так и не увидел татуировку, проходящую через всю её левую грудь?

Мои разум сканирует слайд-шоу из изображений: её слабое неживое лицо под Форестером, её мерцающие глаза, смотрящие сквозь меня и никогда *на* меня, её тело, заключенное во влажный белый хлопок. Прогиб её спины, пока она стояла перед открытым окном сегодня утром, её длинные волосы, перекрашенные из платиновой блондинки практически в чёрный. Никакой татуировки.

Гнев на себя за то, что я не обратил внимания на такую важную метку и за своё полное отсутствие насторожённости, когда я нахожусь рядом с Каллией, — это импульсом проносится в моей голове, и я выдавливаю отрицательный ответ.

— Нет.

Единственное слово, прозвучавшее как выстрел в моих ушах.

Коул не побелел от моего рыка и, очевидно, не напрягся от ответа. Вместо этого он продолжает рассказывать мне о метке, которая пересекает её грудь, — её пятизначный идентификационный номер в короне.

— Это представляет собой комбинацию того, как нацисты первоначально клеймили евреев в Аушвице и пользующиеся успехом торговые маркировки. Многие сутенёры по всему миру маркируют своих сексуальных рабов короной и обычно своим именем, но «Королевство» использует корону, состоящую из буквы «К».

Он, делает паузу, позволяя мне впитать эту информацию, прежде чем продолжает.

— Наша разведка предполагает, что эта организация появилась из сексуального кольца, ведущего своё начало со времен Первой мировой войны. Она выросла и процветает, переходя от страны к стране, подбирая слабых и обескровленных. Мужчины, женщины, дети — всех засосало в пустоту, которая выросла в геометрической прогрессии в много миллиардно долларовую организацию, которая владеет только одним активом и только им одним торгует. Людьми.

Я раздражаюсь ироническим смехом.

— Звучит так, как будто они посрамили ферму моих родителей.

Лицо Коула каменеет.

— Она в пять раз превосходит действия Реншоу.

— И «Багряный крест» ничего об этом не знал? — неверие явственно звучит в моем вопросе.

Выражение его лица ещё больше ожесточается.

— *Мы* ничего не знали об этом, но, с другой стороны, «Багряный крест» имеет контрольный пакет.

Бл*дь.

— Она работает автономно и имеет собственную «Пирамиду». Всё, что проходит через «Багряный крест», — это деньги. После того, как их отмоют, пятьдесят один процент пакета отсчитывается и пополняет нашу казну, а баланс перераспределяется в иерархии «Королевства». Эта часть полностью законна, а вышеупомянутый совет выступает в качестве одной из наших многочисленных оффшорных инвестиционных компаний названных Regno. Что с латинского...

— «Королевство» — вот *ублюдки*, — это мой проклятый ответ на эту новую информацию. Я знаю, как *работает «Багряный крест»*, я видел, насколько далеко и широко распространились его *цупальца*, но когда Коул убил Алека Крэйвена — своего *тестя*, главу и лидера этой *теневой организации*, которой теперь правит Коул, — он поклялся уничтожить всех, кто вовлечен в сексуальную торговлю. Факт того, что эта огромная организация, приносящая *миллионы*, была пропущена, не может расцениваться иначе, как насмешка над ним, а также надо мной.

— Каковы будут последствия, если покончить с этими *ублюдками*? — хотя мне пох*й на последствия, это работа Коула и Люка — обуздывать «Багряный крест», но мне

необходимо знать, будет ли какой-нибудь ответный удар по мне из-за уничтожения «Королевства».

Коул моргает один раз, прежде чем тьма проходит через него, а его глаза начинают угрожающе блестеть.

— Позволь мне волноваться о последствиях, а ты сконцентрируйся на поставленной задаче. Люк ждёт тебя в гараже. Он — глава твоей группы поддержки, но изначально вы будете там одни. Только ты и Каллия. Ты готов к этому?

«Нет».

— Очень субъективно. Я сделаю то, что необходимо.

«Я убью их всех».

Он устало смотрит на меня, прежде чем кивнуть мне.

Я хочу стоять здесь и обсуждать дело, требовать, чтобы Каллия осталась, но это решение, как и большинство самых важных решений в моей жизни, было принято за меня. Теперь мне просто нужно гарантировать, что независимо от того, сколько сердец я вырежу или сколько горл перережу, она вернётся сюда, и ни единый волосок не упадет с ее головы.

Я ухожу, не сказав об этом и слова. И направляюсь к чёрным коридорам, что ведут в гараж.

Люк проводит инструктаж небольшой группы мужчин, когда я вхожу в гараж. Группе, состоящей из наёмников, участвующих в незаконных операциях и наёмных убийц. Только эти убийцы принадлежат исключительно «Багряному кресту».

Когда он ощущает моё присутствие позади себя, он отпускает своих подчиненных и вызывает меня в пустое бетонное пространство.

Мы называем его гаражом, но здесь никогда не стояли автомобили. Это скорее оружейный склад, хотя если вы не знаете, где искать, то всё, что вы увидите, это голые бетонные стены и пол. Оружейный склад за запертой тайной дверью — секретное место, заполненное стеллажами и стеллажами с оружием и взрывчаткой достаточных, чтобы организовать переворот в небольшом государстве.

— Грим, — признаёт он моё присутствие, когда прислоняется спиной к дальней стене, его поза расслаблена, нет никакого признака монстра, что скрывается за его классически красивым обликом. — Я полагаю, Коул ввел тебя в курс дела.

Я немного наклоняюсь к его мускулистой фигуре, облаченной в дорогой, сшитый на заказ костюм. Оба брата Хантера привлекают внимание своим симпатичным внешним видом, хорошими манерами и ореолом власти, окружающим их.

Тогда как Коул — высокий, крупный, с львиной гривой светлых волос, Люк — тёмный, изысканный и без лишних усилий красивый, он как мужчина-модель, а не хладнокровный убийца. Я уверен, его определенно привлекательная внешность одурачила многих, но я могу разглядеть его монстра, всегда блуждающего под поверхностью с оскаленными зубами, готовыми вырвать вашу глотку.

— Он предоставил мне второстепенную информацию и основной план. Сказал, что я сам по себе на это раз, именно так, как мне нравится.

— Мы будем наблюдать за вами двумя и находиться достаточно близко, чтобы помочь вам, если что-то пойдёт наперекосяк.

«Если что-то пойдёт наперекосяк», — сказал он, но всё, что я услышал, было: *«если ты облажаешься»*.

— Я обойдусь без вас, — твердо заявляю я, получая в ответ изогнутую бровь и небольшую ухмылку от Люка. *«Но Калли, возможно, и понадобится»*, — раздаётся

шепот в моём мозгу, так что я умиряю свой темперамент после сказанных ранее слов и добавляю: — Но спасибо за прикрытие.

Люк видит мою неохотную готовность ко всему этому. Отчаяние. Он уже знает, что она больше, чем просто трофей, больше, чем добыча за дорогое сердцу убийство, и я испытываю крайне неприятное чувство, что неспособен скрыть её ценность.

Когда человек, даже которому вы доверяете, знает, чем вы дорожите, это превращается в слабость, становится слабым местом, и это легко использовать. До сих пор в моей броне никогда не было подобной брешки, и я не знаю, что с этим делать, но я чертовски уверен, что не позволю Каллии заплатить цену за этот мой новый недостаток.

— Ладно, давай пробежимся по более мелким деталям, — Люк дает мне путь к отступлению. Он мог бы подтолкнуть и тыкнуть меня носом в ценность Каллии для меня, но не стал. Вместо этого мы пробегаемся по плану до того момента, пока мы оба не убеждены в его успехе.

— Встретимся на рассвете, брат, — крупные, с совершенным маникюром пальцы Люка сжимают моё плечо, в то время как мы разворачиваемся, и я заставляю себя оценить этот жест солидарности. Я никогда не сомневался в Хантерах или моей преданности им, и я не собираюсь начинать теперь, несмотря на то, что случилось раньше в офисе Коула. Моя рука лежит на двери, когда он останавливает меня и добавляет: — Это наша возможность, Грим. Не моя, не Коула, не твоя — *наша*. Не позволяй даже клочку своих чувств к этой *бучей злоупотребленной шлюшке влиять на принятие твоих решений.

Мой нож в моей руке раньше, чем я полностью повернулся, но Люк ушел, мягкое шипение тайной двери — единственный признак его ухода.

Я представляю его самодовольно улыбающимся самому себе, пока он держит путь через секретные проходы. Люк никогда не пойдёт на компромисс ни для кого, кроме брата или, возможно, меня. Его жизнь была простой. Мечь, смерть, кровь и власть были всем, что насыщало его, он и я так похожи, но всё же мы разные. Я бы никогда не поставил женщину превыше моих братьев. До неё. Эта девушка станет моей гибелью. Мне следовало оставить её умирать на грязном испещренном полу Форестера.

Почему же я этого не сделал?

Глава девятая

Каллия

Обтягивающее платье — всего лишь лоскуты ткани, облепившие моё тело как вторая кожа. Мои груди практически выставлены на показ, закрыты только лишь соски, а сами вершины моей плоти полностью продемонстрированы, обрамленные глубокой драпировкой ткани снизу.

Моя вытатуированная маркировка полностью видима, находясь сверху моей груди — чёрные цифры и красная корона окостенели на моей коже.

У Дамарис был #17002. Я предполагаю, что «Королевство» добыло нас в одно и то же время, и, судя по тому факту, что у нас были имена, которые мы помнили, мы, вероятно, не были рождены там, и всё же у меня нет более ранних воспоминаний. Ни одного, даже когда я сплю.

Никаких нежных или туманных воспоминаний о том, как быть любимой матерью или отцом, никаких проблесков предыдущей жизни, где мы обе жили в свободном и счастливом детстве, никакого легкого смеха или успокаивающих прикосновений любящих людей. Моё самое раннее воспоминание: мы обе испуганные и голодные свернулись клубком на холодном цементном полу. Вопли и плач других женщин и детей эхом отзывались в темноте. Я помню, как мои конечности тряслись, а глаза воспалились от слёз. Я помню синяки и резанные раны, быстрые кулаки и тяжелые ботинки. Я помню, как Дамарис поддерживала меня так, как никто не поддерживал её.

Я думаю, что она была старше меня, но ненамного, возможно, на год или максимум на два. Хотя она была значительно умнее меня. Она защищала меня, где могла, и она успокаивала меня, когда не смогла защитить, до того самого дня, когда её не стало.

В первый раз, когда кто-то владел нами, это было недолго, и нас, в основном, использовали как домашних рабов наркобарона. Причина, по которой ему нравилось использовать детей больше, чем взрослых, состояла в том, что он мог поместить большее количество нас в комнату и кормить меньше. Я говорю, что тот раз был недолгим, хотя на самом деле я не знаю, сколько времени мы провели там, всё, что я знаю, — наш следующий владелец купил нас только для того, чтобы бить нас. Это было нашей единственной функцией. Миниатюрные человечки, использующиеся как мешки для ударов. Дети помладше часто умирали. Их крошечные тела выбрасывали как хлам. Мы едва выжили, и то время, как и многое другое, стало казаться слишком долгим. И снова я не могу сказать наверняка, сколько времени он владел нами, поскольку время не было чем-то, что мы могли бы измерить. Это минуло со сжатым кулаком, пинком или порезом острым лезвием ножа. Это могли бы быть дни, но это легко могли быть и месяцы или годы. Мы росли маленькими, и теперь я понимаю — мы выжили только благодаря тому, что были друг у друга. Было легче терпеть, когда ты не один. Мы жили, но только потому что не смогли бы вынести того, что позволили бы остаться своей второй половине страдать без другой.

Больше владельцев приходило и уходило, у меня ещё даже не начались мои ежемесячные кровотечения, когда, в конечном счете, нас продали мужчине, который использовал нас только из-за наших отверстий. В то время мы хотели обратно к предыдущему владельцу, который бил нас. Для двух маленьких девочек этот способ владения был тем, что сломало нас обеих. Это также была худшая часть моей жалкой жизни и по другой причине. У Дамарис начались её ежемесячные кровотечения, она забеременела, а затем ее забрали.

Моё последнее воспоминание о моей сестре — её маленькое голое тело, болезненно тощее, кроме небольшого раздутого живота, тащат за руки двое наших мужчин-владельцев.

Она не вернулась.

Я стала смелой от отчаянья в её отсутствие: я просила и молила за мою сестру, давая моему владельцу открытое представление о моей единственной слабости.

Он получал большое удовольствие от того, что вертел и манипулировал мной, чтобы я принимала участие в самых чудовищных и развращенных действиях и делала это по доброй воле. Он заставил меня выполнять это для его извращенного развлечения, а также

вынуждал меня просить его и его людей использовать меня мерзкими и ужасающими путями.

И я делала, поскольку Дамарис была единственным, что у меня было в этом мире, и я нуждалась в её возвращении.

Моя потребность в ней делала его твёрдым. Он торчал от этого. Он злоупотреблял мной такими способами, что мой юный разум отказывался постигать. Действия настолько отвратительные, что я вырезала их из своей головы тупыми и обломанными ногтями, пока часть моего разума не осталась кровавыми кусками на полу у моих ног.

Моё тело едва пережило это владение. А мой рассудок нет.

Я застегиваю ремешки своих высоченных каблуков, когда дверь моей спальни открывается. Мне нет необходимости поворачивать голову, чтобы узнать, кто это. Он не стучал, не называл себя, но всё же я знаю, что это — Грим. Я знаю, потому что все светлые волоски на моих руках встали дыбом, как будто он только что провёл кончиком пальца по моей коже. Даже на расстоянии десяти футов я чувствую его так, как будто он прижимается ко мне.

— Я готова, — произношу я, пока встаю и поворачиваюсь, чтобы подойти к нему. Он не упускает, что моя голень ударяется об угол каркаса кровати, и интерпретирует это как нервность.

— Слишком поздно, чтобы отступить сейчас, дорогуша.

— Я предпочитаю, чтобы ты называл меня Каллия.

Он не двигается в дверном проёме, вынуждая меня протискиваться мимо него и заставляя наши тела слегка соприкоснуться. Моя кожа покрывается мурашками из-за его близости, и, клянусь, я слышу, как он перевёл дыхание, или это была я?

— Ты не выглядишь как Каллия, — бросает он мне обратно мои же слова, ухмылка в его голосе очевидна. — И ты не выглядишь как дорогуша, так что, я думаю, это означает, что я буду называть тебя Кал.

Кал. Слово из единственного слога как удар исподтишка. Дамарис использовала бы сокращенную версию моего имени. Фактически, она единственная, кто когда-либо использовал моё имя.

— Ты можешь называть меня Кал, — шепчу я через ком эмоций, перекрывший моё горло. Мы спускаемся по узкому проходу через главную часть дома, Грим следует на шаг позади меня.

— Никогда бы не подумал, что ты фанатка Пола Саймона (*прим. Пол Саймон — американский рок-музыкант, поэт и композитор, обладатель трёх премий «Грэмми»*), — говорит он, и перед лестничной площадкой его длинные ноги догоняют, чтобы оказаться рядом со мной.

— Я не знаю Пола Саймона. Он поедет с нами?

Устанавливается гробовое молчание, когда мы приближаемся к широкой лестнице, что ведет в холл «Хантер Лодж». Моя рука скользит по лакированным перилам лестницы, пальцы обхватывают древесину, нога готова сделать первый шаг, а он нарушает всё, фыркнув так, как будто его позабавили, и неожиданно разражается смехом. Я спотыкаюсь, большие руки обхватывают верх моей руки, чтобы не дать мне упасть.

— Ты серьезно никогда не слышала «Ты можешь звать меня Эл»?

Я сглатываю и начинаю отвечать, но его низкий почти извиняющийся голос останавливает меня.

— Нет, конечно же, ты не знаешь. Это было глупо с моей стороны.

Мы спускаемся по лестнице в тишине, но его рука остается обернутой вокруг моей, его хватка мощная, но при этом нежная. Как будто он думает, что моя нервозность может заставить меня кувырнуться и упасть, но я не нервничаю, я смущена. Его присутствие рассеивает мои мысли, и моя концентрация испаряется, весь испытанный и проверенный набор навыков предает меня, и я должна бороться с собой, чтобы держаться спокойно, найти свою дорогу или подвергнуться риску.

И в случае разоблачения, я больше не буду активом для разрушения «Королевства», а стану большей жертвой, чем когда-либо была ранее.

— Как раз вовремя, — зов Люка эхом отзывается в холле под нами, когда мы преодолеваем последние ступени.

— Моя команда готова, и вы знаете, как войти с нами в контакт, если будете нуждаться в спасении, — добавляет он, когда мы достигаем первого этажа.

Грим ошетиливается рядом со мной.

— Ты когда-нибудь заткнешься на хер? — это не тот вопрос, на который он ожидает ответ, но я знаю, что краткий ответ Грима развлекает Люка.

— Каллия, — зовёт голос Фей, когда она выходит из личных апартаментов Коула. — У меня есть кое-что для тебя.

Она идет прямо ко мне и откидывает мои волосы с плеч, пока они не собраны и переброшены через одно плечо. Уверенными пальцами она завязывает бархатный чокер вокруг моей шеи, единственная жемчужина висит спереди и ласкает впадину горла.

— Это трекер на случай, если вы разделитесь. Грим всегда будет знать, где ты.

Маленькая драгоценная бусинка своим весом успокаивает мою кожу. Я знаю, что мужчина, который сопровождает меня, вырежет весь мир, чтобы найти меня, и без этого устройства, но я оценила этот дар.

— Спасибо.

Я чувствую её нежную улыбку у моей щеки, когда она наклоняется, чтобы поцеловать меня на прощание. Прикосновение — это то, против чего я борюсь, когда её кожа прикасается к моей, тело инстинктивно отстраняется, и она не упускает моё вздрагивание.

— Одна неделя, Каллия. Через семь дней мы отпразднуем твоё окончательное правосудие.

Месть.

Правосудие.

Дамарис.

Рука Грима напрягается поверх моей руки, но не болезненно.

— Время, — командует он, и Фей отходит в сторону. Я чувствую её смешанные эмоции, подобно вибрации сильного ветра. Беспокойство, волнение и что-то ещё, что-то, что сильно напоминает гордость.

Глава десятая

Грим

Частный реактивный самолет Хантеров ощущается небольшим и замкнутым. Но не из-за восемнадцати обученных убийц на борту, в этот самолёт может поместиться в пять раз больше, он кажется таким маленьким из-за неё. Борта давят на меня, отфильтрованный воздух опаляет лёгкие, а место кажется смехотворно крошечным для моей большой фигуры и всего остального, поскольку она здесь — она повсюду. Её присутствие затмевает всё остальное. Присутствие Кал высасывает из меня всё и требует всего моего внимания. Мой разум сосредоточил всё своё внимание на одном маленьком булавочном уколе, заставляя меня ощущать только её и никого больше.

Я пытаюсь слушать хорошо исследуемые и продуманные планы Люка, но главным образом я принимаю и запоминаю каждую деталь того, как она перемещается, вздыхает или просто дышит.

Кал. Кал. Кал.

Моё сердце бьётся одним этим слогом, и это больно. Это принятие её, эта потребность гарантировать её безопасность болезненнее, чем любой ущерб, пытка или рана, что я когда-либо перенес.

В отличие от боли, в которой я нуждался, что жаждал, что использовал как топливо для себя, укрепляя себя, освобождая себя, эта боль была *сильнее*. Она не поддавалась контролю. Она затрагивала всё. Она сводила меня, на хрен, с ума.

— Ты слушаешь меня или собираешься так и продолжать проверять, правильно ли она пристёгнута к креслу?

Я поднимаю своё лицо к пустому взгляду Люка.

— Я не знаю о чём, твою мать, ты говоришь. Расскажи мне больше об Алексисе. Если он тот человек, кто управляет «Королевством», сколько ещё человек нужно убить, прежде чем я смогу добрать до него?

Люк выдерживает мой пристальный взгляд в течение долгого времени, прежде чем демонстрирует мне файлы на каждого важного члена «Королевства». Несмотря на размер этой организации, только пять мужчин обладают всей властью, с Симоном Алексисом во главе этой пищевой цепочки.

— Алексис — второй в команде человека по имени Титус Кириллос. Оба семейства были у руля организации с самого начала.

Я щёлкаю глазами по фотографиям двух греков, заправляющих миллиардами. Их профили — типичные богатые плейбои. Красивые, богатые и безупречно одетые, но нужно быть монстром, чтобы узнать монстров, а оба мужчины привлекли внимание моего Дьявола. Он может видеть их также, как я вижу тьму в их глазах. Дьявол хочет испить её.

Люк продолжает представлять свои материалы на каждого из пяти. Вместе с Алексисом и Кириллосом, есть один богатый американец по имени Форд Кеннеди, русский по имени Артур Фёдоров и ещё один мужчина. Мужчину, которого я знаю, что видел раньше.

— Кто этот парень? — я указываю на чёткое, но явно сделанное тайно фото человека с маленькой девочкой на прогулке в парке.

Люк смотрит на цветную фотографию, а затем поднимает своё лицо, ища мои глаза, пробираясь ко мне голове.

— Он известен как Джеймс Купер, но по недавно полученным сведениям, он был рожден под другим именем.

Я глазею на мужчину, который улыбается маленькому ребенку, держащему его за руку, пока он ведет её от качелей. У него смуглые черты, сильный нос и квадратная челюсть. Он так похож на...

— Он был рожден, как Джеймс Реншоу.

Джеймс Реншоу.

Нет. Этого не может быть. Без шансов. Я бы знал. Я бы, бл*дь, сделал что-нибудь.

Моя голова кружится, кишки сводит, и где-то глубоко в моей груди ощущается резкая боль, как от удара ножом.

Голос Люка продолжает так, как будто он только что не разорвал моё почерневшее сердце, всё ещё бьющееся в груди.

— Он на два года младше тебя и был вне нашего радара, поскольку был отослан практически сразу же после рождения в частное учреждение, а затем в различные частные школы-интернаты до недавнего наследования богатства и земель, оставленных Реншоу.

— И он... — слова обжигают, когда я выкладываю их, — ...он такой же, как они?

Однако совсем не сконфуженный этой информацией Люк холодно продолжает:

— Яблоко от яблони не далеко падает, если ты об этом. Ты смотришь на своего младшего братика, Грим, и он бы заставил твоих *банутих родителей сильно гордиться.

«Не могу, бл*дь, дышать».

То же самое чувство накатывает на меня, которое официантка назвала панической атакой. Я не могу, бл*дь, слететь с катушек в этом самолёте, или всё будет кончено, и я не могу позволить Люку отобрать это у меня. Плюс, Джеймс Реншоу возглавляет теперь мой список кандидатов на убийство.

Мои пальцы впиваются в край стола перед нами, я слегка опускаю голову, подбородок сильно прижимается к груди, ограничивая поступления воздуха в лёгкие. Самолёт слегка трясёт, вероятно, из-за попадания в турбулентный поток, и едва различимый вздох Кал притягивает моё внимание. Я забываю про огонь в легких и не свожу глаз с ее побелевших костяшек на руках и замечаю ее нервозность.

Руками она крепко вцепилась в подлокотники, а всем телом вжалась в кожаное сиденье. Язык её тела кричит об ужасе, и всё же её лицо — маска безмятежного самообладания. Её глаза закрыты, грудь поднимается и опускается с глубокими вздохами, и прежде чем я даже понимаю это, моё дыхание подстраивается под её. Когда она вдыхает, я тоже. Когда она выдыхает, мои лёгкие работают синхронно. Держу пари, что даже моё сердцебиение сошлось с её и стучит в том же ритме и точно так же. Паника уходит, и мои лёгкие заполняются кондиционированным воздухом.

Я наблюдаю, как руки Кал медленно разжимают свою хватку, когда самолет резко прекращает трястись. Её глаза широко открываются, пока она поглаживает своими пальцами по бёдрам и небрежно оставляет свои руки на коленях. И как только я собираюсь перефокусировать своё внимание на Люка, прежде чем он позовёт меня и в какое бы ни было ещё чуждое дерьмо развернется вокруг меня, её голова медленно поворачивается в мою сторону, её глаза захватывают моё лицо.

Улыбка, что она дарит мне, — сплошное облегчение.

«Я знаю, что ты присматриваешь за мной. Спасибо».

Я безучастно отворачиваю лицо от неё и заставляю себя в течение долгого времени смотреть на мужчину и маленькую девочку на фотографии перед мной.

Я игнорирую его и фиксирую свои глаза на ней.

— Он владеет ей? — спрашиваю, не раздумывая.

— Дочь. Её мать мертва.

Люк собирает файлы и забирает фотографию, пряча ее от моего пронзительного взгляда.

— Нет ничего, чтобы позволило бы предложить, что она недовольна, не счастлива или не любима, как ребенок, но у нас есть резервный план забрать её и отвести в «Хантер Лодж», если наше дело увенчается успехом.

Голос пилота раздаётся из динамиков и прерывает нас:

— Мы приземлимся в Париже в аэропорту «Ле Бурже» через пятнадцать минут. Пожалуйста, приготовьтесь к посадке. Транспорт ждет нас на взлётно-посадочной полосе.

Я жду, когда закончится инструктаж пилота, прежде чем поворачиваю лицо к Люку.

Он одет во всё черное и выглядит как дорогостоящий киллер. Его классическая привлекательная внешность заставляет его казаться доступным, пока он не обращает на вас свой ледяной взгляд. И вы можете почувствовать, как мороз обжигает вас с ног до головы.

Сейчас он обращает свой взгляд на меня, но это не останавливает меня от высказывания:

— Ребёнка необходимо забрать вне зависимости от того, преуспеем мы или нет.

Он мгновение оценивает меня, прежде чем отвечает:

— Я лично гарантирую, что так и будет.

Я не благодарю за его обещание. Люк так не работает, также как и я. Несмотря на мою более раннюю демонстрацию гнева ему и Коулу, узы, что у нас есть, не нуждаются в благодарности. Наша дружба вырезана из смерти и выправирована болью. И нет никаких более сильных эмоций.

Сбоку от меня, Кал регулирует свой ремень безопасности.

Пока я наблюдаю за её приготовлениями к посадке, начинаю понимать, что нет никаких более сильных эмоций, чем те, что связывают меня с Хантерами, но мне становится известно об одной, что делает меня слабее.

Я ворчу от раздражения, пока тяну свой ремень через колени.

Слабость в моей работе не приемлема.

Прежде чем я убью людей, которые бессознательно ждут острое лезвие моего ножа, я должен уничтожить этот недостаток. Я должен убить все чувства, кроме смерти и боли. Так, как будто она может ощущать моё решение, Кал поворачивается ко мне лицом ещё раз.

Принося себя в жертву.

Добровольно предлагая себя.

А затем она улыбается.

Глава одиннадцатая

Калия

Частный французский аэропорт был подготовлен и ожидал нашего прибытия.

Мы высадились из самолета, используя узкий авиатрап, спуск по незафиксированным ступеням демонстрирует недостатки моей обычно ладной походки. Как только мои ноги оказываются на твёрдой земле, меня сопровождают к линии транспортных средств и размещают внутри первого из них.

Через несколько минут, проведенных в салоне автомобиля с кондиционированным воздухом, на моих руках появляются мурашки из-за чрезмерной прохлады. Тишина лишь усиливает холод, просачивающийся в мою обнажённую плоть, и я ловлю себя на том, что тяну подол этого греховного короткого платья вниз.

Я прекрасно понимаю беспокойство. «Королевство» ожидает, что их объекты демонстрируются для внимательного визуального изучения остальными. Это то, как мы продаёмся и покупаемся, члены обмениваются нами как имуществом, гарантируя владельцам, что мы никогда им не надоедим. Я потеряла счет количеству мужчин, которые владели мной. Как только я теряла своё обаяние или отслуживала своё предназначение, меня выставляли, так же, как и сейчас, и отвозили на рынок. В некоторых случаях, когда я не была пригодна для презентации, меня возвращали «Королевству» бесплатно. Они так делали только для того, чтобы обеспечить моё выживание, пока не смогли бы продать меня ещё раз.

Этот постоянный ритуал был моей жизнью. Тогда почему по моей коже бегают мурашки от дурного предчувствия ещё раз войти в мир, который я только и знала?

Потому что я познала свободу.

Мои руки дрожат, сжимая кусочек ткани, прикрывающей мой бюст, когда автомобильная дверь открывается. Просторное транспортное средство внезапно кажется крошечным. Я жду, что залезет большее количество людей, но дверь быстро закрывается, и я понимаю, что здесь только мы вдвоем.

Двигатель машины запускается с грубым мурлыканьем, и автомобиль отъезжает моментом позже.

— Прекрати суесться со своими сиськами, чёрт возьми, — рычит на меня Грим с другой стороны автомобиля. Слова грубые и прямолинейные, они заставляют мои пальцы неловко подрагивать, и румянец ползёт вверх по моей груди и шее.

Меня называли всеми видами развращенных и оскорбительных имен, но Грим, произнесший слово «сиськи» своим агрессивным тоном, заставляет меня сгорать со стыда, но в этом есть и нечто другое. Что-то, что я не знаю даже как описать. Дрожь заменяет мурашки на моих руках, и внезапно в замкнутом пространстве становится словно на двадцать градусов теплее.

— Возьми меня за руку.

Приказ произнесён нежно, но всё же, кажется, что слова причиняют ему боль, и я практически могу слышать, как его горло разрывалось, когда он заставил слова выйти наружу.

— Зачем?

— Почему тебе обязательно спрашивать меня? С этого момента я, бл*дь, твой хозяин, так води себя соответственно и возьми меня за грёбаную руку.

«Он не может выносить твои прикосновения», — шепчет голос в моей голове.

«Но я хочу прикоснуться к нему», — шепчу я в ответ. — *Отчаянно».*

Аккуратно, больше в своих интересах, чем в его, я протягиваю левую руку через холодное кожаное кресло, костяшками задеваю ткань, моя ладонь протянута и раскрыта. Он не берет мою руку сразу же, но я чувствую, как он смотрит на неё, взвешивая, сможет ли он это сделать. Я оставляю свою руку там, чувствуя себя раскрытой и в большей степени обнаженной, нежели чем тогда, когда я множество раз была голой, просто ожидая этого первого прикосновения его кожи к моей.

Будет ли его рука мягкой или грубой? Есть ли у него мозоли? Его ладонь сухая? Горячая? Гладкая? Сильная?

Эти вопросы крутятся в моей голове, как песок в приливной волне, и я практически... *почти* пропускаю сам момент, когда кончики его пальцев скользят по моей коже.

Если б я не знала лучше, то это прикосновение можно было бы считать почтительным. Кончики его пальцев настолько гладкие: они ощущаются как атлас, когда медленно скользят по моей коже, оставляя небольшой фейерверк на своём пути. Когда его ладонь обхватывает мою, и его пальцы близки к тому, чтобы осторожно взять мою руку, я получаю ответы на все кружащиеся в голове вопросы.

Мягкая или грубая? Есть ли на ней мозоли? Мягкая, но с мозолями в верхней части ладони, под основанием каждого пальца.

Сухая? Горячая? Гладкая, Сильная? Сухая, теплая, гладкая, исключая мозоли, и несмотря на его нежную хватку, я могу почувствовать пульсацию силы, таящуюся под кожей. Он может сломать мою руку, не моргнув глазом, если захочет это сделать.

— У тебя нет отпечатков пальцев, — глубокомысленно заявляю я, поражаясь гладкости кончиков его пальцев.

Его рука на малую толику напрягается при моих словах, но он честно отвечает:

— Я — призрак. Призраки не нуждаются в них. Призраков невозможно найти.

Его слова поражают меня не столько из-за контекста, в конце концов, этот человек — хладнокровный убийца, сколько из-за того, что, несмотря на попытку держать свой тон нейтральным, одиночество сочится из каждого его слова.

— Когда ты стал призраком? — спрашиваю я, не ожидая продолжения беседы.

— Когда умер, — признаётся он, его пальцы чуть сильнее сжимаются вокруг моей руки. — Мне было одиннадцать, когда я умер, а затем переродился.

Ему было всего лишь одиннадцать, когда он стал Гримом.

— Кем ты был до этого? — подталкиваю я, а он отвечает так, как будто здесь никого нет, кто бы в действительности слушал его.

— Генри.

Это признание ценно для него, и я чувствую, как стальная полоса напряжения оборачивается вокруг наших грудных клеток.

— Сломанный, мертвый мальчик по имени Генри.

Его голос затихает, как будто сейчас он понял, что разделил слишком многое, так что мы сидим в тишине. Мои пальцы осторожно сжаты рукой ужасного убийцы, пока моё сердце болит из-за маленького мальчика по имени Генри.

— *Мы* прибыли. Я буду ждать неподалёку, просто позвони один раз, если я понадобится, и я подберу вас у главного входа. Два звонка, и я буду ждать вас у черного входа в переулке.

Отстранённый голос водителя раздаётся из динамика, в то время как мы останавливаемся снаружи невзрачного здания на Рю Монмартр в центре Парижа. Множество деревянных дверей с изящными барельефами утопают в фасаде из цемента — это единственный признак, что эти построенные дома представляют собой что-то впечатляющее. Не то чтобы я когда-нибудь видела эти двери, но я слышала их описание от другой собственности. Шёпот поздно ночью в наших клетках о неудавшихся побегах или извращенные воспоминания о ежемесячных рынках, неудержимо льющиеся из рыдающих губ новых приобретений.

Грим усиливает хватку на моей руке, и я чувствую его взгляд на своем лице. Прежде чем открывается дверь, он говорит мне:

— Просто следуй за мной. Сегодня вечером — только разведывательная «Мисси» я, но, если что-нибудь случится, и я дам тебе указание закрыть глаза, то ты это делаешь. Ты это делаешь немедленно. Поняла меня?

Я хочу сказать ему, что нет никакой необходимости защищать меня от чего-либо, что произойдёт, я пережила худшее из того, что он может себе представить. Закрывание моих глаз не мешает мне увидеть правду. Где один человек может увидеть красоту в жизни, я вижу ту же самую красоту в смерти. Вместо этого, я отвечаю:

— Да, — и он выводит меня из автомобиля в прохладный парижский вечерний воздух.

Мои ноги начинают порядочно трястись, но не из-за нервов, а из-за пузырящегося восторга, который грохочет в моей груди и просачивается в конечности. Мало того, что я добровольно войду в «Королевство» как свободная женщина, так ещё я могу быть ключом к раздиранию этой империи на части. Рука Грима отпускает мою, он обнимает меня своей сильной рукой за плечи, и моё тело инстинктивно ищет его защиты, теплоты и утешения.

— Держись меня, — шепчет он, его тон пронизан едва контролируемым гневом. — Независимо от того, чтобы ни произошло, ты останешься прямо там, где я смогу тебя видеть. Понятно?

Сколько раз я слышала подобную команду? Но, тем не менее, когда он произнёс это, это не просто требование моего повиновения. Он сказал это не из-за прав собственности или контроля, а из-за того, что он гарантирует мою безопасность.

— Я никуда не уйду. Куда ты, туда и я.

Удовлетворенный моим ответом, он ведет меня к входу. Мы сделали всего лишь несколько шагов, когда громкий щелчок замка эхом раздаётся в ночном небе, он сопровождается сильным скрежетом дверей из прочной древесины, пока они распахиваются, открываясь.

— Ночные клубы в той стороне, — заявляет глубокий голос с сильным русским акцентом.

Грим тянет меня вперед на следующие два шага, затем отпускает, вероятно, чтобы показать русскому своё кольцо-печатку с рельефной короной «Королевства».

— Суверенитет, — хладнокровно сообщает он кодовое слово в попытке замаскировать гнев, который я могу ощущать. Гнев обволакивает его волнами достаточно убедительными, чтобы понять — это причиняет ему неудобство, и он в двух секундах от того, чтобы пролить кровь этого парня.

— Назовите своё имя. Я не видел вас раньше и, поверь мне, *mudak*, я бы запомнил такого уродливого ублюдка, как ты.

Грим сильно хватается за руку и притягивает к своему боку, демонстрируя агрессию и выставляя меня напоказ как имущество. Татуировка на моей груди ясно видна русскому.

— Послушай, ты, меня пригласил сюда Джеймс Купер, — когда русский сохраняет тишину, Грим продолжает: — Ага, правильно, ты знаешь, о ком я говорю, не так ли, *коммуняка*. Так что я назову своё имя в этот раз, но если ты попросишь меня об этом снова, я вырежу твой язык и съем прямо перед тобой, пока ты будешь захлёбываться собственной кровью. Понял?

Русский продолжает хранить молчание, и я хочу иметь возможность прочесть его лицо и рассмотреть лучше его глаза, независимо от того, сработала ли угроза Грима или это только приведет нас обоих к гибели.

— Я — Генри Реншоу, а теперь, когда ты знаешь моё имя, будет справедливо, что я узнаю твоё. Или ты предпочитаешь называться *Драго*?

Я слышу скрежет двери, когда она широко открывается, и секундами позже русский выдавливает из себя.

— Ваш доступ одобрен. Пожалуйста, проходите сюда, господин Реншоу.

Грим тянет меня вперёд, и едва мы переступаем порог, когда он изрекает:

— Спасибо тому, кто бы ни был в твоём ухе, что у них есть здравый смысл, что не надо меня, на хер, раздражать ещё больше. Увидимся позже, Драго.

Дверь закрывается позади нас, замок оживает. Громкий щелчок от взаимодействия множества металлических цилиндров отрезает нас от безопасности парижских улиц, и это ощущается как удар в грудь. Несмотря на все мои личные заверения, что я смогу это сделать, и каждое слово, которым я поклялась Фей той ночью в моей спальне, я катастрофически не готова ко всей грандиозности моих поступков.

Я добровольно возвращаюсь в «Королевство». Предлагая себя на блюде, рискуя свободой, о которой только могла мечтать.

Рука Грима опять обхватывает мои плечи, его губы приближаются к моему виску, теплое дыхание обдувает моё лицо.

— Больше нет пути назад, Кал. Ты молодец, знаешь, на твоей стороне огромнейшей, плохой и самый ужасающий мужик на Земле. Я пытался уберечь тебя от этого. Помни об этом.

Затем мы входим в логово льва.

Это ощущается так, как будто я никогда и не уходила.

Звуки и запахи всё те же. Деньги, власть, секс и развращенность смешались со страхом, ужасом и неизменным подчинением.

Я — жертвенный ягненок в ожидании бойни.

Я никогда не чувствовала себя такой сильной из-за моей слабости.

Глава двенадцатая

Грим

Здесь повсюду эти гребанные золотые листья. Они покрывают стены, столы и даже сотрудников. Хотя, судя по отметкам, ясно различимых на их обнаженных грудных клетках даже через толстый слой золотой краски, они здесь не по доброй воле и не для того, чтобы подработать.

«Собственность» — так называет их «Королевство». Никаких имён, только номера.

От этого места мне, бл*дь, тошно, но Коул и Люк предупредили меня, чтобы я воздержался от убийств, пока это не станет необходимо. Хорошая новость — они ничего не упоминали про членовредительство, поскольку я могу это сделать, не отнимая жизнь, при этом используя такой способ, от которого волосы встанут дыбом. Кровапролитие в некоторой форме или проявлении совершенно очевидно сегодня вписано в повестку дня. Дьявол за моей спиной обнажил свои клыки, томясь от жажды испробовать плоть, требуя жертву, иначе он порвёт всё это золото, эту мерзкую *баную дыру на части.

— Покупаете или продаёте?

Голос раздаётся непосредственно справа от меня, и я прекращаю рассматривать позолоченную пещеру, что окружает нас. Перевожу взгляд, чтобы уставиться на мужчину, который стоит для его же безопасности слишком, бл*дь, близко к Кал.

— Ни то, ни другое, так что, бл*дь, перестань пялиться на мою собственность, иначе я найду другое применение для твоей гляделки.

Его глаза останавливаются на моих шрамах, и его загорелое лицо стремительно бледнеет.

— Тогда, ч-что Вы делаете в рынке? Мы здесь все п-покупатели или продавцы.

Его мягкий французский акцент треплет мне нервы, пронирующий заикающийся призыв к моему зверю прекратит его страдания.

— Я оцениваю свои возможности, не что бы это, бл*дь, было твоё дело, — я наклоняюсь вперед, движение заставляет его пятиться назад, чтобы увеличить пространство между нами насколько это возможно, не совершив при этом побег.

— Дружеский совет, — рычу я в его бледное, покрытое потом лицо, и он смотрит на меня своими невообразимо широко открытыми глазами. — Уйди.

Я не жду, пока он удерёт. Он — гребаный таракан, а у нас здесь много волков, чтобы было кого освежевать. Этот жалкий кичливый мудака — пустое место, и в обычный день я бы не потратил больше секунды своего времени, чтобы убить его. Резким рывком я тяну Кал к барной стойке, украшенной золотыми листьями, она спотыкается от силы, что я использую. В моём мозгу короткое замыкание из-за необходимости вести себя так, как будто она ничего не значит для меня.

— Виски, немедленно, — пролаял я молодому мужчине за барной стойкой. Как и вся остальная собственность, присутствующая в «Королевстве», он обнажен, лишь золотая краска покрывает его тело.

Он темноволосый, не старше шестнадцати или семнадцати лет, но он не вздрагивает от моей резкой команды. Он привык к этому и к намного большему.

— Краска закрывает все синяки и шрамы, — шепчет Кал в пол достаточно громко, чтобы я услышал её. Я слегка сжимаю верх её руки, достаточно, чтобы дать ей понять, что услышал. Ей хорошо известно, что не следует говорить со мной открыто в этом месте. В действительности с тех пор как мы спустились из затемнённой прихожей в эту позолоченную раковину, она ведёт себя идеально, вживаясь в роль. Еще бы, долгие годы практики.

Она кроткая, покорная и практически незаметная. Хорошо, она могла бы такой быть, если бы не выглядела так охуено восхитительно в этих распутных кусочках ткани, которые вроде как считаются платьем. И практически каждый мужчина здесь так думает. Мой Дьявол шепчет в голове, что будет еще больше оценивающих взглядов, чем от того французишки, больше глаз, что придётся удалить из глазниц, прежде чем ночь закончится. Отвернувшись, я взглянул на барную стойку, декоративные люстры высветили металлические ложечки для нарезки дыни кружочками. Они привлекли мое внимание.

Почему, бл*дь, на барной стойке есть ложки для дыни, я никогда не пойму. Претенциозные грёбаные придурки.

— Эй, парень, — окликаю я мальчика за барной стойкой, когда он ставит виски на золотую подставку передо мной.

— Дай мне это, — требую я, указывая на совок для фруктов из нержавеющей стали. Он не моргает от моего требования, просто быстро поворачивается, чтобы извлечь ложку, а затем ставит передо мной второй стакан. Он разворачивается, не смотря в глаза, и идет к другому концу барной стойки, чтобы обслужить кого-то ещё. Я чувствую, как Кал, напрягается у моего бока, в то время как я поднимаю стакан с виски и опрокидываю его. Прежде чем пустой стакан опускается на столешницу, я улыбаюсь сам себе, пока чувствую металлическую ложку за поясом брюк. Что я могу сказать: я — вор и убийца.

— Давай-ка тусоваться, — произношу я, на моем лице сияет улыбка. Простой акт кражи у *«Королевства»* для меня большое ребячество.

Мы держим наш путь по кругу большой золотой палаты, игнорируя взгляды участников, и всё же я в курсе, кем является каждый находящийся здесь гость. Я наблюдаю, как владельцы и их собственность проходят через арку, закрытую тёмно-золотыми бархатными занавесами. Подталкивая Кал в том направлении, я предупреждаю её:

— Похоже, вот где всё действие, так что не отходи от моего грёбаного бока.

Затем с большей силой, чем необходимо, придерживаю занавес, чтобы пройти через него, удерживая ее достаточно близко к себе.

По эту сторону занавеса все выглядит совершенно иначе. Здесь всё кроваво-красное, включая свечи в канделябрах на стене, с которых стекает затвердевший воск. Эти окровавленные следы являются уместным фоном для многих сцен, происходящих вокруг нас.

Эта комната для публичной демонстрации любого и каждого непристойного акта, о котором вы только можете подумать, включая секс, избиение и игры с кровью. Не добровольные игры с кровью.

Здесь владельцы используют их собственность для демонстрации или позволяют другим протестировать потенциальные приобретения. Секс и медно-красный сильный запах крови сгущают воздух, мерзкий смрад, но моему Дьяволу нравится. Больше всего на свете он желает выйти и поиграть. Его глаза пируют от распутства, язык облизывает зубы в предвкушении, а моя кожа ощущается содранной из-за обременительной попытки сдержать его.

Я здесь не для того, чтобы убивать.

Не сегодня.

Кал чувствует изменения во мне и шагает ближе к моему боку. Или она ищет моего утешения? Она ищет защиту от ужасов, происходящих в этой комнате? Ужасы, к которым когда-то её принуждали.

— Никакой улюдок и пальцем не прикоснётся к тебе, поняла? — клянусь я, мои губы пробегаются от её брови к волосам, мои слова разрывает от скрытого гнева и от потребности вырывать глотки и вырезать сердца.

Она расслабляется у моего бока, а я продолжаю сканировать комнату. Здесь примерно пятнадцать или около того членов *«Королевства»*, каждый, по крайней мере, с одним приобретением, некоторые с двумя. Это почти сорок человек, вовлечённые в секс и пытки в кроваво-красной комнате, которая является частью секретного рынка торговли людьми в центре Парижа. Мир продолжается за пределами этого места, не подозревая об уродливых ужасах, что происходят прямо перед их носом в одном из наиболее красивых городов мира.

Все присутствующие в этом зале упиваются их жалкой иллюзией власти. Их богатство и членство позволяют им решать: будет ли человек жить или умрёт, испытают ли они необузданную боль или удовольствие. Это пьянящий наркотик, особенно для всех этих долбанутых у*бков в этой комнате.

Кроме него.

Один мужчина стоит особняком в тени на самом краю комнаты. Его взгляд скользит по разыгрываемым вокруг него сценам, но никогда не останавливается слишком надолго. Его поза расслаблена, вплоть до того момента, когда его пристальный взгляд останавливается на двух мужчинах, использующих двух юных девочек в дальнем конце комнаты. Я вижу, как он выпрямляется в полный рост в шесть с чем-то футов, его мускулы выпирают из-под дорогого костюма. Я обращаю свой взгляд от мужчины к действию, которое его так раздражает, и пытаюсь оставаться расслабленным, когда смотрю на то, что разворачивается перед моим взором.

Один мужчина лет под пятьдесят с залысинами, которые он пытается скрыть с помощью зачёса, и с животом, который висит над его поясом. Его сообщник слегка моложе и менее громоздкий, чем его коллега, его резкие черты образуют зловещую косую ухмылку, когда он наотмашь бьёт одну из девочек за невыполнение указаний надлежащим образом. Рукой он мучительно тянет её за длинные тёмно-рыжие волосы, выворачивая её тонкую шею, прежде чем рычит что-то ей, а затем плюет ей в лицо.

Удовлетворив себя, он решительно отпускает её, и рыжая девочка резко падает вниз, приземляясь на руки и колени. Быстро исправляется, она начинает поднимать разведённые бёдра девочки, связанной у её ног. К её тазу привязано нечто, по своей форме представляющее член абсурдно огромный, вдвое большее обычного члена среднего размера, с широкой выпуклой головкой. Никто не выберет использовать его для удовольствия, только один размер указывает, что его единственная цель — причинять боль.

Я заставляю себя смотреть, как рыжая тыкает своими бедрами напротив голых половых органов другой девочки. Размер вещи, приставленный к её стесненному входу, и дрожание её ног, выдают страх. Мои глаза устремляются к склонённому лицу девочки. Её глаза закрыты, лицо белое, её разум отстранён от всего, что вот-вот произойдёт с её юным телом. Её маленькие груди покрыты золотом, как и у всей остальной собственности здесь, но краска не скрывает кровь, сочащуюся вниз от её сосков, куда, похоже, она была укушена. С каждым толчком бёдер другой девочки её маленькое тело содрогается, но её черты так ни разу и не дрогнули. Я настолько поглощён её лицом, что практически упускаю момент, когда худой мужик хватается за рыжую девочку снова. Его рука сильно дергает её за волосы, и маленькая девочка вскрикивает от боли. Другой рукой он хватается её за горло и трясёт, жирный мужик сбоку от него улыбается от удовольствия. Затем со зверской силой, он резко бьёт её в живот, сгибая её тело пополам и отшвыривая прочь. Ужасный член, привязанный к её телу, жестко подпрыгивает у её туловища, когда маленькое тельце падает на пол. Жирный мужик смеется от треска её голого позвоночника, ударяющегося об пол.

Он ржет от того, что только что наблюдал за девочкой не старше тринадцати или четырнадцати лет, которая пыталась вы*бать другую девочку немногим старше ее, устройством, созданным, чтобы нанести вред, и потерпела неудачу. Он смеётся, поскольку её отбросили как хлам, и нездоровый блеск наполняет его глаза, когда дохлый мужик приближается к рыжей с ножом.

Даже если Кал у моего бока с опущенным в пол взором, она по-прежнему может ощущать, что моё тело готовится напасть.

— Нет.

Одно слово выходит из мягких губ и просит меня сохранять спокойствие. Обращение, которое я вот-вот проигнорирую, так как я вижу, как худой мужик заносит руку, что держит нож, готовый нанести удар.

Я знаю, что мои действия поставят Кал под угрозу, но я неспособен сдержаться. Я не буду стоять здесь и наблюдать, как маленькую девочку выпотрошат передо мной.

Как только мои мышцы сгруппированы и готовы к атаке, замечаю размытое движение, удар, и появляется незнакомец из тени у бока тощего мужика. Он не разговаривает с тощим, не велит ему остановиться, вместо этого с реакцией быстрой, как вспышка, он утихомиривает его, ломая запястье.

Эхо крика тощего раздаётся в кроваво-красной комнате, и всё же никто не приходит ему на помощь. Жирный мужик делает несколько осторожных шагов прочь от своего сообщника, прижимаясь к стене, чтобы избежать внимания незнакомца. Тощий поспешно отскакивает назад, практически спотыкаясь о связанную девочку в его ногах, его сломанная рука крепко прижата к груди. Его рычание, когда он угрожающе орет на незнакомца, не является ничем большим, чем позёрством, попыткой сохранить лицо, зная, что он из его лиги. Он, может быть, и способен поставить маленькую девочку на колени, но этот незнакомец превзойдет его.

Я продвигаюсь ближе к мужчинам, пытаюсь уловить обмен словами, желая узнать, кто этот незнакомец и почему он остановил эту сцену, когда в равной степени испорченные действия происходят повсюду в этой комнате.

— Остановись, — шепчет Кал, когда тянет меня за руку, останавливая мои движения. — Он один из Королей, — так спокойно добавляет она, что я думаю, что я ослышался.

Как будто зная, что мы говорим о нём, незнакомец поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Его стальной взгляд сталкивается с моим, его знакомая челюсть напрягается от узнавания.

Он знает, кто я.

И я знаю его.

Мужчина из парка с дочерью.

Второй сын, рожденный последней Леди Реншоу.

Джеймс Реншоу.

Брат давно почившему Генри.

Прежде чем я могу сделать движение к нему, мои инстинкты кричат на меня потребовать его как трофей, он разворачивается, кивает русскому, который, как кажется, появился из ниоткуда, а затем уходит.

Ушёл.

«Следуй за ним. Убей его. Покончи с этим», — требует мой Дьявол. Но опять же, ангел сбоку от меня останавливает меня.

— Время уходить, — шепчет Кал.

Я оглядываюсь назад на тощего, его шея теперь сжата в мясистой хватке русского, когда он практически вытаскивает того из комнаты через боковую дверь. Жирный мужик практически обоссался от облегчения, что его оставили в покое, а мои глаза улавливают двух молодых девочек, к которым присоединились ещё две. Они развязывают обеих: рыжую от устройства вокруг её талии, другую девочку от веревок вокруг рук и тела, и выводят из комнаты.

— Мы должны уйти, пока можем, — настаивает Кал ещё раз, и в этот раз я её слушаю. Я слушаю, потому что впервые это кажется вечностью, и я озадачен моей потребностью развернуть бойню.

Джеймс Реншоу или Джеймс Купер, как бы, бл*дь, он сейчас не называет себя, заслуживает встретиться с «Мисси». Он вверху списка пятерых, кто умрёт до падения «Королевства», но другой голос внутри меня хочет получить ответы, а не только кровь.

Кто я, бл*дь, такой, если ищу слов прежде крови?

Генри.

НЕТ. Я — Грим.

Я жнец.

Я радуюсь смерти других.

Я служу финальному правосудию.

И я наслаждаюсь этим.

Я — Грим.

Генри давно мертв.

Глава тринадцатая

Калия

Тот мужчина — один из Королей — что-то значит для Грима.

Я распознала это в его противоречивых эмоциях.

Он хотел убить его.

Он хотел узнать его.

Он боролся с собой и с бурей чувств, что бушевала в его разуме. Это было очевидным по судорожным движениям и по тому, как он практически спотыкался, когда мы покидали зал демонстрации. Грим всегда грациозен, даже тогда, когда, скорей всего, его контроль ускользает. Он как пантера — элегантная, вышагивающая с гордым видом, и одновременно такая смертоносная.

Но, прямо сейчас, он дерганный, беспокойный, брошенный в течение бурных вод, едва цепляющийся за то, кто он и кем хочет быть. То, как он держится за меня, это уже не владение, а якорь надежды. Он использует меня, чтобы сдержаться, и я охотно принимаю эту роль.

Всё меняется, когда мы приближаемся к коридору, ведущему к выходу.

— Я дам Вам за неё миллион евро, — голос с акцентом взывает к нашим спинам, когда мы приближаемся к входной двери, приходящая перед нами пуста, даже ранее встретившего нас русского здесь нет, чтобы засвидетельствовать наш уход. Грим останавливается и напрягается — я чувствую это. Я ощущаю, как к нему возвратился контроль, как его тело напряглось из-за голоса. Рукой он сжимает мою ладонь один раз, прежде чем отпускает, чтобы развернуться и встать лицом к мужчине, который ранее подходил к нам около барной стойки.

— А я буду охотно щедрым, предоставляя Вам последний шанс уйти, — в свою очередь, угрожает Грим, но я могу расслышать улыбку в его голосе, когда он выдает это предупреждение. Он *не хочет*, чтобы другой мужчина ушёл.

— Два миллиона, — продолжает глупый француз. — И это намного больше, чем, бл*дь, она стоит, но я проявлю щедрость, мой друг. Плюс, на сегодня достаточно драмы, ты так не думаешь?

— Помнишь, что я говорил тебе, Кал, — зовет меня Грим через плечо.
«Закрой свои глаза».

Нет никакой необходимости мне сделать это, но я повинуюсь, поскольку обещала ему, что так и сделаю.

— Вот, что я думаю, — начинает Грим и его слова, сопровождаются пугливым удушьем француза. — Я думаю, что говорил тебе держать твои грёбанные глазки подальше от моей собственности, или ты лишишься их.

Я слышу сдавленные хрипы француза:

— Мне жаль, пожалуйста, не надо, я дам...

Затем он кричит. Пронзительно, высоко и так оглушающе, что я вынуждена сжать свои руки в кулаки и стиснуть зубы от желания закрыть ладонями уши. Хлюпанье и влажный шлепок сопровождает крик, и мой желудок резко ухает вниз, желчь поднимается по горлу с неестественным звуком.

— Это один, следует ли нам то же самое сделать со вторым? — спрашивает Грим, когда голос мужчины обрывается, и его крики переходят в рыдания.

— Нет, нет, пожалуйста, я...

— Слишком поздно, у меня небольшое обсессивно-компульсивное расстройство, и я не фанат нечетных номеров.

Оглушительные вопли возобновляются, и в этот раз смешиваются с маниакальным смехом Грима.

— Тихо теперь. Это было не так уж плохо.

Второй влажный шлепок — и от этого, если это только возможно, мой желудок переворачивается еще сильнее, чем в первый раз. Мне требуется вся сила воли, чтобы не расплескать всё содержимое моего желудка по мраморному полу.

Я слышу унылый глухой стук, когда мужчина падает на пол, зловонный смрад тёплой мочи, поражает мой нос и пытается вернуть меня назад в мои темные воспоминания. Сейчас мы равны — француз и я.

— Я думаю, что сохраню это. Ты же не будешь возражать?

Мужчина отрывисто хныкает, просьбы на французском срываются с его губ.

— Так и думал.

Я вздрагиваю, когда рука оборачивается о моё предплечье и тянет меня к двери.

— Я думаю, нам сейчас лучше уйти, — хихикает он мне в ухо, прежде чем открывает тяжелые деревянные двери и едва ли не вытаскивает меня в прохладный ночной воздух.

От него несёт медью и электричеством. Смрад от криков француза как будто охватывает его пальто вибрирующей энергией.

Автомобильная дверь открывается перед нами, рука нежно приземляется на мою голову и усаживает меня в транспортное средство.

Однако мои глаза всё ещё остаются закрытыми.

Грим залезает следом за мной, его огромное тело прижимается к моему, прежде чем он тянет за дверь, закрывая ее, и дважды стучит по потолку. Автомобиль плавно отъезжает от тротуара и уносится прочь от рынка. Прочь от недавно ослепшего мужчины, брошенного хныкать в прихожей.

— Открой свои глаза, Кал, — спокойно заявляет он. — Теперь ты в безопасности.

Я открываю их в темноте и чувствую, как он пристально смотрит в моё лицо.

— Здесь трофей, — он берёт мою руку и открывает ладонь. — «Королевство» так много забрало у тебя, теперь у тебя есть кое-что, принадлежащее им.

Кожа нагревает металл, прикасающийся к моей руке, мои пальцы оборачиваются вокруг ручки орудия, которое больше походит на большую ложку.

— Тебе понадобится простерилизовать её, прежде чем снова использовать, — мрачно хихикает он. — Но я не думаю, что ты захочешь разделить другие трофеи, что я забрал. Кроме того, мне было бы жаль разделять соответствующую пару.

Я не отвечаю, потому что знаю, что ещё он забрал и это должно вызывать у меня отвращение.

Но нет.

Я просто хотела бы, чтобы мои глаза были открыты, когда один из Королей расплачивался за их грехи. Я хотела бы взглянуть в глаза француза и знать, что последнее лицо, которое он когда-либо видел, будет моим.

Вместо этого я оборачиваю пальцы вокруг металлического подарка, чувствуя струйку тёплой жидкости, стекающей с ручки вниз на мою кожу, и ощущаю всю силу правосудия.

Око за око.

Настало время заставить весь мир ослепнуть.

Глава четырнадцатая

Грим

Она сжимала эту ложку-нуазетку словно та была драгоценностью. Насколько же я больной, чтобы преподнести ей такой подарок, да и всё ещё в тёплой крови, ведь несколькими минутами ранее я использовал его, чтобы ослепить того мужика?

И всё же, она держала её так, как будто я преподнёс ей мир.

— Ты, что, не поддался искушению в два миллиона?

Её вопрос обезоружил меня, и моё тело, всё ещё гудящее от адреналина, вдруг как будто ударилось о стену из-за внезапной аварии и взорвалось от соприкосновения.

— Нет. Деньги ничего не значат для меня.

Это правда. Я не жажду имущества или богатства. Несколько вещей, которыми я владею, драгоценны только из-за воспоминаний, и все они подержаны. Автомобиль моей бабушки — единственный пункт моей собственности, обладающий хоть какой-то ценностью, да и то небольшой.

— Что же имеет для тебя значение? — робко спрашивает она.

— Месть, — быстро отвечаю я, потому что именно это питало меня так долго. — Хантеры, — правдиво добавляю я, прежде чем глубоко вздохнуть и кое-что добавить... что-то сумасшедшее. — И ты.

Я поворачиваюсь, чтобы уставиться в окно автомобиля, за которым проплывают улицы Парижа размытыми цветными пятнами.

Маленькая тёплая рука находит мою. Нежная кожа скользит по моим разбитым костяшкам, нерешительные пальцы обвиваются вокруг жирных цифр.

Деликатное прикосновение что-то открывает и увеличивает в моей груди, и мой следующий вдох на вкус становится более сладким. Я собираюсь повернуться к ней лицом, когда автомобиль внезапно набирает скорость и резко закладывает правый поворот к спуску на пандус подземной парковки для автомобилей. Шины визжат, транспортное

средство кренится, и Кал оказывается прижата к моему телу, когда моя голова с треском врежется в окно.

Я выпрямляюсь, наклоняюсь вперед, чтобы постучать в перегородку, разделяющую нас от водителя. Ничего.

Я настойчиво нажимаю на звонок интеркома, пока мы накренимся всё больше в резких поворотах, моя рука хватается за «о... дерьмо» ручку, когда все наши четыре колеса оставляют асфальт в конце одного особенно крутого поворота. Мягкое тело Кал сильнее прижимается к моему, одна её рука впивается в ткань моих брюк, а другая в пиджак.

— Какого хера! — реву я, когда дверная ручка отламывается, колеса вращаются над бетонной площадкой, а моя голова ещё раз хлопается об окно. Кал движется по инерции и фактически находится у меня на коленях, свободной рукой я прижимаю ее к боку.

Автомобиль останавливается, двигатель всё ещё работает, а моя рука уже лежит на ручке ножа, когда я слышу, как водительская дверь открывается. Секундой позже моя дверь широко распахивается, и я выпадаю из автомобиля на твердый пол. Кал, которая была полностью на мне, следует за мной, но вовремя спохватывается, и ей удается остаться внутри автомобиля.

Одно мощное движение — и я встаю и сталкиваюсь с последним человеком, кого я хотел бы видеть.

— Генри, — улыбается он, его глаза так ни разу и не посмотрели на мой высоко поднятый нож в руке, хотя я был готов нанести удар. — Я рад наконец-то встретиться. Я...

— Джеймс Реншоу, — заканчиваю я за него, моя рука напрягается на ручке «Мисси».

— Ах, — он слегка качает головой, продолжая легко улыбаться. — Я предпочитаю Купер.

Я всматриваюсь в его лицо, такое похожее на моё, что это нервирует. Если бы мы росли вместе, то, скорей всего, все думали, что мы близнецы. Хотя, сейчас этого никто не заметит. Его классическая и сильная внешность абсолютно не такая, как у меня — все в шрамах и боевых отметидах.

Мне интересно, если он так похож на меня, то он и думает так же. О том, что мы так похожи, но всё же такие разные.

— Где, бл*дь, мой водитель? — вместо этого требую я, мой пристальный взгляд, быстро скользит по периметру, чтобы обнаружить: мы одни на тёмной и пустынной многоярусной автостоянке.

— Он... дремлет. В багажнике, — отвечает он, слегка пожимая печами, а его усмешка становится шире, когда его руки расслабляются в карманах брюк, и он отклоняется в сторону от передней пассажирской двери.

— Ты украл кое-что из нашей собственности? — спрашивает он легким безобидным тоном.

Я бросаю взгляд на Кал, натянутую, как струна, сидящую на заднем сиденье и видимую через широко распахнутую дверь. Металлическая ложка-нуазетка лежит рядом с её обувью на полу автомобиля, она всё ещё покрытая остатками глаз француза.

— Всего лишь небольшой сувенир, — прохладно отвечаю я, все еще стоя в напряженной позе, готовый к мгновенной атаке.

Его пристальный взгляд падает в открытую дверь, его взгляд переходит от Кал к металлическому предмету.

— Я не говорю о том, что ты забрал у Филиппа, этот мужчина ненормальный. Я говорю о собственности, что ты использовал, чтобы получить право на вход.

Я впиваюсь в него взглядом, заметно скалясь, слегка наклоняя нож в руке — достаточно для того, чтобы в тусклых огнях, освещающих это место, вспыхнуло стальное лезвие.

— Я не собственность.

Мы оба поворачиваемся, чтобы посмотреть, как Кал изящно выходит из автомобиля. Нервное напряжение, которое, как казалось, она демонстрировала ранее, забыто. Теперь перед нами стояла та девушка, которую я встретил в воде: ожесточенная, но всё же женственная, сильная, но всё же хрупкая и захватывающе дух красивая.

— Ты носишь наш знак, — отвечает он, указывая на татуировку на её почти полностью выставленной груди. — Который отмечает, что ты наша навеки.

«Ублюдок».

— Нет, — спокойно командует Кал, когда я делаю агрессивный шаг вперед, моё туловище прижимается к внутренней стороне открытой двери, достаточно близко, чтобы воткнуть свой нож в его яремную вену. Я всё ещё потакаю её желанию, моё тело напряжено и готово продолжить, но мой разум пойман её волей.

— Я уже отслужила целую вечность. Моя свобода оплачена больше, чем просто кровью.

Её рука нежно опускается на мою лопатку, моё тело начинает расслабляться от её прикосновения, но мои инстинкты подсказывают мне остаться готовым.

— Хм, — отвечает Джеймс, беспечно пожимая плечами. — У нас возникло недопонимание. Я думал, что ты владеешь ею, Генри, когда в действительности она владеет тобой.

«Ах, ты, извращенный ё*анный сучок».

— Достаточно девчачий болтовни, мистер Реншоу, — почти рычу я, и глаза Джеймса сужаются, когда я использую фамилию, данную ему при рождении. — Если хочешь что-то, так выплюнь это и съ*бись на хер, чтобы я мог принять решение: собираюсь ли я выпотрошить тебя или же вырезать твой хребет.

Он раздосадован. Он, бл*дь, раздосадован и заканчивает тем, что закатывает свои глаза.

«Ё*анный у*бок».

— Ты не хочешь этого делать, Генри, — отчитывает он, выступая вперед и надавливая на внешнюю сторону открытой автомобильной двери, и мы оказываемся практически грудь к груди, и только металл разделяет нас. — Видишь ли, я и ты на одной стороне.

— О, — спокойно отвечаю, я неспособный удержать сарказм в своём голосе. — Прости, но я не играю за *ту* команду. Хотя, я польщен, что ты так думаешь. Это крутой наряд одурачил тебя, не так ли?

А потом он засмеялся.

Он, бл*дь, засмеялся.

Громко, откидывая голову назад, выставив шею, как бы ожидая, чтобы я погрузил «Мисси» в его плоть.

— Ты — Король, — прерывает нас Кал, обрывая его глубокий смех. — Почему ты на той же стороне, что и мы?

Весь юмор исчезает из него, заменяясь горячей решимостью.

— Поскольку «Королевство» кое-что забрало у меня давным-давно, и теперь они должны заплатить.

Глава пятнадцатая

Калия

Ложь.

Не было ни капли лжи в словах Джеймса Купера.

Его принадлежность походила на материальную цепь, связывающую нас троих в запутанную паутину истины.

— Я должен уйти, прежде чем моё отсутствие в работе рынка будет обнаружено, но я буду на связи, — говорит он Гриму, но я чувствую его пристальный взгляд, сосредоточенный на мне.

— Я не верю ни одному слову из твоего грязного грёбаного рта. Сделай только один шаг отсюда, и я действительно быстро решу, как ты умрёшь, — Грим также не лжёт. Он не угрожает, каждое слово, что он произнёс, звучит как обещание.

Я придвигаюсь в сторону Грима. Моё тело неловко втискивается между его массивным телом и автомобилем, моя рука всё ещё располагается на мышцах его спины.

— Позволь ему уйти. Он говорит правду. Он хочет покончить с ними также, как и мы.

Грим практически прекращает дышать, его тело замирает от напряжения, и я понимаю: мы на грани. Мы трое на краю, чтобы резко рухнуть вниз на зубчатые камни или же аккуратно слететь к земле с ветерком.

Он борется со своим решением шагнуть вниз. Его недоверие очевидно, а его неприязнь к мужчине перед ним ещё более ясна.

— Ты должен знать, сначала я планировал убить тебя, — вставляет Грим, его спина медленно расслабляется, а поза слегка смягчается.

— Понятно, — отвечает Джеймс нетронутый признанием Грима.

— Ты также должен знать, что твоё имя всё ещё наверху моего списка. Фактически, оно отмечено большой грёбаной звездочкой и выдвинуто на первый план флуоресцентным зеленым маркером. Это... — он указывает на нас троих наклоном ножа, — ...ничего не меняет.

Джеймс остается молчаливым и неподвижным.

— Так что ковыляй отсюда и делай, чтобы ты, бл*дь, должен, но знай, я не доверяю тебе, и я всё ещё приду за тобой.

— Я понял это чётко и ясно, — заявляет Джеймс с тонкой улыбкой. — Теперь, если мы всё выяснили, я должен уехать, у меня есть твои контактные данные, так что я свяжусь с тобой завтра.

Затем он делает шаг назад, прежде чем разворачивается и небрежно уходит. С каждым шагом, что он делает прочь от нас, Грим все больше напрягается.

По-прежнему существует большая вероятность, что Грим нападёт, так что я опираюсь головой о его руку, моя щека прижимается к его твердому бицепсу.

— О, — кидает Джеймс назад, когда между нами приличное расстояние. — Скажи Коулу и Люку Хантерам, что я передавал привет.

Грим рычит. Звук грохочет из его тела и вибрирует на моей щеке.

Мы долго остаемся на месте, Грим всё ещё ждёт, что что-то произойдёт, по-прежнему начеку, когда громкий стук раздается из багажника автомобиля, приглушая проклятия и угрозы, исходящие из него и эхом разносящиеся по тёмной парковке.

— Мы должны освободить водителя, — спокойно изрекаю я. Я более чем готова к тому, чтобы эта ночь окончилась для нас, чтобы встретиться с Люком в нашем месте для отдыха, чтобы, наконец, я могла получить шанс обдумать всё то, что произошло с нами к настоящему моменту.

— Не-а, — отвечает Грим, его мускулы медленно расслабляются под моей головой. Когда он наконец-то решает начать двигаться, то медленно поворачивается, руками обнимая меня за плечи, чтобы отвести меня назад на сиденье. — Этот глупый ублюдок оказался там... — изрекает он достаточно громко, чтобы мужчина в багажнике мог его слышать, — ...так что он может там и оставаться.

Унылые глухие стуки становятся громче и быстрее, сопровождаемые более громкими приглушенными воплями. Грим игнорирует их, вместо этого предпочитая удостовериться, что я удобно расположилась на заднем сиденье. Прежде чем он закрывает дверь, чтобы отправиться на место водителя, он наклоняется ко мне, и я могу ощутить его тёплое дыхание на моём лице.

— Ты... ох, была молодец сегодня вечером, Кал. Я... ух, был не прав, думая, что ты не справишься с этим.

Он мгновение колеблется, прежде чем нагибается и что-то поднимает с пола у моих ног. Секундой позже холодная металлическая ручка орудия, что он дал мне раньше, в моей ладони.

— Не потеряй свой трофей, Кал. Я не делюсь своей добычей со всеми девочками, ты же понимаешь.

Затем он уходит, и я слышу, как водительская дверь открывается. Секундой позже автомобиль слегка просаживается, когда его тяжелое тело размещается на переднем сиденье.

Тогда я сжимаю руку вокруг ложки и выпускаю наружу маленькую улыбку, что сдерживала.

Я продолжаю улыбаться сама себе всю короткую поездку к нашему месту встречи с Люком. Как только мы оказываемся там, сразу меняем автомобиль. Я не уверена, кто вызволил парня из багажника, или сделал ли это кто-нибудь, потому что мы опять разделились. Примерно через двадцать минут мы съехали с гладких французских городских дорог на грязную грунтовую всю в выбоинах, и, кажется, что мы въезжаем в каждую из них, когда меня подкидывает на большом заднем сиденье.

Я не знаю, где Грим, может быть, он ведёт машину или же едет в другом вместе с Люком. Скорей всего, последнее, зная всё вещи, какими он должен поделиться о сегодняшнем вечере, включая Короля — Джеймса Купера, и об этом шокирующем открытии, что он тоже хочет уничтожить *«Королевство»*.

Мои кости вибрируют в теле к тому времени, когда автомобиль останавливается и движение снаружи моего окна привлекает моё внимание, но никто не приходит за мной.

Проходят минуты, прежде чем моя дверь внезапно открывается, и незнакомый мужчина приглашает меня выйти.

— Я покажу Вам вашу комнату. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он вежлив, но резок, ночной воздух доносит от него аромат кожи и бензина.

Он ведет меня по какой-то твёрдой земле, затем по траве, затем по узкой гравийной тропинке. Мы останавливаемся, и я слышу скрип деревянной двери, прежде чем он подзывает меня и приглашает пройти внутрь.

— Этот дом ваш, остальные останутся в главном доме, но Вы в полной безопасности здесь. Земля патрулируется и надёжно охраняется.

Я ступаю вперед и ударяюсь о низкую деревянную ступеньку, ударяюсь голенью, но заставляю себя быстро выправиться и вскакиваю на скрипучее крыльцо.

— На кухне есть продукты, но вам придется застелить себе постель, — продолжает он, не обращая внимания на мою скрытую оценку моей новой среды обитания. Он неправильно истолковывает мою задержку и раздражается: — Послушай, Принцесса, я знаю, что это не «Хантер Лодж», но здесь чисто и безопасно.

— Всё прекрасно, — обрываю его я, поднимая руку. — Если вы не возражаете, я устала и хотела бы лечь спать. Спасибо, что проводили меня сюда.

Я закрываю дверь перед ним, прежде чем он сможет что-то ещё сказать, и прислоняюсь телом к двери, чтобы услышать скрип его шагов, когда он будет уходить. Как только я удостоверилась, что он ушел, я устало соскальзываю на пол, мой зад практически оголён, ведь на мне по-прежнему это крошечное платье, и моя кожа соприкасается с холодным деревянным полом, заставляя меня дрожать. Я должна встать и найти кровать, но я слишком истощена, чтобы озаботиться этим. Я подтягиваю колени ближе к груди, обнимаю голени руками, чтобы удержать их вместе, и медленно моя голова скользит, пока не находит опору, прижимаясь к моим твёрдым костлявым коленям. Много раз в моей клетке я находила себя в таком положении — без одеяла или матраса, на котором бы лежала. Забавно, как я быстро вернулась к этой пассивной позе, после того как побывала всего одну ночь в когтях «Королевства».

В считанные секунды я засыпаю: Дамарис крутится в моих снах, призывая, чтобы я поймала её.

«— Ты сейчас можешь меня видеть, Кал? Это чудо, — хихикает она, когда я преследую её по полю, заросшему травой, жёлтые цветы тут и там выглядывают из зелёной травы, горячее летнее солнце печёт наши головы, насекомые гудят вокруг наших плеч и щекочут нашу кожу, а птицы высоко в небе поют песни о свободе.

— Как он выглядит? — спрашивает она меня, когда мы делаем кувырок и растягиваемся, взявшись за руки, в тёплой траве. Я смотрю в её улыбающееся лицо, в её большие голубые глаза, на её тёмные волосы, сияющие на солнце и на её здоровую золотую кожу. Забавно, что ничего из этого я никогда не видела на самом деле, и всё же, в моих мечтах я точно знаю, как бы она выглядела.

Я по-девичьи хихикаю, моя голова поворачивается от неё, чтобы устремить взор на пушистые белые облака, которые бесцельно плывут через самое голубое небо.

— Он... красивый, — признаюсь я без стыда.

Она смеётся и сжимает мою руку, чтобы я продолжила.

— Он высокий и сильный, а когда его руки обнимают меня, я ощущаю себя маленькой, драгоценной, в тепле и безопасности, но также я чувствую себя могущественной. Он дает мне ту силу.

— А его губы? — спрашивает она так, как может только девочка-подросток. — Каковы его губы на вкус, как они ощущаются?

— Я не знаю, — признаюсь я, и печаль омывает меня.

— Ты узнаешь, — хихикает она ещё раз. — Я должна идти. Он приближается.

А затем она ушла. Я тяну свою руку по высокой траве, но её там нет. Я хочу крикнуть ей, попросить её забрать меня с собой, но даже в моём сне я понимаю, что этого не произойдёт. Так что я закрываю глаза, чтобы уснуть».

Сильные руки оборачиваются вокруг меня, и я прижимаюсь к теплу широкой груди. К мягкой подушке для моего тела, обволакивающей как кокон меня теплом и комфортом. Я зарываюсь глубже, и что-то тёплое располагается сверху меня, чужая рука гладит мою щеку, затем волосы. Сильные пальцы как гребень легко проходят сквозь пряди. Затем нежно, о, как нежно, я чувствую шёпот губ на своих губах.

Я просыпаюсь следующим утром, в большой теплой кровати, одеяла плотно обёрнуты вокруг моего тела. Я тихо потягиваюсь и прислушиваюсь, не раздастся ли звука в пустой спальне, а затем и в маленьком доме. Здесь никого нет, кроме меня. Я одна.

Я заснула рядом с дверью на холодном полу, а проснулась на заправленной кровати. Я никогда так хорошо не спала. Даже тогда, когда жила в «Хантер Лодж», я редко спала больше часа или двух за один раз, моё тело привыкло быть в боевой готовности, но вчера ночью я спала и спала крепко.

Я недолго паникую от осознания, мои обе руки выскальзывают из-под одеяла, чтобы провести ладонями от груди до бёдер. Вздох облегчения вылетает из меня, когда я обнаруживаю, что я всё ещё одета во вчерашнее платье. Кто бы ни отнёс меня в кровать, он не раздел меня.

Мой разум цепляется за воспоминания из моего сна, и кончики моих пальцев рассеянно прикасаются к губам. Они всё ещё покалывают от воспоминаний из моего сна, и я кратко желаю, чтобы не всё из него было фантазией.

Только желание писать вытаскивает меня из кровати, когда я приближаюсь к двери спальни, спотыкаясь о маленький мешок, который я паковала вместе с Фей, прежде чем мы уехали.

Кто-то принёс его мне, чтобы убедиться, что когда я проснусь сегодня утром, мне будет удобно. Я не могу представить, чтобы это был Люк или мужчина, который привёл меня сюда вчера вечером. Только один человек подумает о моём комфорте в такой момент.

Я знаю: Грим был в этой комнате и не только по тому, что его аромат витает в воздухе и пронизывает покрывала кровати. Я знаю, что это был он, потому что это были его губы, что я ощущала на своих.

Глава шестнадцатая

Грим

— *У*бери свои грёбанные глаза с моего стола, — рывкает Люк, его занудный взгляд впивается в меня, а губы сжимаются в тонкую линию при виде моей усмешки.

— Что? Тебе не понравились зеньки французишки? Я думал, что ты оценишь свидетельство моей продуктивности и самообладания. Я никого не убил, — гордо заявляю я, прежде чем подхватить рукой оба глаза, обожая ощущения от их движения в моей ладони. Их текстура как у маленьких твёрдых шариков из мяса, теперь, когда соки

высохли, и я кладу их обратно во внутренний карман моего костюма. Перед тем, как сесть, я скидываю пиджак с плеч и вешаю на спинку кресла.

— Мы должны обсудить Джеймса Реншоу, — заявляю я, переходя прямо к сути, теперь, когда продемонстрировал свою забаву.

Губы Люка едва дергаются, ублюдок подавляет улыбку, прежде чем произносит:

— Я недавно говорил по телефону с мистером Купером, — его глаза сужаются, когда он продолжает. — В отличие от тебя, того, кто был слишком занят всю ночь объёмами со сломанным трофеем, у меня был не только продолжительный чат с твоим недавно обрётённым братом, но также Коул подкрепил фактами всё то, чем он поделился со мной.

Он долго смотрит на меня, прежде чем продолжает:

— Он проверил его, Грим. Всё, что выяснил о нём Коул, и то, чем он поделился с нами, только подтверждает это. Мужчина, может, и внутри *«Королевства»*, но он медленно делал свои ходы в течение последних нескольких лет и знает всё их слабости.

— Да мне по х*й. Он — Реншоу. И он умрёт.

Люк даже не вздрагивает, когда я бью своим кулаком по столу от расстройства, мои ноги испытывают зуд от потребности встать и бежать назад в ебучий центр Парижа и выслеживать этого ублюдка.

Когда Люк удовлетворён вновь уделённым ему моим вниманием, он смотрит непосредственно в мои глаза и произносит:

— Как и ты, *брат*.

Я вытягиваюсь в струну, стол прижимается к моим бёдрам, кренится и опрокидывается.

— Я никогда не был Реншоу, — рычу я сквозь сжатые зубы, показывая на лицо, как будто он не может лично убедиться в моём уродстве. — У меня есть шрамы, доказывающие это. А что есть у этого ублюдка? Ах, да, деньги, власть и приоритетное место за столом.

— И мертвая жена с сыном, — вставляет он в конце моей тирады.

Мои кулаки остаются сжатыми по бокам, моё тело трясётся, борясь с потребностью резать, вредить и убивать.

— Ты знаешь это наверняка?

— Да. Джеймс держал их в тайне от ваших родителей, но твоя мать выяснила и с помощью своих связей заплатила *«Королевству»* огромную сумму, чтобы наказывать его за это. Поощадили только его дочь — утешительный приз, если можно так выразиться, или больше похоже на козырь, чтобы удержать его в узде.

— Так как он стал Королём? Ты понимаешь, на сколько, бл*дь, всё это нелепо звучит? — я игнорирую острую боль в своей груди, фантомную боль от того, что такой нечестный человек может утверждать о потерях.

— Просто. Он сделал для ваших родителей больше денег, чем они когда-либо зарабатывали раньше, и ты понимаешь, что это своего рода подвиг, зная, насколько отвратительно богатыми они были. Он соединил их ферму с *«Королевством»*, разводил их собственность, посылая им сотни за сотнями мужчин, женщин и детей, прежде чем купил их доверие и быстро продвинулся в их рядах.

— Я знал, что он был слишком хорош, чтобы быть правдой. И вы, блядь, доверяете ему? Человеку, признавшемуся в поставке рабов *«Королевству»*?

Люк пожимает одним плечом, поднимая ручку со стола перед ним и пропуская её через пальцы.

— На мой взгляд, что они оставались на ферме или что их продавали *«Королевству»* — они, в любом случае, покойники.

— Ты — бессердечный ублюдок, ты не такой, как Коул. В действительности, иногда я задаюсь вопросом, почему ты позаботился помочь ему свергнуть Алека Крэйвена, — я выплёвываю слова как пули, прицеливаясь каждым в его жизненно важные органы, надеясь на прямое попадание.

Он встаёт и наклоняется ко мне. Его движения — откровенная угроза.

— Я помог ему свергнуть Крэйвена из мести — чистой и простой. Но, как оказалось, у твоего кровного брата сердце кровоточит так же, как и твоё. Видишь ли, он, возможно, и продал сотни *«Королевству»*, но выкупил вдвое больше прямо перед их носами, да так что они никогда об этом и не узнают.

Я моргаю, отказываясь воспринимать его слова.

— Да, правильно, Грим. Джеймс Реншоу спас больше людей, чем ты, Коул и я вместе взятые. Вот откуда я знаю, что ему можно доверять.

Это не может быть правдой. Как он смог сделать это? Нас трое, в нашем распоряжении огромные ресурсы, и всё же он — этот человек, который обоссал все наши попытки правосудия и заставил нас выглядеть жалкими в сравнении с ним?

Люк впивается в меня взглядом как будто я только что назвал его дураком, как, кажется, я и сделал, прежде чем папки, на обложках которых я до этого показывал глаза француза, и вытаскивает пачку документов и фотографий.

— Это его виноградник в северной Италии, — он начинает бросать изображение за изображением на стол, показывающие следующие сцены: маленькие деревянные дома, мужчин и женщин, работающих среди виноградных лоз, детей, собирающихся в небольшую местную школу, и улыбающиеся лица людей, когда они выжимают виноград голыми ногами. Это идеально и поэтому так невероятно для меня, это должен быть фасад для чего-то зловещего.

— Это реально, Грим. Всё проверено. Вино, которое они там производят, завоевывает награды, а те, кто хочет уехать, чтобы построить жизни в другом месте, свободны уйти. На винограднике даже есть местный пластический хирург, который лазером убирает их метки и любые шрамы. Не говоря уже о врачах, преподавателях, психологах и так далее, у него они есть. Всё это заставляет выглядеть то, что мы делаем в «Хантер Лодж», незначительным.

Я глазею на фотографии, пробуя найти свидетельство обмана или злоупотребления, но я вижу только надежду. Она присутствует на лице каждого мужчины, женщины или ребенка, смотрящего на меня с глянцевого бумажек.

— Те две юные девочки из событий вчерашнего вечера уже направляются туда. Он рассказал мне всё об этом инциденте. Он знал, что ты вмешался, поэтому сам вмешался и спас твою шкуру. Ему какое-то время известно, кто ты, Грим. Когда ты появился вчера вечером, он знал, что пришло время объединить наши силы и покончить с этим раз и навсегда.

Я пытаюсь, но все равно не способен поглотить всё это, когда раздаётся стук в дверь, и один из людей Люка заходит в комнату.

— Женщина вышла из дома. Она сказала, что идёт на прогулку. Вы хотите, чтобы я остановил её?

— Она не пленница и свободна перемещаться, — отвечает с улыбкой в голосе Люк. — Хотя, я бы не хотел, чтобы она ушла слишком далеко и потерялась. Возможно я пойду и помогу прекрасной леди и...

— Не заканчивай это грёбаное предложение. Никто не помогает Кал, кроме меня.

Я разворачиваюсь, опрокидывая стул на пол, и вылетаю из комнаты, плечом отодвигая человека на выходе, как-бы-его-на-хер не звали, убийца номер Один, Два или Три — они все похожи.

— Передавай Калии мои наилучшие пожелания и поблагодари её за то, что держала тебя на коротком поводке вчера ночью, хорошо? — вызывает Люк к моей спине. Прежде чем я поворачиваю налево вниз к прихожей, я показываю ему неприличный жест, не оглядываясь назад. Ублюдку повезло, что я не отрезал его язык.

Снаружи солнце пробивается сквозь облака, бросая яркий свет на влажную траву. Этот говняный старый сельский дом и смежный дом выглядят практически симпатичными в очищающем солнечном свете. Можно практически забыть о гниющих деревянных конструкциях и кратерах, заполненных грязью на подъездной дорожке. Практически.

Я осматриваюсь и вижу медленно уходящую от дома Кал. Она приближается к загону слева от меня. Она выглядит по-другому сегодня: волосы завязаны сзади, на ней одеты простая футболка лимонного цвета и джинсы. Я никогда не видел её в чём-то не белом, только вчера вечером на ней был тот черный кусок дерьма, что они заставили её одеть, я стыжусь признаться, что это заставило мой член дёрнуться. Сегодня она похожа на правильную девочку, направляющуюся на прогулку по сельской местности, хотя эфирный воздух всё ещё следует за ней, её шаги такие осторожные и изящные, как и всегда.

Вернее, так было, пока её правая нога погружается в открытое отверстие, где когда-то стоял столб, и её тело внезапно наклоняется к земле, а нога подгибается под её весом.

Я срываюсь на бег, преодолевая расстояние между нами за секунды, и прыгаю через гнилой деревянный забор.

— Кал, ты пострадала? — выдаю я, неспособный удержать панику в своём голосе. Я достигаю её за несколько шагов и падаю на колени, чтобы оказаться сбоку от неё.

— Только моя гордость, — спокойно отвечает она. Дыра, в которую она угодила, наполовину полна грязной водой, и её джинсы и один бок покрыты навозом, её руки чёрные и скользкие, когда она толкает себя от земли в попытке подняться, а затем вздрагивает.

— Тебе больно, позволь мне помочь тебе.

Я придвигаюсь к ней, чтобы поднять её, но она отталкивает мои руки прочь.

— Нет, я была и в худших ситуациях. Я могу помочь себя сама. И мне не больно.

Дыра ещё огромнее вблизи, чем первоначально казалась, и я не могу остановиться и спрашиваю.

— Как, бл*дь, ты не заметила её?

Ага, потому что я тупой придурок, кто не может фильтровать свои слова.

Она отводит лицо, её взгляд опускается к траве, пока она пытается вытащить себя и недооценивает край дыры, её руки скользят по гладкой траве и приземляются в грязную воду.

Её движения неуклюжи и так отличаются от её обычных. Её руки стараются найти точку опоры, но вероятно из-за того, что она не смотрит куда их ставит, а пытается почувствовать куда поместить их, её движения ужасны и нескоординированные.

Я не всегда быстро догоняю, но внезапно меня озаряет. Она постоянно на всё натывается, она избегает прямого зрительного контакта, факт того, что она не вздрагивает от моих шрамов, насколько бы мужественной она не была — большинство людей убегают за милую, когда видят меня, и её глаза — их цвет так отличается от всех, что я когда-либо видел.

— Позволь мне помочь тебе, Кал, — мягко предлагаю я, не ожидая, что она согласится. Я располагаю обе руки под ней и прижимаю к груди. Обожаю ощущать её

прижатой ко мне даже ещё более, чем вчера вечером в темноте, когда я положил её на кровать. Затем я позволяю ей медленно опустить ноги, пока они не прикасаются к твёрдой земле.

Её пристальный взгляд всё ещё отведён от моего, когда она делает маленький шаг назад и вытирает грязные ладони о джинсовую ткань, что обтягивает её бедра.

— Кал, посмотри на меня, — мой голос твёрд, но звучит лишь как шепот. Я знаю, что она слышит меня, поскольку замирает, и я могу точно сказать, что она взвешивает свои возможности.

— Кал, — её имя просьба на моих губах.

Медленно она поднимает голову и смотрит на моё лицо. Любому может показаться, что она смотрит прямо на меня, но когда я внимательно изучаю её лицо, то могу увидеть, что её глаза нацелены всего лишь выше хряща моего носа.

— Сколько пальцев я показываю?

— Что за бессмысленный вопрос, — быстро парирует она, её голос мягок, но тон противоположен.

— Сделай мне одолжение, — настаиваю я. — Сколько?

Она колеблется, затем перемещает свой пристальный взгляд туда, куда, как она думает, я переместил руку, её глаза останавливаются на пустом воздухе.

— Ни одного, — в конечном счете, отвечает она, и в течение секунды я неожиданно пойман, поскольку она даёт правильный ответ, но я даже не отодвинул свою руку от бока.

Я не двигался.

Моя молчаливость заставляет её слегка улыбнуться. Она думает, что выиграла.

— Я собираюсь кое-что спросить у тебя, и я пойму, если ты солжешь, Кал, так что скажи мне правду.

Она опять замирает, а я изучаю каждое крошечное движение её лица, наблюдая за тем, как сильно крутятся колёсики в её мозгу в ожидании.

— Ты всегда была слепой?

Глава семнадцатая

Калия

— Ты всегда была слепой?

Хотя меня и терзало его открытие, я всё же калека.

Прикусываю внутреннюю сторону своей щеки, отказываясь отвечать, подбородок задран, плечи расправлены и готовы к конфронтации, пытаюсь скрыть, что в душе я сломлена.

Никто не знал, кроме Дамарис.

Затем Фей как-то выяснила это, но она поклялась сохранить мой секрет. Чтобы он был выкрикнут вот так, всем этим людям — это более мучительно, чем я когда-либо могла предположить.

Теперь я для него бесполезна.

Я чувствую, как он придвигается ко мне, и всё же мы по-прежнему на расстоянии вытянутой руки.

— Как ты это делаешь, я никогда не видел никого столь же грациозного, как и ты, или такого же осведомлённого о своём теле или пространстве вокруг. Ты двигаешься, как будто идешь по воздуху, особенно когда никто не смотрит. Ты нашла путь к моей реке, и ни разу не споткнулась.

Благоговение слышно в каждом его слове, только я всё равно чувствую лишь стыд и смущение.

Мы оба молчим, и кажется, что проходят минуты, и если б у меня было время оценить пространство вокруг меня, прежде чем я упала в эту дыру, я была бы способна развернуться и убежать. Существует вероятность, если я сделаю это сейчас, то с моими эмоциями в беспорядке и взболтанными чувствами, я сделаю намного большее, чем застряну с коленом в глубокой грязной дыре. И так я решаю делать то же, что и всегда. Притвориться.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, и я прошла твоё испытание, я сказала тебе, что ты не показывал ни одного пальца.

— Да, ты прошла. Ты прошла, поскольку не слышала, чтобы я двигался, а не потому, что видела мои пальцы. Какого цвета у меня глаза?

Мой позвоночник цепенеет, и я хочу убежать.

— Я недостаточно близко, чтобы сказать.

Ещё одна ложь.

Он делает ещё один шаг ко мне, носки его ботинок упираются в мои. Это идентично тому, как он приблизился ко мне, когда нашел меня в реке. Только в этот раз нет никакого гнева, текущего от его тела к моему. Он не пытается запугать меня.

— А теперь, какого они цвета? — давит он на меня, чтобы я ответила ещё раз, и он так близко, практически грудь к груди, что я чувствую жар его тела напротив моего. У меня нет выбора.

Больше никакой лжи.

Я неуверенно поднимаю свою дрожащую руку и колеблюсь, моя рука дрожит в движении. Кажется, сам воздух между нами, вибрирует от моей нервной энергии, и моё опасение очевидно ему. Затем я чувствую его глубокое и медленное дыхание, он понимает моё намерение и ожидает его, и неожиданно я больше не нервничаю. Он знает, что я собираюсь прикоснуться к нему, и он хочет, чтобы это произошло. Ему нужны мои руки на его лице.

Тишина воцаряется вокруг нас, когда кончики моих пальцев достигают его подбородка. Этот первое прикосновение легче пёрышка и более интимное, чем что-либо из того, что я испытывала в моей жизни.

Грубая щетина трётся о подушечки моих пальцев: текстура нежная, но всё же колючая, я открываю ладонь, чтобы почувствовать больше её. Он так тихо вздыхает, что это практически не слышно здесь, на открытом воздухе, но я чувствую тёплое дуновение воздуха на чувствительной коже моего запястья, и дрожу.

— У тебя есть маленькая ямочка на подбородке, — бормочу я больше себе, чем ему. Нуждаясь в большем количестве его черт, я перемещаю пальцы вдоль его сильной челюсти, ощущая, как его щетина утолщается в некоторых зонах больше, чем в других. Она, безусловно, равномерна, но мои всевидящие пальцы могут ощущать малейшие изменения. Далее они двигаются по росту щетины до гладкой кожи острых скул, а затем я чувствую это — и он леденеет. Толстый хребет сморщенной кожи зубчатой формы, но гладкий при прикосновении. Это старый шрам, и пока мои пальцы прослеживают его дорожку, я могу сказать — это длинный шрам. Я нежно следую по нему: он чуть выше его

скулы уходит вниз по длинной кривой, где он оканчивается глубоко в изгибе его губ. Назад кончики моих пальцев следуют за изменяющейся толстой рубцовой тканью шрама, пока он не заканчивается в углу его левого глаза. Мои пальцы останавливаются на краю, его веки моргают, а длинные ресницы щекочут мою кожу.

— Кто это сделал с тобой?

Он громко и шумно вздыхает.

— Я скажу тебе, если ты скажешь, какого цвета у меня глаза.

— Зелёные, — незамедлительно отвечаю я. — Не как летняя трава, а цвета лесного мха.

Он задерживает дыхание, затем ещё раз медленно выпускает воздух. Я по-прежнему изучаю его лицо своими пальцами, так что я тут же чувствую, как он нахмурил брови и глубокую морщину на его лбе. Он хочет понять, как я узнала, пока также пытается выкрутиться от того, чтобы не рассказывать о своём шраме.

Обдуманное слово выходит через его стиснутые зубы, и он, наконец, отвечает на мой вопрос.

— Моя мать, а мужик, от которого я тебя вытащил, закончил её мелкую ручную работу.

Моё сердце пропускает удар, прежде чем переходит безумной гонке. Я ожидала, что он скажет, что это произошло в битве. Я не была готова к его признанию, что однажды он был собственностью так же, как и я.

— Поэтому ты был там в тот день? Ради возмездия?

— Да, и если б я мог убить этого ублюдка ещё раз, я бы убедился, что воспользовался каждым часом длинного дня.

Я оглядываюсь назад, позволяя моему разуму быстро скользнуть по воспоминаниям о том времени:

Тот мужчина владел мной короткий период времени до того, как пришел Грим и спас меня. Две недели, возможно чуть больше. И я была неоднократно использована такими способами, которые стёрла из своих воспоминаний. Мне было отказано в основах выживания, и когда моё тело могло, я поглощала гнилую воду из туалета в своей тёмной клетке со случайными отходами заплесневелого хлеба, брошенного в мои ноги. День, когда Грим унёс меня оттуда, был днем, когда я решила сдаться. Я оплакивала то, что опозорила Дамарис, говоря ей, что мне жаль, что у меня нет больше желания жить и что я устала и хочу присоединиться к ней. Когда тот в последний раз мужчина забрал меня в свою игровую, я была готова. Готова со всем покончить.

Я слышала, как открылась дверь, даже сквозь вульгарные стоны, срывающиеся с губ мужчины, звук был даже громче, чем удар его бёдер о нежную кожу моей задницы.

Он порезал меня в тот день больше, чем во все предыдущие разы. Старые шрамы чесались, когда они заживали, а новые порезы жгло, когда он и его люди по очереди мочились на мои открытые раны. Когда они привязали меня к той скамье, и он приказал им уйти, злоба улавливалась в его дыхании, пока он едва сдерживал своё возбуждение, я поняла. Независимо от того, что я уже решила, сегодня всё выйдет из-под моего контроля. И из-за того, что я уже сдалась. Это было своего рода милостью.

Затем он зверски что-то запихнул внутрь меня так глубоко и так сильно, что я была близка к обмороку. Но на этом он не остановился. Оставив одно из отверстий в моем теле заполненным и кровоточащим, он грубо открыл моё заднее отверстие своими большими пальцами и толкнулся туда под завязку. Разрыв моей промежности вернул меня в сознание: вся нижняя часть моего тела горела в огне, как если б меня рвали на части. И именно такой Грим и нашел меня.

Истекающую кровью, разорванную, используемую и настолько близко к смерти, о которой я молила. Но Грим вернул меня назад. Я помню, как краем уха услышала описание моих травм медсестре, от доктора, который заботился обо мне, когда я впервые прибыла в «Хантер Лодж». Я слышал, как он описывал извлечение двенадцатидюймового деревянного жезла из моих внутренностей, сотни внутренних и внешних швов на моих влагалище и заднем проходе, сильные антибиотики, что вливали в меня внутривенно, потому что сепсис вызывал крайнюю обеспокоенность из-за моих многочисленных сочащихся нарывов.

Грим видел меня такой: не подлежащую восстановлению, доведенную до звероподобного состояния оболочку из плоти и костей, и всё же не отпустил. Он прижимал меня к себе, защитил и дал мне свободу.

Я возвращаюсь мыслями к его подарку и понимаю, что если кто и заслуживает моей правды, то это Грим.

— Я родилась слепой, или, по крайней мере, я другой себя не помню. Моя сестра, Дамарис, защищала меня. Она хранила мою слабость в тайне, чтобы гарантировать моё выживание, и я... приспособилась, быстро учась, как маскировать это.

Мои пальцы всё ещё на его лице, вторая моя рука в какой-то момент присоединилась к первой, но он пока не прикасается ко мне, и я особенно благодарна ему за это. Прикосновение — это интимное осознание, тогда как с другими вашими чувствами, такими, как слух или обоняние, вы в одном шаге от связи, с прикосновением вы — часть его. У прикосновения есть память, его осязание и воспоминание органов чувств. Это наш первый язык до взгляда или звука. Все мы приходим из утробы наших матерей и испытали прикосновение раньше, чем что-либо ещё. Оно может утешить, исцелить, успокоить, созидать и придать сил. Но также оно может причинить боль и терроризовать, но лишь прикосновение никогда не лжёт.

Он наклоняется ближе в поисках ласки, как собака или как ребенок, ищущий успокоения, желая большего моих рук, большего моих прикосновений, и я охотно даю ему это. Я перемещаю обе руки по его челюсти, мои мизинцы прикасаются к его ушным раковинам, мои большие пальцы ласкают уголки его рта, и он вздыхает, его голова подает ему на грудь. Всё его тело расслабляется от простого взаимодействия.

Издавека мы, скорее всего, выглядим как любовники в интимный момент, когда в действительности мы — двое сломанных людей, учащих принимать друг друга единственным способом, который мы знаем.

— Я нашла реку из-за тебя, — спокойно признаюсь я, он вскидывает голову вверх, чтобы взглянуть на меня в момент моего признания.

— Как? Меня там даже не было. Я был далеко в течение нескольких недель...

Я тщательно подбираю свои слова, поскольку даже для моих ушей то, что я собираюсь сказать, кажется невероятным.

— Оно мне приснилось. Я видела её снова и снова в моей голове, пока длилось мое восстановление.

— Это не имеет смысла, я не понимаю, — отвечает он, недоверие сквозит в его словах.

— Иногда это со мной происходит, так было всегда с Дамарис, а иногда с другими, и часто — с тобой. Когда я прикасаюсь к кому-то, их зрение становится моим. Не сразу или даже не напрямую, но в своих снах я буду видеть вещи, места, людей, которые что-то означают для них. Река что-то значит для тебя. Ты дал мне это воспоминание, когда ты держал меня и принёс в «Хантер Лодж», и каждую последующую ночь ты снился мне там.

— Ты видишь меня в своих снах? — он спрашивает сомневающимся тоном и практически застенчиво.

— Нет, — честно отвечаю я. — Я только вижу то, что и ты видишь в своих снах, и там ты не со мной. В моих же снах — это как будто я с тобой.

Его плечи расслабляются от облегчения, и это движение приближает его голову ближе к моим кончикам пальцев, так что я двигаю своими руками от его ушей до его макушки.

Он думает, что отвратителен мне, что если б я могла его увидеть, он был бы отвергнутым мной. То, чего он не понимает, — мне не нужны мои сны, чтобы увидеть его, я вижу его отчетливее, чем что-либо ещё видела в своей жизни.

— Но я вижу тебя сейчас, вообще-то я видела тебя с того самого первого дня, — румянец ползёт вверх от шеи к щекам вместе с моим признанием, и я глубоко вздыхаю, прежде чем выпускаю всё наружу. — И то, что я вижу, прекраснее, чем река, которую ты поделил со мной в моих снах.

Глава восемнадцатая

Грим

Всё, о чём я мог думать, — её руки на мне, она прикасалась ими к моей грёбаной башке. Это и то, что она сказала, будто я прекрасен. Ага, я, бл*дь, прекрасен. Мужик, который преподнёс ей в дар окровавленную кухонную утварь, и он же с ещё большим количеством шрамов внутри, чем снаружи. Кал была не просто слепой, но и заблуждалась, возводя меня вроде как в ранг героя.

Я не герой, которому нужно поклоняться, но все же... черт возьми, если мне не понравились её руки на моём лице.

Когда ко мне прикасались, не причиняя боль? Никогда.

И всё же, когда она прикасается ко мне, я чувствую себя почти... человеком.

Это хорошо, что Люк заставил меня оставить её дома в момент нашей первой встречи с Джеймсом, поскольку как бы сильно я не начинал жаждать её присутствия, я осознавал, что также сильно я хотел удержать её подальше от какого-либо дерьма, что могло произойти. Я всё ещё не повёлся на Джеймса-е*анного-Купера-слеш-Реншоу. Этот у*бок был слишком хорош, чтобы быть правдой, и если жизнь показала мне нечто, что заслуживает внимания, так это то, что никто не был настолько благороден, чтобы пойти на самоубийство. Никто. И это, мои друзья, парило меня как мошонка гориллы посреди джунглей в аномальную жару, а когда я чувствовал себя так, то единственный способ сбросить эту нервную энергию — насилие.

— Ты и твой маленький симпатичный трофей смотрелись весьма уютными на выезде сегодня утром, — заявляет Люк, симулируя незаинтересованность с переднего пассажирского сиденья BMW, на котором мы ехали в Париж, его внимание было сосредоточено на множестве файлов, которые он держал в руках.

— Не твоё, на хрен, ума дело, — выдавливаю я, моё колено подпрыгивает на заднем сиденье, кулаки сжимаются и упираются в бёдра, пальцы испытывают зуд от желания схватить нож.

— И всё же, ты её трахнул? Показал ей, как сильно надо укунить, чтобы ты смог спустить в её глотку или припас это на медовый месяц?

— Заткни свой грёбанный рот, — рычу я, наклоняясь ближе к спинке его сиденья, моя рука находит ножны Мисси.

Тип, что ведет автомобиль, ещё один безымянный убийца, фыркает, находя весь этот обмен репликами забавным. Глупый придурок.

Я выхватываю «Мисси» из её ножен быстрее, чем он делает свой следующий вздох, и втыкаю её в сиденье, задевая его плоть её зазубренным краем, прикалывая его к креслу тканью пиджака. Еще сантиметр — и она бы приколола его руку к сиденью, а не просто одежду.

Он потрясен, автомобиль виляет вправо, он рефлексивно дергается, чтобы избежать причинения ущерба, но это только приводит к разрыву рукава пиджака, прежде чем его рука становится свободной.

— Что смешного, ху*сос? — глумлюсь я над ним, мое большое тело втиснуто между передними сиденьями. — Думаешь, из-за того, что я сзади, я проигнорирую твой бл*дский хохот?

— Грим, остынь и закупорь эту хрень. Я позже найду тебе кого-нибудь, чтобы убить, — произносит Люк, так ни на мгновение не оторвавшись от своих файлов. Даже моей поножовщины с мужиком, управляющим автомобилем, не достаточно, чтобы поколебать его самообладание. Он привык к моим вспышкам. А глупый мудила, управляющий автомобилем, очевидно, нет.

— Я предлагаю находить меньше забавных вещей, связанных со мной в будущем, — выплёвываю я в лицо водителя, прежде чем вырываю «Мисси» из сиденья и откидываюсь назад. Я недоволен собой из-за того, что единственное повреждение, которое я смог нанести, это обивка.

— Если ты закончил выводить это из своей системы, может, ты захочешь проверить этих, — спокойно произносит Люк, передавая мне несколько бумаг через плечо.

— Это планы чего? — спрашиваю я, водя большим пальцем по проекту. Что бы за здание это ни было, оно — крепость и такое же большое, как замок.

— «Королевство», — прямо заявляет Люк. — Джеймс переслал их нам ночью. Оба — Алексис и Кириллос — живут на объекте.

Я просматриваю бумаги ещё раз и начинаю перечитывать сопровождающие записи. Джеймс преподнес нам всё, что нужно, на блюдечке с голубой каёмочкой. Информация о мерах безопасности, число охраны, количество оружия на объекте и объём рабов, содержащихся там в определенный момент. Эта работа для самой большей команды, что у нас есть на месте. Люк и его люди хороши, а если с ними еще и я, то мы непобедимы. Но цифры на этих страницах втрое больше, чем те, с которыми мы ожидали столкнуться. Плюс остаётся вопрос с двумя другими Королями.

— А что с Артуром Фёдоровым и Фордом Кеннеди. Если мы оставим любого из них в живых, то «Королевство» уйдет в подполье и продолжит своё существование.

Люк слегка разворачивается. Его взгляд скользит по поврежденному водительскому сиденью, по разорванному рукаву пиджака члена его команды. Затем небольшая улыбка растягивает его рот, достаточно, чтобы показать мне блеск его белых зубов, прежде чем он произносит:

— Фёдоров будет присутствовать там на этих выходных. И давай просто скажем так: то, что касается Кеннеди, у Джеймса есть подарок для тебя. Предложение мира, если угодно.

Его глаза останавливаются на моих, и в их глубине я вижу проблеск монстра. Я могу быть устрашающим ублюдком, однако истинная сущность Люка — это, бл*дь, совершенно другой уровень е*анутости.

Я перевариваю всю эту информацию в течение оставшейся части поездки, моё колено по-прежнему подпрыгивает от сдерживаемой энергии, но мои руки остаются расслабленными. Тишина сопровождает нас всю остальную часть пути, позволяя планам формироваться в моей голове. Кроваво-красным планам, наполненным криками умирающих.

Когда мы останавливаемся возле большого склада в центре промышленной зоны, те планы сформировались во что-то полностью проработанное и готовое к выпуску на волю. Я обеспокоен и нуждаюсь в выбросе энергии. Даже наличие моего излюбленного трофея вокруг моей шеи и покоящегося на коже моей груди не успокаивает моего Дьявола. Он нуждается в большем, чем в памяти о старой мести, он нуждается в тёплой крови, брызгающейся на его лицо, в аромате страха в его легких. Только тогда он должен будет быть достаточно пресыщен, чтобы прекратить царапаться под моей кожей, требуя освобождения.

Грохот открывания роллетных ворот привлекает моё внимание, и с боку во всё увеличивающемся проеме вижу мужчину. Сначала его ботинки, затем длинные ноги, обтянутые черной тканью, пока, в конечном итоге, не показывается его лицо.

Джеймс ждет нас в расслабленной позе и со спокойной улыбкой. Он даже кажется немного нетерпеливым, но, в отличие от меня, он научился маскировать свои эмоции или, по крайней мере, немного сдерживать их.

— Люк, Генри, — обращается он к нам с небольшим кивком, когда мы выходим из автомобиля. То, что он использует данное мне при рождении имя, вызывает рык у меня и необычайно яркую улыбку у Люка, которая выбешивает меня ещё больше.

— Входите, у меня кое-кто есть, с кем бы я хотел, чтобы вы встретились, а затем мы сможем перейти к делу.

Он жестом приглашает нас войти, и хотя Люк широкими шагами беззаботно проходит через открытую дверь, я сдерживаюсь, мои глаза обшаривают каждую тень, выискивая западню. Дом, в который мы заходим, огромный и пустынный, двери начинают захлопываться позади нас, отделяя нас от водителя и автомобиля. Я ожидаю засаду, но ничего не происходит, тут только я, Люк и Джеймс. Когда двери плотно закрыты, Джеймс начинает говорить. Он делит своё внимание между нами двумя, но я пока всё ещё осторожен, Люк, как кажется, зависает над каждым его словом. Если бы Джеймс был женщиной, я бы поклялся, что Люк утанул бы его в свою темницу. Но, опять же, Люк не флиртует или подлизываются, женщины в темнице специально подобраны, поскольку они осознают, что он хочет от них, а не потому, что он заранее их очаровывал и снимал с них трусики. Итак, видеть его восхищение Джеймсом — тревожно, в моей голове тревожно воют сирены.

— Я подумал, что мы начнём с моего дара тебе, Генри, — произносит Джеймс, когда движется к двери справа от нас, ожидая, что я пойду впереди. Когда я остаюсь на месте, широко расставив ноги и атакующе вскинув руки, он хихикает с сожалением. — Ладно, я это предполагал, ожидаемо, что будет трудно завоевать твоё расположение, — он шагает к двери, широко её распахивая, и щелкает выключателем внутри комнаты. Приглушенные стоны вырываются оттуда, и мой интерес достигает максимума, мой Дьявол наострил уши и облизывает губы от ожидания, но я остаюсь неподвижным.

Люк бросает косой взгляд на меня. Его рот сжимается в тонкую линию, когда он проходит мимо меня и заходит в другую комнату. Джеймс остается снаружи, терпеливо ожидая меня, пока я приближусь к пункту программы, который служит только для того,

чтобы ещё больше раздражать меня, пока он, в конечном итоге, не получает моё сообщение и отворачивается, следуя за Люком, исчезая в приглушенно освещенном пространстве.

— Грим, прекрати играть в игры и заходи, нахер, сюда, или я воспользуюсь своим пистолетом и испорчу тебе забаву, — зовёт Люк, скука звучит в каждом его слове.

Мои руки подергиваются, мой Дьявол ревёт внутри, требуя свободы. Он чувствует гнев, смешанный со страхом, что струится через эту открытую дверь, и прежде, чем я понимаю, что мои ноги двигаются, я уже там, стою в дверном проёме, поглощая открывающийся вид передо мной.

Люк опирается о дальнюю стену, не спуская глаз с Джеймса, который стоит перед сидящим на обычном металлическом барном табурете мужчиной.

Ну, в общем, это не потому что он желает добровольно сидеть на месте, а потому что он к нему привязан. Его тело согнуто пополам, его туловище вровень с его бёдрами и обе его руки сильно привязаны к ногам, которые в свою очередь привязаны к табурету. Положение неудобное, табурет неравномерно сбалансирован, и любое малейшее движение приведёт к его падению. Существует стимул для него, чтобы не упасть, поскольку табурет, на котором он сидит, стоит на толстой, но узкой деревянной доске, которая перекинута над большим контейнером, глубиной примерно в три фута (*прим.: около 1 м*) и заполненного водой. Если мужчина пошевелится слишком сильно, он, скорее всего, зашатается и упадёт вместе с табуретом туда, и тогда неизбежно утонет.

Умно. Чертовски, бл*дь, умно. И мне интересно, как долго Джеймс держал его раскачивающимся здесь.

Я подхожу к краю заполненного водой контейнера, и мужчина с кляпом во рту совершает едва уловимое движение, чтобы посмотреть на меня. Его глаза горят от гнева, впиваясь в меня взглядом наполненным обещанием неприкрытой угрозы: *«Я собираюсь, нахер, убить, тебя, когда выберусь отсюда»*. Ага, как же, приятель. Я улыбаюсь, обнажая зубы, и чувствую, как моё травмированное лицо морщится от этого движения.

Форд Кеннеди — это дар мне в подарочной упаковке. Чего не хватает, чтобы сделать этот подарок идеальным, так разве что большого красного банта.

— Он весь твой, — улыбается Джеймс из-за Кеннеди, зарабатывая приглушенное рычание от связанного мужчины. — Просто позволь мне рассказать тебе немного о Кеннеди, прежде чем ты начнёшь.

Связанный мужчина рычит более мощно, его тело двигается, слегка раскачивая табурет на четырех ножках. Звуки затихают, но его пристальный взгляд остаётся зафиксированным на мне, и я подмигиваю ему.

— Кеннеди... — продолжает Джеймс, даря привязанному человеку похлопывание по заднице, пока представляет его, раскачивая табурет в процессе, — ...был Королём примерно десять лет. И это время он лично убил больше двух сотен мальчиков, поскольку у него не было согласных взрослых мужчин, только маленькие мальчики, не имеющие возможности протестовать. Да, всё правильно. Он отрезал им языки, прежде чем затрахать до смерти, буквально.

Руки выкручивает от испытываемого мной зуда утопить ублюдка. Нет, это будет слишком легко. Я сначала сдеру шкуру с подонка, а затем утоплю.

— О, и он стоит приблизительно сто двадцать восемь миллионов, сотню из которых он заработал на своих акциях «Королевства». Так что, он не просто больной пи*дюк, он очень богатый больной пи*дюк. Но хорошая новость в том, что он уже завещал свою империю мне, если раньше встретиться с создателем, и я хотел бы рассказать ему перед свидетелями: как я рад приобрести ещё один виноградник на юге Франции с его щедрой помощью.

Джеймс отходит назад, а затем направляется в заднюю часть контейнера, чтобы встать около стены рядом с Люком.

Я наклоняюсь вперед, сделав головой ныряющее движение, чтобы хорошенько посмотреть в лицо Форда Кеннеди, прежде чем спрашиваю:

— Жена, дети?

Конечно, мистер Форд не может ответить мне, но Люк радостно снабжает меня информацией.

— Никого. Все концы обрублены, и поэтому Джеймс предложил его как оливковую ветвь. Ты хочешь, чтобы мы остались здесь, пока играешь, или нам следует оставить тебя в одиночестве?

Глаза Кеннеди впиваются в меня, и я уверен: если я вытащу кляп, у него будет много чего сказать, так что я просто делаю это. Вытаскиваю из ножен моего ремня с инструментами маленькое лезвие и разрезаю на толстой ленте, что закрывает его рот, линию точно в том месте, где его губы.

— Ты многое получишь, — незамедлительно выкладывает он. Его сухой рот спотыкается в словах. — Ты можешь забрать всё, каждый последний цент, если ты убьёшь эту е*анную-крысу-предателя прямо здесь и освободишь меня.

Я выпрямляюсь и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Джеймса, который смотрит на меня, ожидая увидеть, как я отвечу.

Медленно, я поворачиваюсь обратно лицом к Кеннеди Форду, мужчине, чей рот всё ещё заклеен лентой. Этот классный вид, идеален для...

— Высунь свой язык, — гаркаю я, зарабатывая вздрагивание и раскачивание его табурета.

— Ч-что?

Я усмехаюсь ему, опираюсь рукой на стену контейнера, моя другая всё ещё держит нож.

— Я сказал, — медленно изрекаю я, так чтобы не было никакой ошибки в понимании моих слов. — Высунь. Наружу. Свой. Бл*дь. Язык.

Он уставился на меня, его заклеенный лентой рот раззевается несколько раз, прежде с хлопком закрывается.

Я медленно из стороны в сторону качаю головой.

— Какая жалость, я пытался попросить вежливо, я улыбаюсь, прежде чем в один прыжок оказываюсь на краю контейнера и со всплеском приземляюсь в холодную воду, которая доходит от моих колен до середины бедра. Мои свободные ручки хватают Кеннеди за связанные руку и ногу, и я тяну его и табурет с доски в воду. Я позволяю ему уйти на дно боком, прежде чем использую свой рукав, чтобы вытереть воду, что забрызгала моё лицо. Я склоняю голову набок в сторону Люка и Джеймса, а затем сгибаюсь в талии и окунаю руку в воду, чтобы схватить и вытащить Кеннеди за волосы. Когда в конечном итоге, я вытаскиваю скользкую голову убудка из воды. Он задыхается как золотая рыбка на холодном полу.

— Итак, давай попробуем ещё раз. Высовывай свой мерзкий, гнусный, сраный язык.

А упрямый мудак крепко закрывает свой рот, он тяжело дышит через нос, как бык перед матадором. Ага, ну, в общем, у меня, может, и нет красной тряпки, но я раскрашу всю эту ё*анную комнату красным к тому времени, когда я закончу с ним.

Я бью его, используя край контейнера, чтобы удерживать на плаву его голову, а основание табурета болезненно зарывается в мои голени и дарит мне как раз достаточно возбуждения, чтобы сделать эту следующую часть даже ещё более приятной. Проворными пальцами я срываю ленту с его рта, липкая задняя часть прилипла к его губам, заставляя выглядеть их так, как будто какой-то грязный придурок спустил на его лицо. Он

задыхается от удивления, а я захватываю рукой его челюсть и сильно сжимаю вокруг, мои пальцы погружаются в полости его щёк, его рот не в состоянии оставаться закрытым, от боли он невольно открывает рот шире. Пальцы другой руки я погружаю в его рот и вытаскиваю сочный толстый розовый язык. Всё это занимает всего секунды, и его сладкие булькающие крики далеко и громко разносятся эхом, когда я отрезаю его язык одним движением запястья. Лезвие перерезает мясо как масло, и восхитительная дрожь скатывается вниз по моему позвоночнику.

Глаза Кеннеди закатываются, когда он хрипит и задыхается от своей крови, но я не могу допустить, чтобы он случайно умер, когда мы только начали. Я заставляю его наклонить голову набок, табурет перемещается под водой и сильнее втыкается в мои ноги, но этот дополнительный дискомфорт ничто. Не тогда, когда у меня есть этот мужчина с бегущей кровью из его открытого рта, которая окрашивающей холодную воду вокруг нас в симпатичный розовый цвет.

— Вот, — произношу я, когда бросаю отрезанный язык через моё плечо, чтобы он приземлился у ног Джеймса. — Плата за мой дар.

— Грим любит хранить трофеи, — объясняет Люк, когда Джеймс продолжает молчать. — Вообще-то, как только он здесь закончит, я уверен, что он с радостью покажет тебе часть вашей матери, которую носит у себя на шее.

Я наклоняю голову достаточно, чтобы встретиться взглядом с Джеймсом, желая увидеть его реакцию на слова Люка. То, что я вижу в его глазах, — одобрение. Он понимает, что мы разделили намного больше, чем кровь. Мы оба потеряли больше, чем просто нашу фамилию — Реншоу.

— Мы оставим тебя, чтобы ты продолжил, — наконец, говорит он, один раз кивая мне и обходя вокруг Люка, чтобы уйти. Когда он добирается до двери с Люком, следующим за ним слишком близко, он поворачивается и добавляет: — Я надеюсь, что это поспособствует тому, чтобы всё исправить между нами, Генри.

Я отпускаю хныкающего Кеннеди и оттаскиваю голень подальше от днища табурета, позволяя мужчине быстро погрузиться на дно контейнера.

— Достаточно честно, Грим, — кивает он соглашаясь. — Когда ты закончишь здесь, мы будем в офисе через холл. Не торопись. У меня много чего есть, чтобы показать Люку.

Затем они уходят, и я клянусь, что вижу глаза Люка, уставившиеся на самую нижнюю часть удаляющейся фигуры Джеймса. *Он пялится на его задницу?*

«Да ни за что, бл*дь. Я, должно быть, под кайфом от адреналина».

И кстати говоря...

Я наклоняюсь и вытаскиваю Кеннеди из воды. Его лицо теперь восково-белое, красные капли стекают вниз по его подбородку. Судя по его усилиям, должно быть, трудно вдохнуть воздуха без целого языка, так что я помогаю ему немного, поднимая его и табурет достаточно высоко, чтобы перебросить его через борт контейнера на твердый бетонный пол.

— Здесь становится немного прохладно, — заявляю я, прежде чем перелезаю через борт. — Ты не возражаешь, если мы продолжим это там, где не так влажно?

Он не отвечает — грубый ублюдок, или если он всё же пытается ответить, то это приглушено его стонами.

— Окей, — непринуждённо начинаю я, пока кружусь вокруг его лежащего ничком тела. — Сейчас я собираюсь развязать тебя, но я сообщаю тебе это, потому что думаю, что ты что-нибудь попробуешь сделать. Вообще-то, зная, что ты бесхребетный мудака, меня это вообще не парит, но я подумал, что ты хотел бы знать, что к тому времени, когда мы здесь закончили сегодня, ты *в буквальном смысле* будешь бесхребетным ё*аным мудаком.

Я смеюсь, когда он улавливает смысл и начинает рыдать.

Да, хорошо быть мной.

Часом позже я отбрасываю в сторону ещё один дар для Джеймса. Сидя сверху выровненного табурета со свежесмытым спинным хребтом Форда Кеннеди, и с вишенкой на вершине всего этого с его крошечными сморщенными членом и яйцами.

Не стоит, бл*дь, благодарности.

Глава девятнадцатая

Калия

Грим и Люк вернулись обратно, как только начало садиться солнце.

Весь день я чередовала тоску в одиночестве дома с бесцельным брожением по небольшим полям и загонам. Я даже приготовила еду для себя и охранника, патрулирующего снаружи. Он выглядел ошеломленным, принимая дымящуюся тарелку пасты, но, возможно, это из-за того, что я почти никогда ничего не готовила сама прежде, и, вполне вероятно, это было несъедобно. Я даже не знаю, потому что сама не в состоянии что-то съесть. Мои внутренности были в постоянном состоянии смуты после времени, проведенного с Гримом сегодня утром. И после того как он ушел спустя секунду после моего признания, не сказав ничего в ответ, я хотела, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. Если бы только дыра, в которую я упала, была бы больше.

Едва исчезает тепло солнца, как я слышу звук приближающегося транспортного средства. Мне надо предусмотрительно оказаться внутри, прежде чем он предположит, что я ждала его, как оно и было на самом деле, или всё же остаться сидеть прямо на грязной деревянной ступеньке перед домом.

Скорость, с которой они едут, заставляет меня принять решение, и мой живот резко ухает вниз, когда я слышу, что они все вышли из автомобиля и направились напрямик в главный дом.

Я проклинаю себя за глупость. Почему Грим должен был прийти прямо ко мне? Какие у меня есть на него права? Я рассказала ему свою правду и назвала красивым. Это не означает, что он обязан мне.

Я аккуратно встаю и поворачиваюсь к главному дому, выпуская свои чувства в воздух между нами в надежде, что он узнает, как глупо я ждала его и что я волновалась из-за его повторного визита к Королю.

«Он придёт к тебе», — раздаётся шёпот Дамарис в моей голове.

— Я совсем не уверена, — шепчу я в ответ. — В конце концов, теперь я бесполезна для него.

Приняв решение, я разворачиваюсь и иду обратно в дом, не выветрившейся полностью запах томата и базилика вызывает урчание в моём пустом животе.

Никогда раньше не готовя пасту или вообще чего-нибудь, честно говоря, я не рассчитала порцию, и даже после того как отдала большую тарелку охраннику, у меня ещё осталось достаточно, чтобы накормить небольшую армию.

Подхватывая кухонную утварь и тарелку, я разогреваю немного еды на старой плите и накладываю себе порцию с тёплым чесноком и булочкой с розмарином. Восхитительные запахи кухни наполняют дом, ещё больше усиливая мой голод. Я отправляю накрученную на ложку бесконечную длину спагетти в рот, направляясь к столу, и, конечно же, в этот момент дверь открывается. Я замираю с ложкой во рту, пока Грим просто стоит там и смотрит на меня.

— Пахнет вкусно, — говорит он после паузы, нюхая воздух, но не переступая порог.

Я ставлю свою тарелку с едой на стол и украдкой вытираю соус со рта, прежде чем отвечаю:

— Я могу положить тебе немного, если хочешь. На вкус, как ни странно, довольно хорошо.

— С удовольствием, — спокойно отвечает он, всё ещё стоя в дверном проеме, прохладный ветер проскальзывает мимо него и приносит мне его свежий чистый аромат. Он принимал душ. Я могу почувствовать запах мыла, которым он мылся.

— Пожалуйста, садись. Потребуется всего несколько минут, чтобы разогреть.

Я разворачиваюсь и иду обратно к плите, ставя большую сковородку на конфорку, и быстро разжигаю её. Я слышу, как он мягко закрывает дверь позади себя, но не проходит к столу и не садится. Вместо этого, он входит в маленькую область кухни и облокачивается о столешницу всего в нескольких футах от меня. Похоже, он сосредоточенно наблюдает за тем, как я вожусь, его глаза следуют за каждым моим шагом и тем, что я делаю. Это должно нервировать: чувствовать его пристальный взгляд, но меня это воодушевляет. Тот факт, что он так поглощён наблюдением за мной, дарит мне пьянящее ощущение, и я ловлю себя на мысли, что хочу постоянно быть в поле его зрения.

— Хочешь что-нибудь выпить? Кто-то послал бутылку вина, но я никогда не пробовала его прежде, так что придерживаюсь воды, но я могу налить немного тебе, если хочешь?

— Вода — звучит хорошо. Я тоже не пью, — отвечает он.

Я слышу, как бежит вода и наполняется стакан, прежде чем могу добраться до раковины.

— Я могу справиться с напитками. Мне нужно сделать что-то ещё?

Его тело ещё ближе ко мне, чем прежде.

— Нет, всё почти готово. Если только ты можешь захватить для себя столовые приборы, а я принесу еду для тебя.

Он копошится по ящикам, прежде чем находит правильный, и затем уходит. Несколькими секундами позже я слышу, как они с глухим стуком падают на стол, затем раздаётся скрежет стула, отодвигаемого назад.

Как только я удовлетворена температурой еды, я поворачиваюсь и несу ему. Его стул двигается ещё раз, и я могу ощутить его быстрые движения, когда он выдвигает стул для меня для того, чтобы я села.

Он странно ведет себя со мной. Это то, что делает мужчина в присутствии женщины или это проявление излишней заботы, потому что он считает, что я инвалид?

— Я сама могу выдвинуть стул, — говорю я немного напряженно, перед тем как поставить еду на стол перед ним.

— Я не имел в виду, что ты не можешь... или что... ладно, так и было, — он спотыкается в словах. Ещё одна вещь не характерная для Грима.

— Е*ать, Кал, — стонет он, и я слышу скрежет его щетины, когда он пробегает руками по своей голове и лицу. — Я клянусь, что не пытался заставить тебя

почувствовать себя странно. Я никогда не делал это с женщиной прежде, и я совсем не разбираюсь, бл*дь, в этом.

У меня в животе все переворачивается, и я быстро присаживаюсь, прежде чем мои ноги подогнуться подо мной. Его слова побуждают разнообразнейшие чуждые ощущения внутри меня, так что я беру вилку и ложку, чтобы занять свои руки чем-то, что требует повышенного внимания моего мозга. Я хочу избавиться от этой странности между нами, так что решаю быть помягче с ним.

— Ты никогда прежде не ел еду с женщиной? — поддразниваю его с улыбкой в голосе. Ладно, я говорила, что буду помягче с ним, но я не собираюсь позволить ему выйти сухим из воды.

Он фыркает глуповатым смехом и отвечает:

— Ты настроена заставить меня произнести это, не так ли?

Я проглатываю свою улыбку и накручиваю некоторое количество пасты, которое можно подцепить вилкой.

— Я не был... эм, в такого рода ситуации с женщиной. В смысле, я был с женщиной, — запинаясь он. — Конечно же, я был с женщиной, но это не со всем то, что я должен говорить в этой ситуации, так что я чертовски пытаюсь не облажаться.

Он снова стонет, и я слышу, что он немного сползает на своём стуле, его ноги упираются в ножки стола.

Глубоко вздохнув, он продолжает:

— Я имею в виду, что выдвинул для тебя стул из-за того, что женщины любят подобную фигню, и предполагается, что мужчины делают это. Галантность и всё такое. Я не делал этого, чтобы заставить тебя почувствовать себя неуклюжей, или потому что думаю о тебе хуже. Вообще-то, Кал, ты не можешь ничего такого сказать, сделать или сообщить мне, что *когда-нибудь* изменит моё мнение о тебе, — он опять выпрямляется и подхватывает столовый прибор. Его голос низкий, когда он заканчивает: — Ты взорвала мой мозг, Кал. И это пугает меня до усрачки.

Я не знаю, что ответить на это. У меня вообще минимальное количество опыта того, что происходит по доброй воле между двумя людьми вроде нас.

— Это превосходно, Кал, — произносит он с полным ртом спагетти. Я улыбаюсь и начинаю есть, вероятно, глупо выглядя с широкой усмешкой вокруг набитого едой рта. Всё это настолько нормально, что это неправильно, но таким замечательным образом, что я просто хочу запомнить этот момент и неоднократно потом проигрывать его перед мысленным взором.

Мы заканчиваем нашу трапезу в тишине, его ноги случайно несколько раз прикасаются к моим под столом. Он подчищает свою тарелку раньше меня, и я слышу, как столовый прибор звенит по пустой тарелке, прежде чем он отодвигает стул и говорит:

— Я помою их, это меньшее, что я могу сделать после лучшей пищи, которую я когда-либо ел, — он отходит от стола, потом возвращается за моей тарелкой и добавляет: — Только не говори Анне то, что я так сказал, когда мы вернемся в «Хантер Лодж», иначе я буду отрезан от её снабжения меня печеньем, а за её печенье, бл*дь, можно умереть.

Он хладнокровный убийца с пристрастием к сладкому, становящийся косноязычным, когда обедает со мной. Существует так много противоречий в этом мужчине, что я не думаю, что когда-нибудь смогу понять его, и часть меня даже не хочет пытаться.

— Я сохраню твой секрет, — спокойно отвечаю я.

Он медленно наклоняется вперед, его большой палец ловит уголок улыбки на моём рте. Его прикосновение в равной степени заряжает электричеством и успокаивает. Еще одно противоречие.

— У тебя... эм, просто было немного соуса здесь, — застенчиво произносит он перед тем, как прекращает ко мне прикасаться, и уходит с грязными тарелками.

Я надеюсь, что звук открытого крана, скрывает моё глубокое и рваное дыхание. Место, где его большой палец прикоснулся к моей коже, покалывает от отголоска прикосновения, и мой живот по-прежнему переворачивается, как это часто случается в его присутствии.

— Я пойду и приведу себя в порядок, — говорю я в его направлении, вставая на дрожащих ногах и используя всё свое умение, чтобы замаскировать мои странные крутящиеся и беспорядочные эмоции. — Я вернусь.

В маленькой пахнущей плесенью ванне я брызгаю водой в лицо и держусь за раковину. Я тянусь к стене над ней и провожу пальцами по маленькому зеркалу. Если бы я могла видеть, кем бы я была, понравилось бы мне моё отражение?

Я, может быть, и слепая, но мой разум нет, и я могу ощущать, как все меняется между Гримом и мной. Эту образовавшуюся связь из колючей проволоки, что навсегда соединила нас, что становится всё сильнее, я чувствую, как она крепнет, становясь менее острой при прикосновении и ещё более явной. Мы связаны — он и я, и не просто обстоятельством, а чем-то более материальным.

Глубоко вздохнув, я выпрямляюсь и поворачиваюсь спиной к женщине, которую никогда не увижу. И только из-за того, что я не могу её видеть, не делает её менее реальной или менее сильной. Это как вера. Вы не можете увидеть её, но она есть, даже когда вы ощущаете себя покинутыми. Я не могу видеть её, но она всегда здесь, даже когда я чувствовала себя сломанной и не подлежащей восстановлению.

Я более собрана к тому времени, когда покидаю ванную. Я не подготовлена к чему-либо, что может или не может произойти, но также я не боюсь этого.

Когда я захожу на кухню, там пусто, так что я прохожу дальше в крошечную гостиную, но там его тоже нет. Я отпускаю мои чувства через дом и ощущаю его, мои ноги несут меня к нему, прежде чем я понимаю, что делаю. Дверь спальни приоткрыта, в комнате тихо, но я знаю, что он находится там. Когда я ближе подхожу к двери, медленно приоткрываю её, я жду, тщательно прислушиваясь к любым звукам. В комнате всё ещё тихо, кроме звука его дыхания. Я приближаюсь к кровати и аккуратно опускаюсь на матрас, пока не ложусь на свою сторону лицом к нему. Его дыхание не меняется, он спит, и это один из тех моментов, когда я хочу иметь возможность видеть его. Я оплакиваю упущенный шанс изучить его, испить его, пока он дремлет, и запомнить каждую его черту. Робкими пальцами я тянусь всего лишь для ещё одного воспоминания о его лице. Я не ближе, чем в дюйме от его кожи, когда его рука грубо хватается моё запястье со зверской силой. Я не могу сдержать хныкающий вздох, соскользнувший из моих губ, и в ту же секунду я осознаю, что он открыл свои глаза. Он не дает мне даже мгновения, чтобы вырваться на свободу, прежде чем притягивает к себе, его нога поднимается, чтобы прижать меня к кровати, рука расслабляется на тонких косточках моего запястья. Его горячее дыхание поражает моё лицо, а его слова выходят как хриплое рычание.

— Я хочу, чтобы ты прикасалась ко мне, Кал, но *никогда* не делай это тогда, когда я этого не вижу. Ты меня поняла?

Моё сердце грохочет в груди, лёгкие усиленно работают, чтобы получить кислород, грудь вздымается, касаясь его предплечья.

— Да, — бездыханно отвечаю я. *«Да — прикасаться, да — я понимаю».*

Его хватка ещё больше ослабевает, и он наклоняется ко мне, его лоб прикасается к моему, и страдальческий тон сопровождает его следующие слова.

— Я не хочу причинять тебе боль, Кал. Я покончу с собой, прежде чем причиню тебе боль.

Я приподнимаю голову, так что теперь мы касаемся носами, наши губы всего лишь в волоске друг от друга. С моим следующим вздохом, я признаюсь:

— Я достаточно сильна для твоей боли, Грим. Если ты нуждаешься в этом, то дай мне это. Дай мне всё это.

Глава двадцатая

Грим

Она так близко, что я могу попробовать её.

Её тело подо мной — божественный экстаз, что я не достоин получить.

Когда она ускользнула в ванную, я вошел в её спальню с намерением всего лишь взглянуть на кровать, в которую я уложил её вчера ночью.

Пока она спала, я наблюдал. Пока она ускользнула в грёзы, я стоял на страже, оберегая её от монстров.

Я сел на кровать и откинулся назад, потому что она манила меня. Я не собирался засыпать, но думаю, что дни без какого-либо отдыха доканали меня, особенно когда от простыней так сильно исходит её аромат. *Солнечный свет и свежескошенная трава.*

Теперь, она подо мной, и мой Дьявол царапается, желая вырваться на свободу. Он был разбужен ото сна её незваным прикосновением, его кровь сгущается в моих венах, его потребность бушует под моей кожей.

Я так мучительно твёрд, но мои потребности, необходимые для того, чтобы насытиться, не для неё. Она не заслуживает моих извращений. У Кал уже и так было их предостаточно. Её тело использовалось, давая другим ничтожным мужчинам чувствовать себя сильными, и я не позволю, чтобы это случилось вновь, даже если единственный человек, от которого её необходимо сейчас защищать, это я.

— Я достаточно сильна для твоей боли, Грим. Если ты нуждаешься в этом, то дай мне это. Дай мне всё это.

Её сладкое принятие того, кем я являюсь и в чём я нуждаюсь, — почти моя погибель. Я хочу отметить её, кусать её, поглотить её всю, пока я не потолстею и не раздуюсь от её плоти. Я хочу, чтобы она вернула все эти действия: отметила меня, покусала меня, подарила мне удовлетворяющий дар боли и освобождения, но нет. Я не причиню ей боли, даже если её боль будет походить на нектар на моём языке, но я дам ей кое-что в чём она нуждается, не стремясь получить что-то взамен, даже если мне придётся запереть моего Дьявола, чтобы сделать это.

— Дай мне свой рот, Кал, — командую я, нуждаясь взять одну вещь у неё, прежде чем дам ей то, в чём она нуждается. Зовите меня эгоистичным, но я знаю, кто я, и также я знаю, что близок к краю, потому что её рта, принадлежащего мне, должно быть достаточно, чтобы удовлетворять зверя.

Она немедленно подчиняется, возможно, из-за её натренированности или из-за того, что она отчаянно хочет свои губы на моих, мне уже всё равно, потому что, когда её рот находит мой, я теряю всё рациональное мышление.

Её губы впиваются в мои, невнятный гул вырывается из ее горла во время контакта. Это похоже на звук, который Вы издаёте, когда в первый раз попробовали что-то, чего так жаждали. И е*ать, если это не сводит меня сума.

Удерживаю ногой её на месте, её рука зажата между нами. Я отпускаю её запястье, чтобы пробежаться своей рукой по всей длине её руки, по изгибу её плеча, пока не сталкиваюсь с её гладкой шеей. Было бы так легко сжать её прямо сейчас, чтобы перекрыть ей воздух и полностью обхватить рукой её горло. И часть меня хочет этого так сильно. Я сопротивляюсь настойчивому зуду и продолжаю кружить вокруг её затылка, где пропускаю пальцы через волосы и сжимаю их на затылке. Она вздыхает в мой рот, её губы только чуть-чуть приоткрыты, чтобы мой язык смог облизать их.

На вкус она как летний солнечный свет, аромат такой опьяняющий, и я хочу больше. Пальцами впиваюсь в кожу её головы, запрокидываю её голову назад, и она еще сильнее приоткрывает губы, её язык нервно прикасается к моему, прежде чем отступает назад, и она дрожит. Затем, к моему удивлению она опускает его дальше, чтобы попробовать на вкус больше, её движения смелы и решительны, её губы и язык ищут мой с неожиданным усердием. Она управляет этим поцелуем, она владеет этим поцелуем, и это в равной мере и мощно, и ужасающе.

Я перекатываю нас, её тело изгибается, прижимаясь к моему, отказываясь прервать связь. Не сменяя её, я прижимаю к кровати, и она, бл*дь, вздыхает, как будто мой вес не просто приветствуется, но и просто необходим. Она освобождает обе руки и сцепляет их на моей шее, её пальцы скользят по чувствительной коже, посылая электрические заряды вниз по моему позвоночнику. Моё тело в огне от её прикосновения, моя потребность возрастает до точки невозврата. Её язык переплетается с моим, её руки на моей коже, наши тела достаточно сплелись, чтобы заставить меня потерять мой проклятый разум, а затем она немного приподнимает таз — инстинктивная реакция её тела на потребность, которую она чувствует пузырящейся внутри, и я срываюсь. Мои поцелуи превращаются от наркотических облизываний к нежным щипкам, а затем и к укусам. Моя рука в её волосах переходит от удерживающей к тянущей, а бедра яростно прижимаются к ее телу. Я впиваюсь в её сочную нижнюю губу и пробую сладкий резкий вкус её крови, а затем замираю. Каждый мускул моего тела застывает.

Кожа покрывается ледяным холодом, кровь в венах гудит от разрушительной энергии, мой член требует причинить или получить боль.

Это неправильно, так, бл*дь, неправильно.

Отрывая губы от её рта, я опускаю её голову на кровать и отстраняюсь. Прежде чем у неё появляется время, чтобы отреагировать, я вскакиваю на ноги — потребностью резать, рвать или сбежать на хрен отсюда бьется в моём мозгу.

Всего лишь несколько часов назад я расчленил человека самыми ужасающими способами, и, е*ать, я наслаждался этим и не только. Я нуждался в этом, и всё те же желания нашигивывают мои клетки прямо здесь, прямо сейчас.

Я хочу крови, я хочу плоти. Я хочу кусать её сиськи, вырезать моё имя на её плоти и раскрасить её моей спермой. А затем я хочу очистить каждую её часть языком и сделать это снова.

Я хочу её зубы на моем члене, мои пальцы, грубо погружающиеся в её пи*ду, прежде чем шлёпнуть её по клитору так сильно, что она потеряет сознание.

— Грим, ч-ч-то случилось? Что я такого сделала?

Замешательство в её голосе разрушает мой потрепанный контроль, и мой Дьявол обнажает зубы, шипя внутри моей головы, требуя, чтобы я взял её.

— Ничего, ты, бл*дь, *ничего* не сделала, — рычу я сквозь сжатые зубы неспособный даже посмотреть на неё, не говоря уже о том, чтобы успокоить. Я поворачиваюсь спиной

и вышагиваю по комнате, пальцы сжимаются и разжимаются, мои руки испытывают зуд обернуться вокруг её длинной шелковистой и гладкой шеи. Я слышу, как она садится на кровати, шелест покрывала от её движений, в воздухе парит смешанный аромат нашего возбуждения.

— Е*ать, бл*дь, *бл***дььь*, — реву я, отводя голову назад, прежде чем ударить ею о дверь. Один, два, три раза, пока древесина не раскалывается и Кал не начинает паниковать.

— Остановись! Пожалуйста, остановись! — прорывается голос через красный туман, окружающий всё вокруг меня.

Кровь сочится из пореза на моём лбу и заливает сомкнутые ресницы. Моё дыхание тяжелое и напряженное, пока я борюсь со всем, из-за чего я не должен оборачиваться и срывать одежду с тела Кал.

Я был грёбаным глупцом, думая, что могу бы дать ей что-либо, даже что-то такое простое как поцелуй.

— Не *смей*, бл*дь, подходить ко мне Кал, — предупреждаю я, когда ощущаю её движение от кровати. — Я хочу, бл*дь, *уничтожить* тебя.

Она затихает, а я закрываю глаза, умоляя мой испорченный мозг обрести контроль. Воздух комнаты бьёт в мою спину как кулак, мой череп настолько напряжен вокруг моего мозга, что каждое дыхание требует слишком интенсивного движения от меня, чтобы справиться с этим.

— Грим, позволь мне...

— *Нет*, — реву я. — Забирайся в грёбаную кровать и оставайся там. Если ты надавишь на меня, Кал, я заставлю любого мужика, который когда-либо трахал тебя, выглядеть святым. Ты *будешь* истекать кровью. Ты *будешь* плакать, а я, Кал, я буду, бл*дь, *смеяться*, разрывая тебя на части.

Она не заговорила снова, но также не слышно, чтобы она пошевелилась, и как только я понимаю, что не собираюсь развернуться и сделать всё, чем я угрожал, я реву на дверь, открывая её с такой силой, что срываю с петель, так что она ненадёжно свисает под наклоном. Затем, не оглядываясь назад, поскольку не смею, я мчусь через маленький дом. Достигнув улицы, я перехожу на бег. Мои ноги мчат меня через высокую траву, так быстро как будто за мной гонятся гончие ада. Я достигаю края леса на границе поместья, но не останавливаюсь. Мои ноги преодолевают ярды земли, в то время как я продираюсь через деревья, низкие ветви раздирают моё лицо и руки. Я бегу до тех пор, пока больше нет сил бежать. Наконец я падаю у подножья огромного дуба. Дерево, скрюченное и старое, местами кора растрескалась, ветви тянутся в тёмное небо, как будто пытаются захватывать луну.

Это то, что я сделал там сегодня с Кал, пытался захватывать что-то, что находится вне моей досягаемости?

Я вытаскиваю «Мисси» из ножен, её прекрасный зазубренный край блестит в бликах лунного света. Только её кончиком я провожу вниз по бедру через ткань джинсов, разрывая хлопчатобумажную ткань, звук распространяется эхом в ночи. Затем обоими указательными пальцами я тяну за края пореза, пока он не становится зевающей дырой. «Мисси» оставила легкий разрез, который проходит вниз по моей плоти, но этого недостаточно, поскольку мой Дьявол требует большего. Быстрыми легкими движениями я провожу её кончиком по ноге: три, четыре пять и большее количество раз, перекрещивая каждый надрез пока кровь не запузырилась на поверхности, создавая шедевр.

Каждый порез вызывает как раз достаточное количество боли, чтобы выпустить зло, струящееся по моим венам. Когда я заканчиваю, то доволен своей работой. Я подношу лезвие ко рту и длинным аккуратным облизыванием, очищаю его, пока моя «Мисси»

снова не начинает сверкать в лунном свете. «Мисси» любит мой язык на ней. Она получает его почти столько же раз, сколько и крови.

С «Мисси», убранной в её ножны, ощутив ее успокаивающий вес на ноге, я поднимаю голову и смотрю через ветви. Где-то в отдалении раздаётся тревожный крик совы, он призывает меня назад. Я должен держаться подальше от Кал, в любом случае, ничего хорошего не получится, если мы будем вместе. Надеюсь, теперь она понимает это. Она была так близко к проблеску личного Дьявола, которого я несу внутри себя, и ко всему тому, что она уже вынесла и преодолела, она не заслуживает подвергнуться подобному когда-либо снова.

Я буду держаться подальше от неё. Я не должен находиться рядом, чтобы обеспечить ее безопасность. По правде, я могу говорить себе, что останусь вдалеке, но после нашего сегодняшнего столкновения он, скорей всего, никогда снова не захочет находиться со мной в одной и той же комнате. Я не только оттолкнул её прочь, чтобы спасти её от себя, но также, чтобы спасти себя. Не может быть следующего раза, поскольку я сам едва выжил в этот раз. Я не смогу никогда поставить её в это же положение в будущем, поскольку знаю, что я недостаточно силен, чтобы отказать себе снова.

Глава двадцать первая

Каллия

Я проснулась в своей кровати, одеяла опять подоткнуты вокруг меня, и всё же мне известно, что я уснула на полу вчера ночью: спиной прижимаясь к стене и уставясь на открытую дверь невидящими глазами.

Он возвращался.

Осознание этого заставляет меня грустить, в отличие от вчерашнего утра, когда я чувствовала себя защищенной, уверенной в том, что он позаботится обо мне, сегодня я чувствую себя отвергнутой и использованной.

Я не знаю, что же произошло вчера вечером. Я знаю, что он хотел меня, я *чувствовала* это. Его руки были жадными и настойчивыми, его рот агрессивным и нуждающимся, его твёрдая длина вжималась между моих ног. И я также хотела его. Я хотела наконец-то быть той, кто делает выбор и решает, кому позволить быть внутри себя. Я хотела увидеть, приведут ли эти новые ощущения и чувства к крещендо, казалось, что именно к этому они и идут, и что произойдёт, когда они наконец-то доберутся до пика. Когда его зубы щипали меня и прикусили мою плоть, моя кровь пролилась на его язык, я горела желанием от осознания того, что теперь он несёт частицу меня внутри себя. Я дрожала от осознания того, что была у него под кожей, но это был тот самый момент, что толкнул его за край, и то, что я испытала, впоследствии заставило меня ещё больше жаждать его. Он думал, что испугал меня, но нет. Чувствовать его смятение и слушать, как он борется против всего, что требовало его тело, было мучительно.

Когда он ушел — я жаждала его всем своим естеством и молилась, чтобы независимо от того, против чего он боролся, он победил и вернулся ко мне, даже если я и не переживу это столкновение, это стоило того, чтобы провести одну ночь с мужчиной, для которого я бы стала добровольной жертвой.

— Привет, Каллия, ты одета? — зовёт меня женский голос из дверного проёма.

Фэй. Грим позвал её присмотреть за мной или она приехала сюда с Коулом?

— Сейчас выйду, — отзывается я, нуждаясь в ещё нескольких минутах, чтобы восстановить стены вокруг моего раненого, кровоточащего и разбитого сердца.

Когда парой минут позже я, наконец, покидаю комнату, натягивая безразмерное худи через голову, меня потрясают руки Фэй, оборачивающиеся вокруг меня в успокаивающем объятии. Обычно я неспособна принять этот жест, прикосновения другого человека слишком много для моих чувств, чтобы справиться, но сегодня я глуха и нечувствительна к этому, так что я позволяю её объятию продлиться намного дольше, чем обычно была способна вынести.

— Я надеюсь, ты не возражаешь, если я проведу здесь с тобой день. Коул приехал, чтобы помочь Люку и Гриму и, как я поняла, ты больше не нужна, чтобы получить доступ в «Королевство», и я не вижу ни одной причины, чтобы ты оставалась здесь одна.

Она выпускает меня из объятий и отстраняется, не обращая внимания на повисшую тяжесть от её слов.

«Больше не нужна».

— Плюс, — счастливо продолжает она. — Коул сказал мне, что Джеймс Купер пригласил нас двоих приехать на его виноградник. Это как «Хантер Лодж», но намного масштабнее. Я бы с удовольствием посмотрела, что они там делают.

Моя молчаливость привлекает её внимание к тому факту, что я не захвачена мыслью о поездке так же, как она, я ощущаю её пристальный взгляд, впивающийся в меня, сила её взгляда не такая, как у всех остальных — он проникает под мою кожу и исследует мои эмоции.

— Прекрати это делать, — предостерегаю я, выдавливая слова через зубы, мой голос даже для моих ушей слишком резок.

— Я ничего не делаю, — отвечает она, её слова осторожны и аккуратны.

— Ты... я ощущаю это внутри себя — рыскаешь, причиняешь боль и охотишься за моими мыслями и чувствами. Прекрати делать это или уходи, — предупреждаю я, не забываясь о последствиях.

Она не уходит. Она садится на маленький изношенный диван и вздыхает.

— Для слепой девочки ты видишь гораздо больше, чем большинство. Никто, даже Коул, не знает о моём даре.

— Твоём даре?

«Фэй как я?»

— Иди, сядь со мной, и я расскажу тебе. Это будет честно, раз уж я знаю о твоих талантах, но ты должна пообещать, что не откроешь эту тайну никому, так же, как это обещала тебе я.

— Грим знает обо мне, — выдаю я, — он знает, и именно поэтому я больше не нужна, так что я пойму, если ты решишь не открывать мне свои секреты — знание о них представляет собой ещё одну слабость, и мне бы не хотелось её нести.

— Каллия, — начинает она, прежде чем встать и ведёт меня к дивану. — У нас с тобой много чего есть, что можно разделить и, похоже, у нас весь день впереди, позволю мне рассказать тебе историю девочки, которая нежно любила свою мать и приобретала дар с её смертью.

Мы проговорили несколько часов. Фактически, это самый длинный разговор, который когда-либо у меня был.

Я выяснила всё относительно дара Фэй и, насколько могла, объяснила свой.

Мы обменялись историями нашего детства, не все из них были болезненными. Она рассказала мне о своей матери, а я поделилась с ней историями о Дамарис. Затем она

рассказала мне историю своего мужа, и хотя эта ужасающая сага, наполненная болью и смертью, она рассказывает о ней, как будто это — красивая волшебная сказка. О девочке, которая была подарена убийце в качестве невесты, и вместе они разрушили зловещую империю.

— Ты любишь его? — вопрос одновременно грубый и неожиданный. Любовь, которую она испытывает к Коулу, отчетливо слышна в каждом её слове, но, тем не менее, этот вопрос слетает с моих губ, поскольку я должна знать, что можно построить любовь в мире, подобном нашему.

— С каждым моим вздохом, — охотно признает она, улыбка делает её слова живыми для моего слуха, но моя любознательность имеет и негативные последствия, когда она спрашивает в ответ.

— У тебя есть чувства к Гриму?

Моя голова падает, моё смущенное лицо уставилось на сжатые руки.

— Да, я чувствую что-то к нему, но не знаю, что это. У меня нет этому названия, — спокойно признаюсь я.

Её рука мягко накрывает обе мои руки, её прикосновение не неприятное, и я упиваюсь этим простым контактом, который происходит у меня с другим человеком.

— Когда я впервые встретила с Гримом, — признаётся она, легко смеясь, — я была в ужасе.

Я поднимаю голову и поворачиваюсь к ней, мои действия дают ей знать, что я хочу услышать больше.

— Вообще-то, я по-прежнему в ужасе, — признаётся она. — Но также, видя сквозь его тьму, я понимаю его лучше. Он преданный, но также непредсказуемый. Он честный, но не поддающийся контролю. Но также он — брат Коула и Люка, хотя и не по разделенной крови, а пролитой.

— Он ужасает меня тоже, — соглашаюсь я, и она сжимает мою руку в утешении, прежде чем я заканчиваю своё предложение.

— Но не так, как меня, он ужасает тебя из-за вещей, для которых у тебя нет названия, не так ли?

Я киваю, поскольку боюсь озвучивать это признание: оно пугает меня гораздо сильнее, чем чувства, которые я испытываю к Гриму.

— Коул любит тебя? — отвечаю я вопросом на свой вопрос, нуждаясь услышать, что есть надежда, что подобные мужчины ответят взаимностью на неназванные чувства.

— Он умрёт за меня, он *умер* за меня, — с трепетом в её твёрдом голосе подтверждает она. — Это сильнее, чем любовь, и мощнее, чем сердечки и цветочки. Эти шесть букв бледнеют до ничтожности по сравнению с наивысшей жертвой, которую этот мужчина добровольно принесёт.

«Я покончу с собой, прежде чем причиню тебе боль».

Услышать, как он произнес это, — причинило мне боль, но правда в его словах сильнее, чем неназванное чувство.

— Я бы хотела поехать с тобой на виноградник, — решаюсь я, кладя обе руки на бёдра, чтобы остановить волнение.

— Правда? — взволнованно переспрашивает она, её тело слегка подпрыгивает от волнения, заставляя старый диван заскрипеть. — Я никогда не была в Италии. Я дам Коулу знать, что нам нужен реактивный самолёт, и мы сможем уехать сегодня вечером. Я жажду увидеть: сможем ли мы использовать какую-нибудь из их реабилитационных терапий в «Хантер Лодж».

— Сегодня вечером? — пишу я, неуверенная, что уже готова уехать отсюда. Моё хрупкое сердце всё ещё надеется, что Грим вернётся ко мне и скажет, что совершил ошибку.

— Да, а почему нет. Я уверена, что Коул предпочтёт, чтобы мы находились подальше отсюда в течение следующих нескольких дней. Это идеальное время, чтобы уехать.

— Но я...

— Никаких «но», Каллия. Ты прибыла сюда и сделала то, что должна была сделать. Пришло время двигаться дальше. Грим никогда бы не ушел с рынка живым, если бы тебя там не было. Я слышал рассказ о той ночи. Теперь позволь нам покинуть это место, зная, что у них есть все доступные средства, чтобы покончить с «Королевством». Ты получишь своё правосудие и всё ещё будешь частью их падения, но насколько лучше будет стать частью основы чего-то, что будет построено из пепла?

Я чувствую, как она изучает меня, пока я позволяю её словам доходить до моего сознания и осесть там.

— Хорошо, — в конечном итоге соглашаюсь я, моё больное сердце печально стучит из-за принятого решения уехать. — Здесь нет ничего для меня, давай поедem на виноградник. Я бы хотела посмотреть, может, я узнаю кого-нибудь там. Будет здорово увидеть, что другие — такие же, как я — выжили и строят новые жизни.

— Значит, так мы и поступим, — твёрдо заявляет она, перед тем как встаёт и направляется к двери.

— Фэй, — зову её я, останавливая прежде, чем она выходит из комнаты, — мне было бы приятнее, если б ты звала меня Кал.

— С удовольствием, — отвечает она с улыбкой в голосе. — Я скоро вернусь, Кал. Убедись, что ты упаковалась и готова уезжать через час или около того.

Затем она уходит, а я сижу и молча удивляюсь.

Я думаю о том, что только завела своего первого друга.

Глава двадцатая вторая

Грим

После бессонной ночи, что я просидел в лесу, глядя на луну, как *банный расстроенной вервольф, я потащил себя назад на нашу базу. И первый человек, с которым я столкнулся, был Люк.

«Просто за*бись».

— Рад видеть, что ты приобщился к природе, брат.

Он быстро осматривает мои порванные и окровавленные джинсы, прежде чем его глаза возвращаются к моему лицу и он добавляет:

— Что случилось, твой маленький трофей не дал тебе ничего, так что тебе пришлось искать маму-медведицу, чтобы засунуть в нее свой член? — он кивает на мою ногу. — Или сука исцарапала тебя реально хорошо, так, как ты любишь?

Мои руки сами собой сжимаются в кулаки, и я стискиваю зубы. Я не в настроении для его дерьма, и, судя по блеску в его глазах, он точно знает об этом.

— Пошёл на хрен, Люк. Что сделало тебя таким бодрым и поставило выше моего дерьма сегодня утром? Ты что, привязал моего давно утерянного брата к скамье и наполнил его задницу, пока он не попросил разрешения называть тебя своим папочкой?

О... какая реакция, весь юмор сошел с его лица, в глазах вспыхнула сталь, его челюсть так сильно напряглась, что, вероятно, он сломает несколько коренных зубов.

— Коул ждет в главном доме, — вежливо изрекает он, его тон холодный, но в глазах кипит едва сдерживаемый гнев, что подтверждает мой прямой удар.

Я усмехаюсь в ответ. Мое говняное настроение немного ослабевает, когда мы идем мимо маленького дома, и я вспоминаю, почему изначально сбежал.

— Я собираюсь быстро ополоснуться, — заявляю ему, прежде чем срываюсь на бег, пока он продолжает идти своей обычной размеренной походкой. — Скажи Коулу, что мы встретимся через десять минут, у меня есть несколько идей на этот уикенд, — бросаю я через плечо, не беспокоясь о том, чтобы дождаться его ответа.

Ванная прилегает к моей комнате в этом старом доме — той комнате, в которой я вообще-то сплю, и она не больше спичечного коробка. Старая душевая лейка прикреплена прямо к трубе на стене над потрескавшейся и запятанной чугунной ванной. Вода, которая льётся из неё, ледяная и едва моросит. Это не то место, в котором кто-либо захочет задерживаться на долгое время, и менее чем через десять минут я стою перед Коулом, Люком и Джеймсом.

Поскольку я — психопат с желанием умереть, я поигрываю бровями Люку и наклоняю голову в сторону Джеймса, который не обращает внимания на мои действия, поскольку стоит спиной ко мне, пока что-то говорит над планом огромного комплекса «Королевства».

Люк только единожды моргает и отводит взгляд прочь, как будто его не трогают мои ребяческие игры, и только подергивание его пальцев, предупреждает меня о его раздражении. О... сколько веселья у меня может быть от этого нового развлечения. Я внутренне улыбаюсь от знания, что у меня наконец-то кое-что есть, что влияет на невозмутимого младшего Хантера. Так и есть, пока я не слышу имя Кал.

— Что насчёт неё? — требовательно спрашиваю я, подходя к столу, над которым склонились Коул и Джеймс, изучая стопки планов и схем.

Джеймс выпрямляется и поворачивается, чтобы оказаться ко мне лицом, в то время как Коул просто наклоняет голову, чтобы посмотреть в моём направлении.

— Фей и Каллия совершат путешествие на виноградник. Они уезжают сегодня вечером. Я только что заверял Коула в безопасности его жены, пока она будет находиться там, и я собирался ввести в курс дела моего управляющего, планирующего показать ей всё в течение её пребывания.

— Кто, бл*дь, сказал, что Кал может ехать? — выплёвываю я, проявляя свою агрессию, презрительно скривив губы.

Коул выпрямляется в полный рост и поворачивается, чтобы оценить меня.

— Каллия вольна направиться туда, куда ей вздумается. Она не нуждается в разрешении, чтобы сделать это, — обстоятельно объясняет он, его брови поднимаются, дерзко прося продолжить меня спрашивать.

«Нахрен это дерьмо».

— Кал остаётся со мной и, бл*дь, точка, — объявляю я, в моём голосе слышится рычание, вылетающее вместе со словами: — У кого-то есть с этим проблемы?

«Порву как грелку».

Когда никто в комнате не открывает рта, чтобы возразить, я легко улыбаюсь и говорю:

— Хорошо. А теперь давайте сконцентрируемся на том, зачем мы все здесь находимся. Мы получили подтверждение, что оба — и Алексис, и Кириллос, — будут находиться в этом месте в будущий уикенд?

Джеймс пробегается по информации, что он почерпнул от нескольких людей, которые у него есть внутри комплекса.

Оба Короля будут там в этот уикенд, поскольку они ожидают партию женщин от группы террористов с Ближнего Востока.

— Большая часть наших запасов происходит сейчас от таких сделок, — продолжает объяснять Джеймс. — Они дешевле, чем другие поставщики, и небольшой тайник с оружием — это недорого в обмен на более чем восемьдесят юных девочек и женщин. Большинство по происхождению из стран Ближнего Востока, плюс несколько похищенных граждан Западных стран, чтобы подсластить сделку.

Затем он продолжает подробно рассказывать нам, где будет происходить обмен и в какое время новую собственность ожидают на территории комплекса.

— Наша первая команда войдёт внутрь с поставкой, — вставляет своё замечание Люк, когда Джеймс начинает пробегаться по нашим планам. — Грим, ты будешь сопровождать грузовики с девочками, а два наших человека будут водителями, с десятью другими в конвое позади вас. Как только окажетесь внутри, вы должны будете убрать столько охраны, сколько возможно при небольшом шуме, беспорядке и разрушении. Обо всей внешней охране позаботиться Коул, а я войду со второй волной, Джеймс предпримет меры для третьей волны, поскольку он будет уже на месте внутри здания.

— Джеймс, если это будет возможно, позаботиться об Алексисе и Кириллосе, но этот план становится трудно решаемым, поскольку изначальной и единственной целью является ликвидация обоих королей. Если Джеймс не сделает это к тому времени, когда мы войдём в здание, всеобщей обязанностью станет гарантия того, что эти люди не смогут сбежать. Я хочу их грёбанные головы. Вы меня понимаете? — выдает Коул свой приказ.

Каждый из нас кивает, желая того же, бл*дь, самого.

— Окей, я собираюсь провести время с женой, прежде чем она уедет на виноградник. У нас есть два дня, чтобы ввести в курс дела наших людей. Обмен произойдёт в полночь в пятницу.

Коул смотрит на каждого из нас по очереди, а затем уходит.

Как только он ушел, Джеймс смотрит на меня, прежде чем разворачивается к столу и поднимает планшет, его пальцы быстро порхают по устройству. Люк мгновение пялится ему в спину, а затем покидает комнату, сказав напоследок:

— Я поговорю с моими людьми и начну брифинг с командой Коула, которую он привёз с собой сегодня.

Впервые с тех пор, как я узнал о его существовании, он оставляет моего нового брата и меня наедине.

Я всё ещё не полностью доверяю ему, у него был длинный путь, прежде чем всё то произошло, но отчасти многое оттаяло между нами.

— Ты должен позволить ей уехать, — произносит он, не поворачиваясь ко мне лицом, когда дверь закрывается позади Люка.

— Тебе не следует совать нос в чужие дела, — парирую я, не желая слушать совет от Реншоу.

Он кладёт планшет на стол и поворачивается, чтобы оказаться лицом ко мне ещё раз, опирается бедрами о деревянный стол и скрещивает руки на груди.

Его глаза скользят по моему лицу, смотря немного искоса на углы, как будто он пытается оценить то, что видит в моих чертах.

Я усмехаюсь, поскольку знаю, что когда я так делаю, это всегда вызывает ответную реакцию. Зубчатый шрам, рассекающий моё лицо, добавляет угрозы к такому простому жесту, как улыбка.

Он опускает взгляд с моего лица к груди, и я рад видеть, что моя усмешка действует и на него. То, чего я не ожидаю от него, так это слов, которые он произносит.

— Она умоляла о спасении своей жизни? — он кивает на ухо, свисающее на шнурке с моей шеи и расположившееся между грудными мышцами.

— Нет, — признаюсь я, поскольку сука не умоляла и вообще не просила.

— Она просила прощение или извинялась за свои грехи?

— Нет.

— Она кричала?

— Да, — её крики были моим экстазом. Я сохранил их, чтобы проигрывать всякий раз, когда захочу. — Ты можешь услышать их, если хочешь, у меня есть видео.

Его взгляд оставляют ухо, покоящееся под моей рубашкой, и возвращается к моему лицу.

— Возможно, в следующий раз.

— Почему я должен позволить ей уехать? — спрашиваю я, повергая в шок обоих — и его, и себя — этим вопросом.

— Потому что, я думаю, там есть кое-кто, с кем ей следует встретиться.

— Кто?

— Кое-кто, кто может помочь ей, и, возможно, даже излечит её. Она заслуживает этого, Грим. Ты ведь знаешь, что так и есть.

— Она заслуживает большего, чем я могу ей дать, — бормочу я больше себе, чем ему.

— Ты заботаешься о ней, — заявляет он, и это не вопрос. — Это опасно для таких мужчин, как мы.

— Ты не такой, как я, — парирую я. — Твоя жизнь ни х*я не была такой же, как моя. Ты был излюбленным сыном, следующим по стопам мамочки и папочки.

Он отступает назад, и это первый раз, когда я вижу проблеск мужественности под маской его самообладания.

— Ты ничего не знаешь обо мне, Генри, — глумится он, возвращаясь к имени, данному мне при рождении. — Так же, как я не утверждаю, что знаю что-либо о тебе.

Он прав. Я — тот, кто здесь осуждает его, решая, что одной его фамилии достаточно для меня, чтобы быть его судьёй и палачом.

Размышляя, я наклоняю голову на бок, начиная заботливо поглаживать пальцами трофей, висающий на моей шее.

— Возможно, есть некоторые вещи, которые мы должны обсудить, когда всё это закончится, — уступаю я, глубокомысленно смотря на него.

Он кивает, его поза расслабляется:

— Мне бы этого хотелось.

Кивком подбородка я принимаю его согласие и разворачиваюсь, чтобы открыть дверь.

— Кал будет в самолете сегодня вечером. Я доверяю тому, что ты сказал о том, что безопасность Фей распространяется и на неё.

— Это так, — отвечает он мне в спину.

— Хорошо. На этом я тебя оставлю. У меня есть кое-кто, кого я должен увидеть.

Глава двадцать третья

Каллия

Не большое имущество, что я привезла с собой, уже упаковано. Фей ушла около часа назад, и я нервно сижу на краю кровати, ожидая её возвращения.

Когда передняя дверь дома открывается, я встаю, чтобы встретить её: сумка у меня в руке, но я немедленно замираю.

Это вошла не Фей.

— Кал, — приветствует он меня спокойным голосом, когда заходит в маленькую комнату, которая внезапно ощущается в десять раз меньше.

Когда я не отвечаю, он замирает. Я ощущаю его взгляд на моём лице, его дыхание спокойное, и я задаюсь вопросом: как он может сохранять спокойствие, когда я чувствую, что распадаюсь на части.

Часть меня хочет развернуться и закрыть дверь спальни перед его носом, но я не могу, и не только из-за того, что он сломал её, но и из-за того, что большая часть меня требует, чтобы я бежала в его объятия. Это по-прежнему битва, и я не позволю ему увидеть, как сильно то, что произошло между нами вечером, оставило меня в разрозненных чувствах, запутавшейся и чувствующей себя ещё более одинокой, чем я была долгое время.

— Я слышал, что ты уезжаешь на виноградник с Фей. Это хорошо, ага... это... эх, хорошо.

Он мягко закрывает переднюю дверь позади себя, и тишина окутывает нас ещё раз.

— Кал, эта немая херня, которую ты продолжаешь, вы*бывает мой мозг, можем мы... э-э... поговорить?

— Я слушаю, — отвечаю я, наклоня подбородок и выпрямляя позвоночник, моя решительность дрогнула от его тона, и я попыталась скрыть это.

— Не так, можем мы, по крайней мере, сесть? — его вопрос звучит практически как мольба, чему я не могу отказать, так что я иду, чтобы сесть за маленький низкий стол между гостиной и кухней. То самое место, где мы разделили пищу всего лишь вчера вечером.

Он проходит мимо меня и выдвигает мне стул, прежде чем сесть напротив, и на этот раз я позволяю ему этот жест и занимаю место без отпора его хорошим манерам.

— Джеймс сказал, что тебе понравится на винограднике, — начинает он.

Но я не готова вести с ним светскую беседу, так что вставляю замечание:

— Я согласилась поговорить, но не о Джеймсе.

Я отклоняюсь на спинку стула и жду, пока он заговорит о том, о чём первоначально планировал, готовя себя к боли от его слов.

Чего я точно не ожидаю от него — того, что он в следующий момент сорвется со своего места и подхватит меня вместе со стулом, на котором я сижу, пока мои колени не прижмутся к его телу, а мы с ним не окажемся лицом к лицу. Его предплечья упираются во внешнюю сторону моих бедер, в то время как обе его руки сжимаются под сиденьем. Его сила заставляет выглядеть это так, как будто поднять меня подобным образом не труднее, чем пустой чемодан.

— Не смей, бл*дь, отталкивать меня, Кал. Я знаю, что заслуживаю этого, но я не могу сидеть здесь и видеть, как ты делаешь это. Я не могу вернуться к вопросу, как ты будешь ощущаться прижатой ко мне или каким будет твой вкус под моим языком.

— Ты сделал это с нами. Ты, не я, — спокойно, но твёрдо отвечаю я, наши лица всего лишь в дюймах друг от друга, мои колени прикасаются к его твёрдому животу. Как только последнее слово покидает мои губы, его рот оказывается на моём. Это не нежное прикосновение губ, оно сминает, оно агрессивно, оно клеймит. Когда он отстраняется от моего рта, чтобы прикусывать дорожку вниз по моей шее, он произносит между оставлением меток:

— Ты, на хер, моя, Кал. Я нашёл тебя, я заклеил тебя, и несмотря на то, что я недостойн тебя, я достаточно эгоистичен, чтобы сказать: мне, бл*дь, плевать.

Затем его рот снова оказывается на моём, его язык прокладывает свой путь через мои губы, погружаясь в меня. Он пожирает меня как человек, которого морили голодом, и вместо того чтобы позволить ему, я борюсь против этого, жадно вступая своим языком в битву с его, желая вкушать его рот, пока не утону в его вкусе. Не разрывая наш плотоядный поцелуй, он поворачивается и ставит стул на столешницу стола, так что он может освободить свои руки, чтобы провести ими по моим ляжкам, затем по бёдрам, сжимая, сминая, клеймя каждый мой дюйм.

— Да, — выкрикиваю, когда он оставляет дорожку укусов на моей груди, мои соски резко выпирают, требуя внимания и прося его зубов, но он избегает их. Вместо этого он пирует, заполняя рот моей мягкой плотью. Его пальцы работают над верхней кнопкой моих джинсов, и как только она отскакивает, открываясь, его рука погружается за пояс, пальцы крепко цепляют мои трусики, его ладонь прижимается к небольшому комочку нервов, который пульсирует в такт биению моего сердца. Он трёт рукой там, создавая ощущение, заставляющее моё лоно сжиматься, пальчики ног подгибаются. Его пальцы прижимаются к влажной ткани, покрытой моими соками, подталкивая хлопок всё дальше и дальше внутрь меня, пока я не хочу закричать на него, чтобы он убрал барьер, так чтобы он смог погрузить свои пальцы глубоко. Моё лоно нуждается в нём, чтобы быть заполненным, чтобы облегчить давление, созданное в моей сердцевине.

Его губы находят мои соски и сосут — *жестко*, стон срывается с моих губ от ощущения его рта на мне, в то время как тыльной стороной ладони он трёт и трёт мой холмик, заставляя меня потерять всю последовательность мыслей. Когда его рот отпускает мою грудь, чтобы двинуться к другой, холодный воздух прилепляет влажную ткань моей футболке к коже, и мурашки разбегаются по моим голым рукам. Затем он берёт другой сосок в свой горячий рот и почти проглатывает мою полную грудь, прежде чем отпускает её и кусает набухший пик.

Это чересчур, удовольствие — острое жало изящной боли, настойчивое потирание, давление пальцев, но чего-то не хватает внутри меня. Я откидываю голову назад, задыхаясь, когда всё моё тело жестко сжимается, спина выгибается на стуле, подталкивая мои бедра сильнее в его руку, и я взрываюсь с криком. Волны и волны наэлектризованного удовольствия исходят за пределы моей сердцевины, украв моё дыхание, почти болезненное в своём бурном темпе.

Когда я внезапно возвращаюсь в своё тело, его движения начинают замедляться. Его пальцы и ладонь скорее ласкают, чем протирают или подталкивают, его зубы на моём чувствительном бюсте скорее щиплют, чем кусают, и на доли секунды, когда я открываю глаза, клянусь, что вижу его улыбку в ярком калейдоскопе цветов, вспыхивающих позади моего мёртвого пристального взгляда.

Он поднимает голову, прижимаясь лбом к моему лбу, и прерывисто говорит, почти касаясь моих губ:

— Вот, что мне нужно было дать тебе прошлым вечером.

— Эй, Кал, — голос Фей зовёт из дверного проёма передней двери. Грим стонет возле моих губ, прижимаясь одним последним поцелуем, прежде чем поднимает меня вместе со стулом и ставит нас обоих обратно на пол. Я вожусь с кнопкой моих джинсов и поправляю одежду, когда она заходит на кухню.

— О, прости, я ээээ... думала, что ты одна, — выдаёт она, хотя я могу расслышать ложь, срывающуюся с ее губ. Плюс, я знаю о её даре, и нет ни малейшего шанса, что она не знала, что Грим был здесь со мной, или о том, что только что произошло между нами. Даже я всё ещё могу ощущать это в густом воздухе, так что для её чувств это, должно быть, явно и очевидно.

— Как всегда, бл*дь, вовремя, госпожа Хантер, — выдаёт саркастическую реплику Грим, затем потрясает обеих — меня и Фей — целуя меня в лоб, прежде чем начинает тихо говорить только для меня.

— Я должен идти, но я присоединюсь к тебе на винограднике, как только всё закончится, Кал. Мы не закончили, и я не сбегаяю.

Затем с единственным заключительным прикосновением его губ к моей брови, он уходит.

Фей слегка закашлялась несколькими секундами позже, привлекая моё внимание к факту, что я забыла о том, что она всё ещё в комнате.

— Ты, скорей всего, захочешь переодеть рубашку, прежде чем мы уедем, — указывает она, совершенно неспособная сдержать смех. — Она, э-э... немного сыровата в некоторых областях.

В смущении я перекрещиваю руки на груди, прежде чем встаю и хватаю сумку с пола.

— Спасибо, ага... спасибо, — заикаюсь я, когда мчусь в ванную. Это действительно смешно, я провела большую часть моей жизни обнаженная и выставленная напоказ другим, и два влажных пятна на моих прикрытых грудях ничто в сравнении с этим, но всё же я могу ощутить румянец, горячо обжигающий мои шею и щёки.

— О... и, возможно, ты также захочешь надеть шарф — у меня есть один в моей сумке, если хочешь, — зовёт она, юмор в её голосе тяжеловесный и оскорбительный.

Я осторожно пробегаюсь кончиками пальцев по укусам на моей шее, чувствуя воспаленную, но сладкую боль свежего синяка. Он сказал, что собирается пометить меня, и он это сделал. Я не собираюсь скрывать это.

Быстро плеснув воды себе в лицо, я протираю его своей теперь уже уничтоженной рубашкой, натягиваю чистую майку через голову и возвращаюсь обратно к Фей, мои отметины видны и не скрыты.

— Я не стыжусь, — смело заявляю я, ожидая её реакции.

— Я никогда и не ожидала, что ты будешь, — отвечает она, соглашаясь.

— Я прикрою их, когда мы приедем на виноградник. Я понимаю, что они могут быть спусковыми механизмами для других из моего мира, и что они могут видеть эти отметины не так, как это делаю я.

Она кладёт лёгкий шифоновый шарф в мою руку, пока берёт мою ладонь в свою, и мы направляемся к двери.

— И как ты рассматриваешь их? — с лёгкостью выясняет она.

Когда мы выходим на скрипучее деревянное крыльцо на звук подъезжающего автомобиля, я знаю, что Грим там, среди мужчин, забирающих нас к реактивному самолету, и честно отвечаю ей.

— Как обещание.

Глава двадцатая четвёртая

Грим

Два дня, как она уехала.

Два дня — это слишком долго.

После того как я заставил её кончить на мою руку, слушая, как у неё перехватило дыхание от удовольствия, я жаждал большего.

Я оставил её, сидящей за столом с отметинами от укусов на её шее, её светлая рубашка восхитительно влажно прилипла к твердым соскам, щёки покраснели от возбуждения, а её аромат словно прилип к моей коже. Затем я ушел, и с тех пор мне тяжело.

И вот теперь я протискиваюсь в заднюю часть двенадцатиколёсного грузовика, заполненного собачьими клетками, полными связанными с заткнутыми ртами девочками. Зловоние мочи и страха обжигает ноздри и вызывает к моему внутреннему Дьяволу.

Обмен с террористической сетью ячейки группировки прошел без помех, тот ублюдок стремился получить в свои руки оружие и не обратил внимания то, что происходило прямо перед их носами. Мы оставили голландский порт Роттердама с контейнером, наполненным собственностью, чтобы направиться к Эйндховену. После почти двухчасовой поездки грузовик, наконец, замедлился, и, в соответствии с планом, въехал на пустой участок, расположенный в десяти минутах от «Королевства».

Задние двери со скрежетом открываются, и луч прожектора бьёт меня в лицо.

— Тут, кажется, комфортно, брат, — вслух размышляет Люк.

— Пошёл на хер, брат, — глумлюсь я в свою очередь. — Я хотел бы посмотреть на тебя втиснутого между всей этой грязью в течение двух часов.

Несколько девочек вокруг меня начинают хныкать, когда они предполагают, что мы прибыли в их новый дом. Я не буду их успокаивать, даже если б я мог, поскольку в моём наборе навыков нет починки сломанных кукол. На самом деле, нам нужно, чтобы они верили, что по-прежнему находятся в опасности для того, чтобы разыграть всё то, что мы спланировали.

Люк игнорирует моё нытьё и сообщает мне:

— Мы получили сигнал от Джеймса. Обе цели на месте.

— Бл*дь, давай-ка за дело, — восклицаю я, демонстрируя свое рвение ударом кулаков по клеткам вокруг меня и взамен получая сладкие звуки хныканий и рыданий.

— Успокойся на хрен, — приказывает Люк, выключая прожектор и погружая заднюю часть грузовика во тьму.

— Довольно скоро ты получишь своё веселье. Не обязательно и дальше терроризировать собственность. Кроме того, я не могу переносить это зловоние.

Затем дверь с хлопком закрывается, замок запирается. Мгновением позже возобновляется грохот двигателя, и мы несёмся вперед, навстречу нашей миссии.

Когда отсчитываются последние мили, моё предвкушение набирает силу до тех пор, пока я не начинаю гудеть от переизбытка энергии. Мой язык снова и снова пробегается по передним зубам, дыхание вылетает со свистом между этими двумя ритмичными шумами. Я вытаскиваю «Мисси» из ножен, чтобы водить её тупым краем вверх-вниз по бедру. Её

знакомый вес в моей руке объединяется с успокаивающимися движениями моего Дьявола, и их как раз достаточно, чтобы удержать его на поводке.

Когда грузовик замедляется, начинают действовать пневматические тормоза, я приседаю на корточки, чтобы открывший двери гарантированно не увидел здесь ничего неправильного.

Я слышу приглушенные голоса водителей, когда они останавливаются и дружелюбно разговаривают с часовыми. Затем мы снова начинаем медленно двигаться. Сейчас уже мы находимся на землях комплекса, и наш план состоит в том, чтобы оставаться скрытыми в задней части грузовика до самого грузового склада. Джеймс объяснил, что именно там новая поставка собственности будет осмотрена, и любого, кого посчитают, что уже не спасти, оперативно казнят — пустят пулю в голову.

Хотя это не то, что произойдёт сегодня вечером. Сегодня вечером эти двери откроются, и единственные люди, которых истребят, будут многие преданные «Королевству», но не пулей, а моим ножом.

— О, «Мисси», — нежно воркую я, когда слышу звуковой сигнал заднего хода грузовика, резко сообщающий, что мы прибыли. — Ты хорошо насытишься сегодня вечером.

Я направляюсь к внешнему углу так, чтобы находиться в пределах досягаемости от дверей, когда они откроются. С «Мисси» в одной руке и топором в другой, я стою и терпеливо жду, позволяя энергии течь через меня и наполнять мои конечности, и когда эти двери наконец-то откроются, я спущу моего Дьявола с цепи и выпущу его на свободу. Он будет упиваться кровью и разорвёт на части любого, кто встанет на моём пути.

Пять — двигатель заглушён.

Четыре — две пары ног приближаются к задним дверям.

Три — с громким скрипом рычаг поднимается.

Два — брешь яркого света разделяет пол, а затем расширяется.

Один — «Мисси» потребовала своё первое убийство на сегодня, когда погрузилась прямо в ушной канал мужчины, выскакивая в том же самом месте с противоположной стороны его головы.

Беда в том, что у этого ублюдка очень твёрдая голова, и чтобы вытащить «Мисси» обратно требуется больше усилий. Так что у того придурка, кто шёл сзади недавнишнего покойника, есть время для того, чтобы вытащить свой пистолет, но нет времени, чтобы его использовать, когда мой топор раскалывает его череп по лбу и втыкается в мозг.

Два трупа — десяток остался.

Теперь, когда мы проникли, мы можем включить наши наушники. Джеймс предупредил нас, чтобы мы подождали, пока не окажемся внутри комплекса, так как вход в «Королевство» оборудован датчиками высокой чувствительности по обнаружению жучков и, если бы мы активировали наши устройства заранее, мы бы не прошли через передние ворота.

Каждому требуется несколько секунд, чтобы выйти в сеть, и я стою снаружи с двумя водителями, когда слышу голос Коула в ухе.

— Вторая волна завершена. Приступайте.

Люди Джеймса рассосредоточились, услышав команду, один прикрывает со стороны входа, другой направляется к передней части фургона, чтобы выманить других членов команды. Я использую этот шанс, чтобы почистить моё оружие о грудь одного из зарубленных мужчин, и выхватываю ручку из его переднего кармана в качестве сувенира.

— Чисто. Приступайте, — поступает мне вторая команда, и я выскальзываю из помещения склада в сторону массивного здания того, что Джеймс назвал баракком. Это квадратная бетонная конструкция, выглядящая в точности как тюрьма, там размещается

большая часть собственности, и мы были проинформированы, что там многие охранники любят поиграть. Трое мужчин следует за мной по пятам, когда мы обходим вокруг здания и украдкой ползём к охраняемым входным дверям. Четверо часовых стоят на позиции. Один курит сигарету и громко смеётся, как ревущий осёл от какого-то дерьма, что показывает другой мужик ему экстравагантными жестами руками. Двое других стоят на страже, изучая взглядами широкую полосу света от прожектора во дворе перед зданием, и этих людей надо убрать первыми.

Я сигнализирую о своих намерениях людям позади меня, и тремя секундами позже один из наиболее внимательных охранников падает на землю с моим топором, глубоко погруженным в его спину, вот только падает он не тихо. Эхо его потрясённого вздоха разрывает тишину ночи, и все три охранника выхватывают своё оружие, когда смотрят вниз на своего упавшего товарища.

Мужик со смехом осла падает следующим, когда я метнул «Мисси», и она попадает в яблочко, погружаясь в его шею через кадык, её кончик выглядывает из затылка мужика.

Раздаются выстрелы из оружия оставшихся двух охранников, на них из-за моей спины надвигаются тени их убийц. Их пистолеты с глушителями едва издают звуки, если бы не унылый удар пуль о мозг охранников и тяжелый глухой стук, когда они безжизненно падают на землю.

— На западном фронте — всё чисто, — докладываю я в свой наушник, поворачиваясь.

— Приступайте, — доносится от Коула, и мои ноги переходят в движение.

Мы приблизились к сильно защищенному дверному проему в то же самое время, когда он открывается, и из него вышагивают ещё два охранника, застегивающие ширинки на брюках. Первый выходящий через дверь пропускает мертвеца у своих ног с торчащим из хребта топором, и обеими руками концентрируется на задаче застёгивания одежды, он падает непосредственно на торчащий конец топора, который втыкается в его плечо. Он вскрикивает от шока и боли, другой мужчина хватается за концы своего ремня и возится с оружием в кобуре. Лишенный двух моих любимых орудий, я набрасываюсь на него и прибегаю к захвату его морды, давлю обоими большими пальцами в его глазницы. Я сильно давлю на податливые шары, пока они не впадают обратно в гнезда, и мужик не начинает орать как банши, не пытаюсь больше вытащить оружие и бесполезно царапая мои руки в тщетной попытке оторвать их от лица.

Я откидываю его на землю, и его корчащееся тело фиксирует открытую главную дверь. Его вопли боли, вероятно, предупреждают каждого внутри о нашем присутствии. Со щелчком подбородка, один из людей позади меня молчаливо с близкого расстояния стреляет ему в голову. Его череп взрывается, и половина лица уничтожена. О другом мужчине, который наколот себя на мой топор, уже позаботились, и теперь он лежит на спине, его широко распахнутые невидящие глаза смотрят в никуда, его плечо частично отделено от тела, как у сломанной марионетки, а мой топор любезно вытащен и лежит, ожидая меня, на его грудной клетке. Возвращая себе обоих — и его, и «Мисси», я киваю в сторону двери, чтобы войти в здание.

— Мы на птицеферме, — сообщаю я в наушник.

— Мы в курятнике, — отвечает Коул несколькими секундами позже.

Двенадцать дополнительных охранников посланы, когда мы продвигаемся через это здание, напоминающее конюшню, наполненное крошечными клетками. Каждая маленькая комната никак не больше восьми футов длиной и пять футов шириной. Ни одна не оснащена удобствами или какими-либо кроватями, в каждой из них содержится два, а иногда и три собственности.

Мужчины и женщины содержатся отдельно, как и маленькие дети. В этом здании, вероятно, содержится более пяти сотен людей, а, возможно, и больше.

С каждой клеткой, что мы проходим, я задаюсь вопросом: куда, блядь, все эти люди направятся через несколько часов.

— Надеюсь, что у Джеймса есть достаточное количество комнат для всех них на его винограднике, поскольку ни за что, бл*дь, «Хантер Лодж» не сможет принять больше сотни, — едва слышно бормочу я, пока мы переходим от клетки к клетке.

Когда мы убеждаемся, что здание очищено, я рапортую по радио Люку и Коулу, и мы направляюсь обратно к входу. Но никто не ответил на моё первое сообщение, так что, когда мы приближаемся к выходу, я пробую ещё раз.

— Цыплята в безопасности, как птицеферма?

Ничего. Полная тишина.

Один из парней впереди переступает через мёртвого охранника, по-прежнему подпирающего переднюю дверь здания, но он не смог сделать и шага наружу до того, как взрывается огненным шаром.

Сила удара сдувает обе двери и сбивает несколько мужчин впереди меня на землю. Дым вздымается клубами вокруг нас, окутывая узкую прихожую и лишая нас зрения.

Я приседаю к полу. Моё оружие поднято и готово к атаке, но я чувствую, что кто-то подошел сзади ко мне на долю секунды позже, чем нужно.

Мои глаза закатываются, тело падает вниз, моя последняя рациональная мысль — о солнечном свете и свежескошенной траве.

Глава двадцатая пятая

Каллия

*И*тальянский воздух теплыми волнами омывает мою кожу.

Легкий ветерок доносит аромат виноградника, он сладкий, но не надоедливый, и похож на запах моих любимых фиалок, такой же недолговечный, но не пресыщает. Я ловлю себя на том, что откидываю назад голову, чтобы полностью открыть свои чувства: благоухание цветов, как и в большинстве моих лучших воспоминаний, тонкое, красивое, но мимолетное.

Это место так отличается от любого другого.

Это земля и небо. Это тепло солнца и нежность ветра. Каждый элемент поёт о свободе и новом начале.

— Ничего себе, — восклицает Фей сбоку от меня. — Это поразительно.

Я не отвечаю, поскольку неспособна на это. Воздух вокруг нас перехватил моё дыхание и украл мой голос, я охотно отказываюсь от способности говорить и просто поглощаю всё в этом месте.

— Не желаете ли вы сначала увидеть ваши комнаты, а уже потом, возможно, я смогу устроить для Вас экскурсию? — спрашивает Марианна — менеджер виноградника, после того как позволила нам жадно впитать в себя достаточно ощущений от нашей первой встречи с этим грандиозным местом.

— Как насчет того, чтобы сначала была экскурсия, а комнаты позже? Как думаешь, Кал? — с надеждой спрашивает Фей, её рвение очевидно.

Я киваю в ответ, всё ещё не желая достаточно сосредотачиваться на двух женщинах рядом со мной, чтобы сформулировать слова.

— Тогда ладно, — с небольшим смешком уступает Марианна. — Мы сначала отправимся на экскурсию.

Фей берет меня под руку, по всей видимости, выражая не жест дружбы, а по другой причине, скорее всего, просто чтобы выручить меня и помочь сориентироваться в новом ландшафте.

Я хочу сказать ей, что в этом нет никакой необходимости, что здесь я могу ощутить каждый дюйм окружающей среды лучше, чем где-либо ещё. Тем не менее, я позволяю ей эту связь, и мы следуем за Марианной, пока она рассказывает нам всё об этом красивом месте.

— Джеймс купил этот виноградник у местного винодела почти десять лет тому назад, тот заложил его банку и практически потерял, когда его зерновые культуры потерпели неудачу в течение последних трех лет. Джеймс заплатил мужчине полную рыночную стоимость, что было вдвое больше залога. Синьор Росси остался здесь как советник и живет прямо в конце владений в маленьком сельском доме с женой и дочерьми. Его семья — добровольцы здесь, и они помогли многим нашим жителям приспособиться к жизни вне «Королевства».

— Сколько людей сейчас проживает здесь? — спрашивает Фей, в её тоне отчетливо слышна тяга узнать всё об этом месте и о том, что необходимо для управления чем-то такого масштаба.

— Около шести сотен, но остаётся возможность принять ещё пятьдесят или около того. Вот почему Джеймс уже приобрёл земли на Юге Франции — второй виноградник будет построен с возможностью разместить любые новые поступления людей, — в голосе Марианны слышится гордость, и мне интересно: у неё с Джеймсом нечто большее, чем просто профессиональные отношения?

Мы прогуливаемся вниз по склону, через виноградные лозы, аромат цветущего винограда опьяняет, и я хочу просто посидеть здесь на земле и утонуть в этом аромате.

— У нас примерно шесть акров виноградных лоз, на каждой из них прорастают разные сорта винограда. Естественный наклон земли обеспечивает совершенную ирригацию, и теперь, когда мы преодолели проблемы, которые были у сеньора Росси, мы собираем небывалый урожай каждый год, — Марианна продолжает рассказывать о продажах и о винах, получивших награды, но я отключаюсь от всего, просто поддерживая связь и поглощая воздух, зарываясь пальчиками ног в грязь под моими ступнями.

— Мы продолжим наш путь обратно к домам, — сообщает она нам через какое-то время, всё ещё продолжая рассказывать нам, сколько здесь живёт людей в специально оборудованных зданиях, и как они разделены на четыре большие общины.

— Некоторые из них создали семьи и живут в маленьких домах, разбросанных на ближайших шести акрах.

Когда мы покидаем виноградные лозы, и земля начинает выравниваться, я слышу голоса жителей, плывущие в воздухе.

Смех и обыденная болтовня на разных языках и диалектах разносится ветром.

— Здесь каждый обрёл своё имя? — спрашиваю я, впервые заговорив, с тех пор как мы вышли из самолета.

Фей останавливается, и я чувствую, как останавливается Марианна и поворачивается к нам. Серьезность моего вопроса не ускользнула от каждой из них.

— Когда они прибыли сюда, у многих не было. Некоторые попросили, чтобы им дали имена, но большинство выбрали сами. Те, у которых были имена по прибытию, чаще всего меняли их, желая получить новое начало в новой жизни.

— Я понимают это, — мягко отвечаю я. — Я бы никогда не отказалась от моего имени, но лишь потому, что единственный человек, когда-либо использовавший его до того, как я обрела свободу, была моя сестра Дамарис, и хотя её больше нет, моё имя — это связь с ней, которая никогда не прервется.

— И это красивое имя, Кал, — бормочет Фей слегка сжимая мою руку, предлагая мне свою осторожную поддержку.

Марианна молчит в течение нескольких секунд, и я задаюсь вопросом: не расстроила ли я её? Я собираюсь спросить у неё, когда она удивляет меня своим вопросом.

— Ваша сестра, как вы сказали её звали?

— Дамарис, — не задумываясь, выкладываю я. — Нас разлучили несколько лет назад. Она носила ребенка, и они забрали её от меня.

Возбужденная энергия приходит ко мне от Марианны, светлые волоски на моих руках встают дыбом, и гудящая спираль беспокойства скручивает мой живот.

Марианна ничего не говорит, и, несмотря на мои расшатанные нервы, Фей спрашивает у неё:

— Почему вы спросили, Марианна? Если у вас есть какая-то информация о сестре Каллии, вы не должны скрывать это от неё.

Моё сердце замирает и не бьётся до того момента, пока Марианна не признаётся.

— У нас здесь есть Дамарис. Она была одной из первой десятки, кого спас Джеймс. Хотя у неё и не было никакого ребёнка. Поэтому я и засомневалась в предположении, что она может быть сестрой Каллии.

— Отведите нас к ней, — требую я пересохшими губами. Мои ноги грозят подогнуться, сердце болезненно бьётся о рёбра, а голова непрерывно гудит от потребности выяснить, может ли эта женщина оказаться моей сестрой.

— Возможно, будет лучше, если я пойду и спрошу у неё, если...

— Отведите нас к ней, — настаиваю я, в горле першит, ноги делают неловкий шаг вперед. Фей притягивает меня к себе, чтобы я плотно прижалась к её боку, её тело поддерживает моё, предлагая мне её силу и устойчивость.

— Марианна, — произносит Фей твёрдым голосом. — Вы должны отвести нас к этой женщине. Было бы несправедливо по отношению к Кал ожидать, что она будет ждать, когда есть малейший шанс того, что она сможет встретиться с близким человеком, которого она потеряла. Я знаю, что не стану заставлять её ждать, а вы?

Я тянусь свободной рукой, чтобы схватить за руку Фей, этот жест передаёт ей то, что не может выразить мой рот. Она, в свою очередь, кладет свою руку поверх моей, и мы вместе приближаемся к Марианне.

— Дамарис управляет нашим медицинским пунктом, — сообщает нам Марианна, пока мы идем. — За эти годы она прошла онлайн подготовку докторов и медсестёр и даже закончила курсы в сети, что позволяет ей легально практиковать.

Чем больше я слышу об этой женщине, тем больше уверяюсь в том, что это моя сестра. Дамарис заботилась и защищала меня на протяжении стольких лет, и это так похоже на неё — делать тоже самое для других. Моё тело гудит от предвкушения, сердце колотится так громко, что я едва могу расслышать следующие слова Марианны.

— Вот сюда мы и идём, но вы же не будете возражать подождать снаружи, когда мы дойдём туда, пока я недолго поговорю с ней, я думаю, так будет лучше. Мы же не хотим скинуть это на неё без предупреждения.

После непродолжительной прогулки мы доходим до места, Фей объясняет мне, что это маленькое одноэтажное красное кирпичное здание. Марианна ещё раз просит нас подождать снаружи и оставляет нас возле низкой стены, граничащей с небольшим садом.

— Если это не она... — начинает Фей, но я прерываю её, прежде чем у неё появляется шанс закончить.

— Это она, Фей. Я знаю, что это — она.

Мы ждем в тишине, тишина более оглушающая, чем любой другой звук. Я не смогла бы избежать этого, даже если бы попыталась, поскольку все мои чувства вышли из-под контроля. Я не могу чувствовать, я не могу слышать, я не могу обонять. Всё, что я могу делать, — ждать.

Вечность спустя, когда я уже готова поползти на карачках по грязи, чтобы обеспечить себе доступ в то здание, я слышу, как Марианна прочищает горло. Секундой позже она мягко кладёт свою руку на мою, и я вздрагиваю от неожиданного прикосновения.

— Она готова увидеть вас, — произносит она мягким голосом, наполненным эмоциями. — Позвольте мне отвести вас к ней, я не думаю, что вы должны идти одна.

— Я пойду с ней, — быстро отвечает Фей, её рука всё ещё переплетена с моей, её пальцы сжимают мою руку в знак поддержки.

— Тогда хорошо, — отвечает Марианна. — В таком случае, вы обе следуйте за мной.

Тревожный звоночек слышится в мрачном тоне Марианны, но я пропускаю его мимо ушей, поскольку не могу сосредоточиться ни на чём, кроме Дамарис.

Мы заходим в прохладное с кондиционированным воздухом здание, которое воняет хлоркой. Плитки линолеума скрипят под подошвами моих туфель и вторят эхом в пустынном пространстве.

— Сегодня здесь тихо, — заверяет меня Марианна. — Так что у вас будет много времени, чтобы поговорить. Вас не прервут.

Фей ведет меня дальше по широкой прихожей, мы сворачиваем налево и входим в меньшее пространство, возможно, в комнату ожидания или какой-то офис.

— Присаживайтесь, я скажу Дамарис, что вы ожидаете её, — спокойно произносит Марианна, прежде чем выскальзывает из комнаты. Я и Фей сидим в тишине, моя нервозность, вероятно, достаточно очевидна для неё, чтобы не высказывать любые опасения или предположения, слабую банальную поддержку. И я благодарна ей за этот факт, что после такого короткого времени, что она знает меня и понимает мои механизмы психологической адаптации и не пытается заполнить тишину бессмысленной светской беседой.

Где-то на стене позади нас тикают часы, каждая секунда отмечена их стрелками, обратный счет до того, о чём я даже не мечтала и представить не могла, что когда-нибудь произойдёт.

«Я думала, что я потеряла её навсегда».

Дверь открывается — Фей и я обе встаём. Я задаюсь вопросом: когда она войдёт, моментально ли я её почувствую, но нет. Я ощущаю кого-то, но моё сознание смешалось с неустойчивым гулом моего пульса и торнадо, крутящимся в моём животе.

— Каллия? — спрашивает голос с небольшим акцентом из дверного проёма.

Не тот голос. Я знаю Дамарис, и даже с учетом всех разделяющих нас лет, этот голос не принадлежит ей.

— Дамарис не придёт? — в отчаянье спрашиваю я. — Я могу вернуться позже, если она не готова, просто скажите ей, что я буду здесь в любое время, когда она будет готова, я буду здесь.

Даже для моих ушей слова, срывающиеся с губ, звучат неправильно. Ничто не смогло бы удержать Дамарис от меня, также как ничто никогда не удержит меня от неё.

Дверь закрывается с тихим щелчком, и женщина с неправильным голосом заходит внутрь комнаты.

— Мы можем с вами присесть? — спокойно спрашивает она.

Я киваю, но в течение нескольких секунд продолжаю стоять, вопреки всему надеясь, что Дамарис спрячется позади неё и сейчас в любую минуту бросится мне в объятия.

Но нет.

Я сажусь.

Фей прерывает некомфортную тишину.

— Откуда Вы знаете Дамарис? — спрашивает она, и другая женщина неловко ерзает на своём стуле.

— Это может показаться немного странным, но я попробую объяснить, — мягко отвечает она. — Я — Дамарис.

Эти два слова поражают меня прямо в живот.

«Я — Дамарис».

— Нет, нет, нет. Вы не можете быть ей. Вы не ощущаетесь, как она, не пахнете, как она, не звучите, как она. Вы не можете быть Дамарис, — обвиняю её я, мои слова решительно вылетают друг за другом, желая, чтобы она ушла. Я хочу, чтобы она ушла отсюда и вернула мне Дамарис, и я хочу, чтобы она прекратила играть в эту болезненную и жестокую игру.

Фей берёт меня за руку, но я яростно вырываю её, не задумываясь, отмахиваясь от неё. Мой стул шатается, когда я внезапно встаю и начинаю расхаживать по комнате.

Вперёд-назад, вперёд-назад.

«Я не должна рассыпаться на части. Это ошибка».

— Кал, пожалуйста, сядь, — просит Фей, также встав. Её голос становится отчетливее в моих ушах, когда она подходит ближе.

Тиканье часов становится громче, непрерывно стуча внутри моей головы, когда я теряю контроль.

— Просто скажите мне, где моя сестра! — в расстройстве выкрикиваю я, позволяя смятению, замешательству и гневу вырваться из меня, надеясь уничтожить всё на моём пути к Дамарис.

— Я знала вашу сестру много лет тому назад, — произносит женщина, её слова прямые и ясные, они проникают сквозь мою панику.

Я всё ещё стою спиной к стене, мои плечи опустились, ноги налились свинцом.

— Мы держались друг за друга в течение нескольких дней, мы обе носили детей, обе были слишком молоды, чтобы понять грядущий ужас, несмотря на то, что пережитого хватило бы на тысячи жизней.

Я делаю маленький шаг назад, пока не чувствую стену позади меня, и медленно скольжу вниз, пока не усаживаюсь на задницу, вытягивая ноги перед собой.

— Ваша сестра Дамарис, — мягко продолжает она, — заботилась обо мне и обещала мне, что всё будет хорошо, и мы выживем. Она была сильнее меня, несмотря на то, что была в половину меньше меня из-за голодания.

— Продолжайте, — отрывисто шепчу я, отчаянно желая услышать каждое слово и нуждаясь в этой заключительной части истории о моей сестре.

— Два дня нас держали в комнатухе не больше чем чулан магазина без еды и воды. Нас было шестеро — все беременные, все сами ещё дети. На третий день они привели мужчину. Каждую из нас вытаскивали из комнаты по одной, и на холодном каменном полу, прямо за дверью клетки, он удалял то, что росло внутри нас без лекарств,

без обезболивания и таким способом, что я не буду описывать это вам, поскольку это варварство.

Молчаливые рыдания Фей выдаёт небольшое сопение, но я застыла. Мои эмоции выключены, мозг представляет Дамарис на полу вне той комнаты.

— Затем они бросили нас обратно в комнату, чтобы посмотреть, переживём ли мы ночь. Им было всё равно, выживем ли мы или умрём, пока некоторые из девочек истекали кровью на полу у моих ног, твоя сестра обнимала и успокаивала меня на протяжении всего этого, и я плакала. Она обнимала и успокаивала меня, игнорируя боль, которая разрушала её маленькое тело, а к утру она истекла кровью на моих руках

«Холодно. Мне так холодно».

Я обхватываю руками голени и упираюсь лбом в жёсткие колени. Мой разум фиксирует изображение моей сестры, истекающей кровью на холодном полу клетки, и младенца, вырванного из её тела и отвергнутого, как грязь.

Когда женщина продолжает, её голос не громче шёпота.

— Трое из нас, кто выжил, были спасены на следующий день человеком, который работает на Джеймса. Нас привезли сюда для восстановления. В мой второй день на винограднике медсестра спросила меня, есть ли у меня имя. Называемая всегда только по номеру, я сказала: *«один девять два один три»*, и она посмотрела на меня со слезами на глазах.

Татуировка на моей груди горела, но я заставила себя удерживать вместе пальцы, чтобы остановить себя и не вспороть её ногтями.

Голос женщины становится задумчивым, и к тому времени, когда она заканчивает, скатывается моя первая слеза.

— Она держала мою руку в своей и велела мне выбрать, кем бы я хотела стать, что я могу выбрать любое имя, поскольку я свободна сделать это. Она сказала мне не торопиться с решением, но подумать относительно того, что я хотела от моего нового мира. Я не колебалась. Я сказала ей, что я выбрала своё имя и с того дня и впредь я стала Дамарис.

Сильные разрушающие рыдания вырываются из моей груди и врезаются в воздух вокруг нас. Моя грудь снова и снова горит от боли потери моей сестры и опять наполняется гордостью за неё. Гордостью за маленькую, сломленную, истекающую кровью девочку, которая вдохновила незнакомку передо мной сохранить в живых её имя.

Тёплая ладонь ложится на мою голову и начинает поглаживать мои волосы. От лба до затылка рука поглаживает и успокаивает, каждое прикосновение — извинение за то, что она продолжает жить, неся её имя, в то время как моя сестра умерла на её руках.

— Через день после того, как я выбрала своё имя, медсестра вернулась ко мне в комнату, чтобы сообщить, что она выяснила значение имени. Она сказала, что Дамарис означает «нежный». Я не могу придумать лучшего определения для девочки, которая успокаивала меня до её самого последнего вздоха. Ваша сестра была особенной, Каллия, — шепчет она в мои волосы, целуя их. — Если вы получите хоть какое-то утешение из моей истории, пожалуйста, знайте, что я выжила из-за неё, я здесь сейчас, чтобы рассказать вам мою историю о ней, и каждый свой день я проживаю в её честь.

Я закрываю глаза и уношусь из этого места туда, где моя сестра всегда ждёт меня: на зеленое поле с высокой травой, наполненной жёлтыми цветами. Место, где солнце ярко светит в небе из сахарной ваты, а птицы поют песни о свободе и счастье.

— *Дамарис*, — зову я, когда добираюсь туда. — *Я вижу тебя, нежная.*

Глава двадцатая шестая

Грим

Ведро ледяной воды окатывает меня прямо в лицо, и я резко прихожу в себя с неприятным ворчанием.

Воспоминания мелькают передо мной в момент следующего обливания холодной жидкостью, я рычу, избавляясь от излишка воды, как собака.

— Достаточно гребаной ванны. Я принимал душ, перед тем как выйти сегодня вечером, иди-на-хрен-и-подальше.

Я моргаю сквозь влажность и кручусь, чтобы обнаружить, что привязан толстой веревкой к стулу с высокой спинкой.

Мужик, стоящий передо мной с ведром, смеется. Его симпатичная внешность плейбоя в тусклом свете выглядит еще более привлекательно, чем на фотографиях. «Скользкий ублюдок».

— Хорошо, что ты наконец-то присоединился к нам, господин Реншоу, — насмехается он. — Надеюсь, я поиграю с вами некоторое время, прежде чем Хантеры попытаются спасти тебя и облажаются.

— В то время как я реально ценю приглашение, Алексис, я не очень хорош в играх. Но вот, что я могу пообещать, что я буду просто великолепен в потрошении тебя и наполню твой рот твоим же собственным дерьмом.

Алексис бросает ведро из рук, откидывает голову назад с нарочитым смехом, сквозь который так и сочится сарказм.

— О, Генри, твой брат говорил мне, что ты забавный.

Он кивает подбородком кому-то позади меня, и в поле моего зрения появляется другой мужчина из задней части комнаты.

«Джеймс-ублюдок-Реншоу».

— Я знал, что не могу доверять тебе, брат, с этим твоим Эдиповым комплексом (*прим. понятие, введённое в психоанализ Зигмундом Фрейдом, обозначающее бессознательное или сознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола*). Мать была бы так горда тобой. Какой позор, что я порезал её на крошечные кусочки, и её нет рядом, чтобы и дальше тебя трахать. Что же ты будешь теперь делать, чтобы скоротать время?

Джеймс останавливается и встаёт рядом с Алексисом, широкая улыбка растягивает его лицо.

— Ох... Генри. Ты думаешь, что мне не насрать на эту старую каргу? То, что ты убил её, стало благословением и отметило галочкой ещё один пункт в моём списке дел.

Он мрачно хихикает, перед тем как делает драматического жест — вытаскивает из внутреннего кармана своего пиджака прикрепленный наушник.

— Петушок у меня, жду Вашего прибытия, — объявляет он в микрофон, его лицо белое, когда он поворачивается ко мне и подмигивает, слушая ответ Коула.

Удовлетворенный тем, что его план завершен, он вытаскивает наушник и бросает на пол, измельчая устройство в пыль каблуком ботинка.

— Они уже в пути, — улыбается он Алексиосу, прежде чем у него изменяется выражение лица, и он добавляет, — Кириллос всё-таки был захвачен.

Алексиос мгновение глазееет на него, а затем выбрасывает свой кулак и вмазывает по сладкой челюсти Джеймса. Голова Джеймса опрокидывается назад от удара, и он немного оступается. Затем Алексиос ревет как маньяк, прежде чем его голова поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и я вижу в его глазах жажду устроить резню.

«Никогда не отступающий перед вызовом», — я растягиваю на своём лице широкую улыбку и напоминаю о ране Джеймса, только что полученной из-за его признания, что Кириллос погиб.

— Ой, ты потерял своего ё*аного приятеля? Нам придётся смотреть, как ты будешь рыдать словно сука из-за того, что внутренности твоего возлюбленного висят на воротах твоего Королевства?

Алексиос делает взвешенный шаг вперёд и скользит рукой под пиджак, чтобы вытащить кое-что, что ему не принадлежит. «Мисси» сладко покоится в её ножнах, когда его пальцы оборачиваются вокруг её рукоятки.

Я собираюсь отрезать его яйца и повесить их рядом с ухом матери на шее. *Ворующая сучка-у*бок.*

— Тебе не нравится, когда трогают твою собственность, да Генри? — глумится он, когда делает ещё один шаг ко мне, при этом медленно вытаскивает «Мисси» из ножен. — Я думаю, это касается нас двоих, поскольку, когда Джеймс рассказал мне всё о той шлюхе, что ты украл у нас, я велел ему сделать всё возможное, чтобы вернуть её назад.

Мои кулаки сжимаются, пока я сражаюсь с удерживающими меня верёвками, стул раскачивается на ножках из-за моих движений.

— И я подумал, что тебе следует знать, — продолжает насмехаться он, в то время как делает ещё один шаг вперед. — То, что кое-кто заберёт её, — он бросает взгляд на дорогие часы на своём запястье, поджигает губы, демонстрируя, что он обдумывает, — в любое время, например, прямо сейчас.

Натянутые верёвки врезаются в мои запястья, перерезая кожу, пока я кручу и дергаю, пытаюсь вырваться на свободу, объятый желанием схватить шею этой сучки.

— Действительно жаль, — размышляет он, поднося к кончику «Мисси» свой указательный палец и слегка укалывает его, — что её не будет здесь, чтобы увидеть шоу. Я уверен, что она бы оценила работу, которую я собираюсь проделать с твоим лицом. Для неё, должно быть, было ужасающим лицезреть это неравномерное уродство, каждый раз, когда ты трахал её. Или же она просила тебя брать её сзади, так чтобы ей не нужно было пытаться кончить, видя твоё уродливую искажённую рожу над ней?

«Я вырву его гребаную глотку».

— Бедняжка, — продолжает он. — Я удостоверюсь, что она узнает, каково это — быть оттраханной настоящим мужчиной, когда она прибудет сюда. Я использую ее так долго и жёстко, что две её дырки превратятся в одну.

Бах.

Дверь срывается с петель, пролетая полкомнаты и напрочь сбивая Джеймса с ног.

Бах.

Первая пуля поражает Алексиоса в плечо, непосредственно перед тем, как он бросается на пол и откатывается, пока не оказывается позади меня.

Бах.

Вторая пуля мажет мимо его отступающего тела и попадает в бетон у моих ног.

Люк заходит в комнату, сопровождаемый Коулом, и у обоих поднято оружие, их взгляды устремляются к Джеймсу, бездыханно лежащему на спине с дверью, наполовину

прикрывающей его тело, а Алексиос приседает позади меня, приставляя «Мисси» к моему горлу.

— Территория комплекса под нашим контролем, — прохладно изрекает Коул, его взгляд схлестнулся с взглядом Алексиоса. — Всё кончено, сдавайся сейчас, и я покончу с тобой быстро. Будешь играть со мной в игры, и я передам тебя одному из моих братьев, и я ручаюсь, если они получают тебя в свои руки — не будет никакой речи о быстрой смерти.

Алексиос вжимает кончик «Мисси» в мягкую кожу моего горла, и струйка крови начинает бежать из небольшого пореза.

Джеймс стонет с другой стороны комнаты, но ни один Хантер не уделяет ему никакого внимания.

— Прикончи их обоих, *сейчас же*, — рычу я через сжатые зубы, вынуждая зазубренный край «Мисси» ещё сильнее прижаться к моему уязвимому месту.

— О, Генри, — отчитывает меня Алексиос, тщательно держа свою голову точно позади моей. — Если они прикончат меня, кто спасёт собственность, что ты украл у меня?

— Убей их обоих, сними и меня, если придётся, *только сделай этот ё*анный выстрел*, — убеждаю я, мои глаза сначала впиваются в Коула, а затем в Люка, умоляя их закончить это, даже если им придётся стрелять через меня, чтобы сделать это.

— Ты благороден, Генри, — насмехается Алексиос. Глупый ублюдок всё ещё думает, что контролирует эту ситуацию, когда теперь он никогда не покинет эту комнату живым.

— Как жаль, что твой брат Джеймс не обладает твоей моралью, — злорадствует он, продолжая делиться с нами подробным описанием деталей моего захвата. — Он был тем, кто вытащил тебя из барачков, ты знал об этом, Генри? Он обрезал твою связь с Хантерами, убил твоих людей, вырубил тебя и принёс ко мне. Он также рассказал мне всё о ваших планах. Кажется, будто бы Джеймс пытался играть с нами обоими в одно и то же время, но очень скоро освободился от своей преданности.

Ещё один нож, меньшего размера, прижимается к моей коже с противоположной стороны шеи. Он составляет четверть размера «Мисси» и, скорей всего, был привязан к его лодыжке, но он по-прежнему может очень быстро убить человека, если вы знаете, как его использовать.

Он даёт Алексиосу свободу передвижения, и он перемещает «Мисси» к моему глазу.

— Помнишь, что я сказал, что я собираюсь сделать с твоим лицом, Генри? Мне интересно, насладятся ли все три брата этим шоу?

— *Сделай. Бл*дь. Выстрел*, — требую я со звериным рёвом, когда край «Мисси» начинает вырезать линию от угла моего глаза, вниз через мою щёку к моему рту. Боль подобна кислоте, выжигающей мою плоть, мои естественные инстинкты — побеждать и двигаться — погребены под намного большей необходимостью оставаться неподвижным, чтобы позволить любому из Хантеров сделать точный выстрел, если у них появится шанс.

Нож глубже врезается в мою плоть, и я ощущаю, как он размалывает мою скулу, боль мучительна, и моя кровь гудит от потребности уничтожить.

— О... упс, — хихикает Алексиос. — Кажется, я зашёл немного глубже, чем собирался. Твоя щека повиснет как разорванные жалюзи, если я не позабочусь о ней.

Я моргаю один долгий миг, втягивая воздух через ноздри, готовясь к нападению. Даже если всё, что я смогу сделать, это уронить его на пол, и в процессе я получу перерезанное горло — этого будет достаточно, чтобы остановить эту гребаную шараду.

Бах.

Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

Первый выстрел раздаётся с боку комнаты, он сопровождается пятью последовательными выстрелами быстрой очередью. Я жду боль от пуль, чтобы вынудить адреналин перекачиваться в моих венах, мой разум борется, пытаюсь оценить, сколько из них попало в меня.

Я изучаю своё тело. Единственная боль исходит от толстых острых волн от моего разорванного лица. Не одна из тех пуль не попала в меня. Ни одна.

— Грим, — голос Джеймса раздаётся позади меня. — Бл*дь, прости. Всё должно было пойти не так, — признает он, пока перерезает веревки вокруг моих запястий, груди и лодыжек.

Коул и Люк быстро оказываются передо мной, их оружие опущено — угроза устранена. Люк прямо изучает моё лицо, в то время как Коул сгибает своё высокое тело, ставая на колени около меня, чтобы оценить повреждения.

— Гляди-ка, тебя довольно-таки сильно порезали, брат, — вздрагивает он и добавляет: — но ты выживешь.

Затем он поднимается в полный рост и идёт за меня, где я слышу, как он пинает то, что я воспринимаю как мёртвое тело Алексиоса.

Когда мои конечности освобождены, и последние веревки падают частями на пол, я вскакиваю на ноги и хватаю стул, к которому был привязан и обездвижен.

— Ты двуличная сука, — реву я, прежде чем замахиваюсь в воздухе стулом, на долю миллиметра промахиваясь по голове Джеймса, когда он своевременно ныряет в сторону.

— Грим, — предупреждает Люк, прежде чем встаёт позади меня и кладёт руку мне на плечо, он достаточно сильно сжимает его, чтобы послать разряд боли, простреливающую мою руку до кончиков пальцев, как удар тока.

— У него не было выбора. Алексиос спалил нас. Джеймс захватил тебя и отдал ему, чтобы дать нам время выманить Федорова и Кириллоса. Он сделал так, надеясь, что Алексиос воспользуется тобой, чтобы выманить нас. Что он и сделал, — он небрежно указывает своей рукой на пронизанное пулями тело Алексиоса.

Коул подходит и становится рядом с Джеймсом, его глаза смотрят на меня, его положение и поза указывают на то, что он остановит меня, если я попытаюсь снова напасть на Джеймса.

Кровь капает с моего порезанного лица и течёт на шею, впитываясь в рубашку. Моя рука всё ещё крепко сжата вокруг ножки стула, пока я устоял на мужчину, с которым разделяю кровь. Его лицо — маска сожаления, в то время как его левая рука бессильно висит с боку, указывая, что дверь сильно вдарила по нему, сместив плечо от сустава. Он также не вышел из этого невредимым.

Он видит, что я оцениваю его поврежденную руку, и пожимает плечом — здоровым плечом.

— Думаю, хорошо, что я правша, — говорит он без улыбки, хотя в его словах есть небольшая доля юмора.

— Где Кал? — выдаю я, рука поднимается на несколько дюймов, угрожая трахнуть стулом его по голове, если он ответит неправильно.

— Алексиос блефовал. Он не знал, где она. Она безопасности на винограднике, как я тебе и обещал.

Эти слова подтвердил Коул:

— Она с Фей, Грим. Ты же знаешь, я никогда не буду рисковать безопасностью моей жены.

Мой разум бушует, и нет никого, кого я могу убить — никакого выхода для бури, которая грозит поглотить моё здравомыслие. Мой Дьявол шепчет в моей голове:

«Ложь, ложь, всё это ложь. Убей их всех». И я хочу повиноваться ему. Я хочу выполнить его желания, больше чем сделать следующий вздох.

Я глазею на Джеймса, видя, как он дергается под моим пристальным взглядом. Я улавливаю каждое его движение и жест, мой разум в хаосе, отказывается доверять ему, хотя что-то в моей груди искренне верит ему.

— Давай, брат, пойдём, — произносит Люк со своего места сбоку.

Четверо из присутствующих — все предполагаемые союзники, и всё же мы померилось силами друг против друга как враги.

— Тебе понадобятся швы, если хочешь сохранить свою симпатичную внешность.

Я игнорирую его, вместо этого сосредотачиваясь на моём кровном брате, стоящим передо мной.

— Если я когда-нибудь выясню, что ты обманул нас, и что вся эта игра нужна была для того, чтобы ты занял единственный трон во главе «Королевства», — я удалю каждую мелкую косточку из твоего тела, одну, бл*дь, за одной. Ты понял меня, брат?

Джеймс кивает и открывает рот, чтобы ответить.

— Ни слова, бл*дь, — угрожаю я, слюна вылетает из моего рта и смешивается с кровью, бегущей рекой вниз по моему лицу. — Я поговорю с тобой, когда ты больше чем просто докажешь свою ценность. До тех пор я буду наблюдать за каждым твоим движением, и, поверь мне, брат, — глумлюсь я, и это слово обжигает мой язык. — Я буду ждать, что ты облажаешься, поскольку я обещаю тебе, что никто не спасёт тебя от меня, если так произойдёт.

С этими заключительными словами я запускаю стул в стену сбоку от меня, и он разлетается на части от силы удара.

— Ты можешь прибрать этот беспорядок, — объявляю я, разворачиваюсь и выхожу из комнаты. — Я заберу Кал с виноградника и отвезу подальше. Не пытайтесь найти нас. Увидимся в «Хантер Лодж» через пару недель.

Затем я поворачиваюсь спиной к этим трём мужчинам — трём моим братьям.

Игнорируя боль от открытой раны, я нахожу самое ближайшее транспортное средство, которое — так уж получилось — оказалось сверкающим и качественно новым Audi R8, и оставляю этот Богом забытый комплекс на задворках Нидерландов. Мой единственный план — отправиться напрямик во Францию, где ожидает реактивный самолет «Багряного креста».

Следующая остановка — Италия.

Затем я заберу Кал, чтобы исследовать мир.

Глава двадцатая седьмая

Каллия

Я молчалива и сдержана в течение наших первых нескольких дней на винограднике. Я потеряла смысл пребывания здесь.

Когда мы только прибыли сюда, я почувствовала покой, но теперь я испытываю отстранение.

Фей жадно узнаёт всё об этом месте: как оно работает, какую они используют терапию, каким навыкам учатся жители, сколько из них решают уехать и строить свои новые жизни подальше отсюда.

Марианна даже познакомила нас с несколькими из тех, кто живёт в других частях мира по Skype, и они рассказали нам, как пребывание на винограднике помогло им обрести силу начать всё заново.

У многих молодые семьи, партнеры или работа, не связанная с Джеймсом Купером или его организацией. Это люди по-настоящему живут своими собственными жизнями. Они остаются частью того, что Марианна любит называть «Семья виноградника», поддерживая связь или приезжая по праздникам.

Просто замечательно то, чего они достигли здесь, но я ощущаю себя практически покинутой.

Полная потеря Дамарис в этот раз отдает даже более мощной горечью, потому что смешана с ревностью.

Все эти люди выжили, чтобы обрести жизнь, детей и надежду.

Почему она не одна из них? Почему она умерла, чтобы незнакомка выбрала её имя? Почему эта жизнь настолько жестока? Почему она, а не я?

«Почему, почему, почему?»

Я борюсь со всеми этими мыслями и стараюсь управлять бурей эмоций. Внешне я кажусь холодной и безразличной, но внутри меня бушует огонь.

Я неспособна спать, а поскольку я не могу спать, то я не могу и увидеться с ней. Впервые с тех пор, как нас разделили, я чувствую себя абсолютно одинокой.

Покинутой.

Слабой.

Забывтой.

— Сегодня пятница, — объявляет Фей с порога комнаты, в которой я нахожусь.

Я поворачиваюсь к ней лицом со своего места возле маленького окошка, где сижу в течение последнего часа, а, возможно, и дольше.

— И? — спрашиваю я, не осведомленная ни о каких планах на сегодня, или, возможно, я слишком ушла в себя, чтобы о них помнить.

Она заходит в маленькую комнату и садится на единственное доступное место в ногах моей односпальной кровати.

— «Королевство» падёт сегодня вечером. Завтра оно уже не будет существовать. Марианна спрашивает, хотели бы мы остаться здесь и помочь с новичками.

Не произнося ни слова, я разворачиваюсь обратно лицом к солнцу.

— Я сказала ей, что уеду, как только приедет Коул, поскольку нам много чего предстоит сделать в «Хантер Лонж», но ты можешь остаться, если хочешь, предложение было сделано также и тебе, — она перестраховывается, тщательно подбирая слова. Она осознает, насколько ужасно подействовала на меня эта поездка по «американским горкам» — снова найти Дамарис только для того, чтобы окончательно её потерять. С тех пор я едва произнесла дюжину слов.

Впервые с того момента, как та женщины, взявшая имя моей сестры, обнимала меня, когда я плакала, пока не уснула в её руках, я подумала о Гримере. Прежде чем приехать сюда он был всем, о чём я только могла думать, но теперь я хочу, чтобы он остался в стороне и никогда не возвращался. Это из-за него я не со своей сестрой. Если бы в тот день несколько месяцев назад, он оставил меня умирать, я бы не жила в этом мире, где боль прогоняет мои сны. Я бы свободная бежала по высокой траве, мои глаза были бы широко раскрыты и предупреждали о вечности с рукой моей сестры в моей руке.

Вместо этого я здесь. Наконец-то сломана и не поддаюсь ремонту, и я презираю его за это.

— Ты можешь оставить меня, — наконец отвечаю я. Она может считать, что это означает две вещи: оставить меня сейчас и оставить меня здесь, когда уедет.

— Кал, — начинает она, вставая и направляясь ко мне. — Я чувствую, что ты сдалась, но ты сильнее этого. Ты демонстрировала это каждый день, начиная с первого момента. Когда Грим принёс тебя к нам... твою жизнестойкость...

Она молчит мгновение, пока не признаётся:

— Доктор сказал нам, что он не думал, что ты выживешь. Ты знала это? Он сказал, что твои внутренние повреждения и твое недоедание делали тебя слишком слабой для излечения. И всё же я каждый день навещала тебя, и с каждым следующим днём ты становилась сильнее. Ты — борец, Кал. Вернуться в «Королевство», чтобы стать частью их падения, просто доказывает, насколько ты сильная, даже если ты не чувствуешь этого прямо сейчас.

— Хотела бы я, чтобы он оставил меня там, — признаюсь я, каждое мое слово наполнено болью. — Хотела бы я умереть на том грязном мерзком полу.

Фей подходит на несколько шагов ближе и мягко кладёт руку мне на плечо. Её прикосновение болезненно, но я не могу отстраниться, стряхнуть ее руку.

— Но ты этого не сделала, Кал. Ты выжила. Не отбрасывай это, когда многие другие не получили даже эту возможность. Ты лучше всех знаешь, что такое потеря, не позволяя себе стать ещё одной жертвой «Королевства». Не тогда, когда они так близки к уничтожению.

На этом она уходит, как будто забирая вместе с собой воздух и мою печаль.

Без этой мантии скорби моя комната ощущается пустой.

Я не сопровождала её на обед и не помогала с её обязанностями на винограднике. Еду принесли мне, но я оставила её остывать и тухнуть.

В конечном счете, когда жара дневного солнца исчезает, я ощущаю себя достаточно утомлённой, чтобы забраться в свою маленькую кровать. Кто-то, должно быть, услышал мои мольбы, поскольку я умоляла о сне, я просила сна, и наконец-то он забирает меня.

— Теперь ты можешь меня видеть, Кал? Это чудо, — хихикает она, когда я преследую её через травянистые поля. Цветы желтеют в зеленой траве, горячее летнее солнце ослепляет нас, насекомые гудят вокруг наших плеч, щекоча кожу, и птицы в небе поют песни о свободе.

Это всегда начинается так. Каждый раз, когда мы встречаемся, начинается и заканчивается одинаково, это середина, которую я жажду, часть мечты, где только мы вдвоём. Только Каллия и Дамарис.

— Почему ты такая грустная? — спрашивает меня она, когда мы делаем кувырок и растягиваемся на теплой траве, взявшись за руки. Я вглядываюсь в её улыбающееся лицо, в её большие голубые глаза, в её тёмные волосы, сияющие на солнце, и на её здоровую и золотистую кожу.

— Потому что мне не хватает тебя, — признаюсь я, и слёзы соскальзывают с моих ресниц, изображение её совершенного лица расплывается передо мной.

Она печально улыбается мне, её самые голубые из самых голубых глаз влажны и расширены, уголки полных розовых губ опущены вниз.

— Ты не можешь скучать потому, что всегда здесь, — вздыхает она, кладя наши соединённые руки на мою грудь, туда, где бьётся моё сердце, наши пальцы сложены вместе, чтобы наши руки выглядели как одна.

— Я знаю, — допускаю я, печаль оmyвает меня. — Но я нуждаюсь в большем.

— У тебя есть намного больше, Кал, — она делает выдох. — У тебя есть мужчина, который поклоняется тебе, убил ради тебя и умрёт за тебя. У тебя есть шанс начать всё сначала. Не желай конца, когда ты только что нашла своё начало.

Слёзы текут вниз по моим щекам и исчезают в траве под моей головой. Она слегка сжимает мои пальцы, её лицо вспыхивает, превращаясь в великолепную улыбку.

— Я должна уйти. Он идёт.

И затем она исчезает. Я тянусь рукой в высокую траву, но её там уже нет. Я хочу кричать ей, просить её забрать меня с собой, но даже во сне я знаю, что этого не произойдёт. На этом я закрываю глаза, чтобы спать.

Сильная рука оборачивается вокруг меня, и я прижимаюсь к теплоте широкой груди. Мягкой подушке для моего тела, образующий кокон тепла и комфорта. Я закапываюсь глубже, и что-то тёплое касается меня, рука скользит по моей щеке и дальше в волосы. Сильные пальцы легко пропускают пряди. А затем нежно... о как нежно, я чувствую шёпот губ на моих. Я просыпаюсь, моё сердце грохочет в груди, легкие отчаянно нуждаются в кислороде.

— Шшш, Кал. Я с тобой. Я всегда буду с тобой.

Он притягивает меня к своей груди, моя голова располагается прямо над тем местом, где размеренно бьется его сердце. Он выводит рукой успокаивающие круги по моим обнажённым плечам.

— Всё кончено? — спрашиваю я, когда мои чувства начинают притупляться, непосредственно перед тем, как сон заберёт меня ещё раз.

— Да, всё закончилось, — шепчет он в мои волосы на макушке, прежде чем глубоко вздыхает. — Но... ты и я, Кал, мы только начали.

Глава двадцатая восьмая

Грим

Она спит очень крепко.

Нет никакого подёргивания мускулов, никакого ёрзания или переворотов с боку на бок. Она спит так, как будто не спала несколько дней.

Чувствовать её в моих руках и то, как она полностью вверяет мне свою защиту, когда наиболее уязвима, — мощно и так опьяняюще. Мне нравится. Это чувствуется правильно, и даже мой Дьявол достаточно спокоен во мне, чтобы закрыть глаза и некоторое время отдыхать с её весом на моей груди и её ароматом в каждом моём вздохе.

Яркий блеск солнечного света проникает через тонкую кожу моих век, я вытягиваю руку, прикрывая глаза, чтобы не ослепнуть, затем поворачиваю голову.

Впервые за ночь Кал пошевелилась, её мягкие изгибы прижимаются к твёрдым поверхностям моего тела, её маленькие пальчики впиваются в ткань моей рубашки. Её ноги лежат поверх моих, её колено подталкивает мой утренний стояк, и я не могу сдержать стон, слетающий с губ.

Я не скидывал напряжение, так, бл*дь, давно, что клянусь, сейчас это вызывает засор и полностью закупоривает мой мозг, поскольку всё, о чём я могу думать с её коленом, прижимающимся к моему члену, это о том, чтобы перевернуть её, залезть сверху и глубоко погрузиться в нее, прежде чем она откроет свои глаза.

Она медленно просыпается, понимание омывает её волнами. Её пальцы медленно выпускают из хватки мою рубашку, а её колено быстро движется выше, потираясь о мою твёрдость, прежде чем гладкая кожа её ноги отступает вниз по моим бёдрам.

— Доброе утро, солнечный свет, — скрежещу я, выворачивая голову, чтобы посмотреть на неё. Кожа на моей щеке натягивается из-за стежков, на которых настояла Фей, как только я добрался сюда вчера вечером.

Голова Кал глубже зарывается в мою грудь, и она выпускает небольшой вздох, прежде чем признаться:

— Я думаю, что спала как убитая. Думаю, что не могу пошевелиться. Ты удобнее, чем кажешься.

Хихиканье булькает у меня в груди и с грохотом срывается с губ:

— Ты можешь использовать меня как матрас в любое время.

Она ближе приживается ко мне, и я ощущаю, как жар в соединении её ног опалает обнажённую кожу моего бедра.

— Кал, — стону я, слегка отодвигаясь от неё. — Ты не можешь потираться о меня подобным образом. Это ощущается слишком, бл*дь, хорошо.

— Позволь мне помочь тебе почувствовать себя хорошо, — шепчет она, голова поднимается так, чтобы её губы смогли найти мою шею. — Покажи мне, как дать тебе почувствовать то, что ты подарил мне той ночью перед тем, как уехал.

«Е*ать».

— Укуси меня, — рычу я, подталкивая её голову к моей шее, убеждая её отметить меня.

Она выполняет требование, не колеблясь, её рот открыт, зубы впиваются в мою плоть.

— Сильнее, — подталкиваю её, пока не ощущаю, как её зубы вцепились, разрывая кожу. Она стонет вокруг укуса, когда начинает облизывать своим тёплым языком раны, оставленные её же зубами.

Я срываю через голову рубашку, Кал отстраняется ровно настолько, чтобы я смог это сделать, прежде чем перемещается на другую сторону моей шеи и без приказа погружает свои зубы прямо в мою нежную кожу.

— Е*ать, солнечный свет, — со скрежетом выдыхаю я. — Больше. Кусай мою грудь.

Она приподнимает голову и поворачивается ко мне, позволяя мне увидеть желание на ее лице и мою кровь, украшающую её рот. Она так, бл*дь, прекрасна, что даже больно, но эта такая хорошая боль.

Её пальцы очерчивают мои ключицы, следуя за ними ртом, она прикусывает плоть, покрывающую кости, когда прокладывает дорожку к моим грудным мышцам. Она потирается щекой о полоску коротких волос, используя моё тело для чувственных опытов, и, бл*дь, если это не делает меня ещё твёрже. Её исследующие пальцы сначала находят один сосок, а затем второй, и ради эксперимента она сжимает их, зарабатывая ещё один стон из моих губ. Полюбив этот звук, она заменяет свои пальцы на зубы, сила её укусов увеличивается, прежде чем она ненадолго отрывает свой рот и опускает его на кожу прямо напротив моего сердца. Затем она погружает зубы в мышцы и сжимает челюсть.

Экстаз пульсирующей волной прокатывается по моему телу, предсемя течет мне на живот. Каждый прокол её зубов словно выстрелом отправляет разряд электричества по моему позвоночнику, чтобы потом осесть в напряженных яйцах.

Со сверхъестественным рычанием я хватаю её за плечи и переворачиваю, припиливая к маленькой кровати всем весом своего тела. Мой член проскальзывает между её бёдер, ища влажную теплоту, он знает, что обнаружит ее там.

— Прямо сейчас, солнечный свет, я так близок к потере моего чёртового разума. Если я скоро не погружусь в тебя, я, бл*дь, взорвусь.

Её ноги раздвигаются, открывая ее для меня, она будто бы говорит при помощи своего тела, что она моя, чтобы взять.

— Я не смогу быть нежным, Кал, — предупреждаю ее.

— Я не хочу, чтобы ты им был, — отвечает она, её жадные пальцы всё ещё исследуют мою грудь, втирая кровь от её укусов в мою кожу.

— Ты чиста, я проверил твои файлы у Дока, я тоже чист, как младенец, так что я возьму тебя без преграды между нами, ты понимаешь это? — заявляю я, потираясь твёрдой длиной по таким нуждающимся и влажным губам ее киски.

Её ответ — шире раздвигающиеся ноги, и одним наказывающим толчком я целиком и полностью хороню себя внутри её тела, достигая нижней точки грёбанных небес.

Она долго и громко с трудом ловит воздух, её спина выгибается над матрасом, её маленькие, но идеальные сиськи как грёбанный банкет для моего рта. Я отодвигаюсь и с болезненной силой двигаюсь обратно в неё, мой рот жадно сосёт её полную грудь, прежде чем вгрызается в розовый сосок.

Снова и снова я толкаюсь внутри её сладкого тела, мой Дьявол наполняет меня желанием склониться и вырвать зубами её горло.

Я посадил его на цепь, небесная теплота её узкого влагалища — это всё, о чём я могу думать, и всё, что я могу чувствовать. Я опускаю одну руку к её клитору и пальцами вырисовываю круг, её соки покрывают мою кожу, подушечки моих пальцев снова и снова скользят вокруг крошечного бутона, прежде чем я сильно сжимаю его.

Её влагалище напрягается вокруг меня, дрожащие внутренние мышцы всасывают и обхватывают мой член. Я отпускаю её клитор и позволяю крови обратно прилить, перед тем как шлёпаю по нему пальцами в ритме моих толчков. Каждый шлепок преподносит мне восхитительный стон, когда её киска сжимается и сокращается вокруг готового взорваться члена. Мой темп неумолим, пока я трахаю её, вдавливая в матрас, вероятно, навсегда оставляя на нём отпечаток её тела, и как хорошая девочка, она принимает всё, что я ей даю. Хныканье, стоны и приподнимание бёдер в поисках большего. Мои яйца подтягиваются, покалывание у основания позвоночника подсказывает мне, что я собираюсь взорваться. Так что я наклоняюсь, чтобы укусить её вторую грудь, и между двумя пальцами сжимаю верхние губы киски, протирая чувствительный комочек между ними, а затем сжимаю его, пока она не начинает кричать, а её влагалище не начинает судорожно сжиматься вокруг моей длины. Пока она пребывает на вершине блаженства, я приподнимаю её голову к моей шее и прикладываю рот к твердым мускулам между шеей и плечом.

Она не колеблется, её рот широко открывается, и с финальным толчком, таким жестким, что даже больно, она тянется и сильно кусает.

Моя обжигающе горячая сперма наполняет её влагалище бесконечными всплесками, пока моя кровь вытекает из её открытого рта и вниз по моей груди.

Мы — одно целое, моё семя орошает её внутренности, пока моя кровь окрашивает нашу кожу. Это грязно, первобытно, — и полное совершенство.

Секс до Кал был необходимым выбросом.

Секс с Кал вызывает к моим основным потребностям и насыщает их, и всё это так превосходно, что заполняет трещину в моей груди, о которой я раньше не подозревал.

Она непорочная, чистая и неиспорченная — это подвиг, и я не знаю, как она сумела этого достичь, учитывая жизнь, которой она была вынуждена жить.

— Я причинил тебе боль? — мягко спрашиваю я, постепенно отходя от кайфа, мой член всё ещё твердый и пульсирует, проливая последние остатки глубоко внутри неё.

Она поднимает голову с моего плеча, её дыхание прерывистое, с резким вздохом приходит ответ вместе с пресыщенной и кровавой улыбкой на её лице.

— Нет. Ты не причинил мне боли. Ты освободил меня.

«Ты освободил меня».

— Дай мне свой рот, — требую я резким тоном. Я неспособен предложить нежные слова от сердца, но я могу и буду пожирать её, показывая ей снова и снова, что я владею ей, и она обладает мной.

Вкус её крови, смешанной с моей, наполняет меня и успокаивает моего Дьявола. Он радуется аромату и облизывает её губы, пока не поглощает всё до последней капли.

После этого, когда она растянулась на мне, её голое тело полностью на моём, я рассказываю ей о моих планах не возвращаться в «Хантер Лодж» с другими.

— Я хочу исследовать весь мир с тобой, — отвечает она. — Если мы никогда не вернёмся, я всё равно буду довольна. Я попрошу тебя только об одной вещи.

Я приподнимаю её лицо, и она тянется, чтобы мягко прикоснуться к моей недавно зашитой ране, ее брови хмурятся в беспокойстве.

— Всё, что угодно. Ты можешь просить у меня обо всём, и я дам тебе это, — клянусь я. Моё обещание нерушимо, поскольку нет ничего, чтобы я не сделал для женщины в моих руках.

— Всё, о чём я прошу, это твоё обещание, что ты никогда снова не оставишь меня.

Я прижимаю её губы к моим, захватывая рот и поглощая её просьбу, испивав её до глубины души. Когда я выпускаю её губы, я говорю в них, наша гладкая кожа скользит друг по другу.

— Даже смерть не разлучит нас.

Эпилог

Грим

Восемь месяцев мы путешествовали по всему миру.

Начав с Италии, мы провели ночь в Риме, где её смех отражался эхом по Пьяца ди Треви, в то время пока она бросала монеты в фонтан через плечо. Печаль, что охватила ее на винограднике, медленно испарялась с её кожи, чем дальше мы путешествовали.

Оттуда мы поехали исследовать Грецию, скорее всего, место её рождения, если, конечно, их с сестрой имена о чём-то свидетельствовали. Мы трахались на изолированных пляжах, исследовали руины храма Пантеон и поражались чистоте воздуха на вершинах Метеор.

Кал ощущала умиротворение здесь. Она сказала, что её сердце чувствует связь со всеми элементами вокруг неё, и я обещал привезти её обратно.

Затем, мы путешествовали по Египту, поскольку Кал не могла представить, кто такой верблюд, так что мы побывали там и отправились в поход к Гизе, ночуя в палатках бедуинов.

Оттуда мы отправились в Иорданию. Я ощущал желание показать Кал те вещи, к которым она могла бы прикоснуться и почувствовать, а не просто увидеть моими глазами, так что Кал испытала, что означает поплавать в Мёртвом море.

Так мы двигались от страны к стране, никогда не останавливаясь надолго до тех пор, пока не оказались на одном из островов на Мальдивах, и именно здесь мы провели весь последний месяц.

Трахались, смеялись и плавали обнаженными, вокруг нас не было ни единой души. Единственный человек, которого мы видели за последние четыре недели, это парень из службы доставки с главного острова, который привозит нам один раз в неделю запасы.

Вот где я, наконец, показал Кал всё, что мне было нужно от неё, чтобы подавить мой жадный аппетит. Здесь она узнала всю правду: о моих извращениях, о потребностях в боли и крови ради удовольствия.

— Е*ать, — стону я, слова вылетают из горла вместе со стонами, такими долгими и мощными, что даже сглатывание приносит боль.

Она толкается глубже, подстегиваемая моей руганью, двойное удовольствие от strapon (что парень из доставки невольно привёз при его последнем посещении), проникающим в её киску, пока она толкается в мою задницу, срывает небольшой стон с её нежных губ.

Она кусает моё плечо от удовольствия, её острые зубы на моей коже, но давления недостаточно, чтобы прокусить поверхность.

Её руки оборачиваются вокруг моих бёдер со следующим толчком, и она сильно хватается за мой член. Он напряжен и готов лопнуть.

— Жёстче, Кал, — прошу я. — Ты не причинишь мне боль, солнечный свет. Дай мне всё, жестче.

Не успел я закончить своё предложение, как она уже трахает мою задницу со зверской силой, моё тело дёргается под ней. Одна из её рук удерживает моё бедро, другая

отпускает мою болезненную эрекцию, чтобы сжать яйца. Следующий толчок достаёт до магической точки во мне, как будто точно зная, в чём я нуждаюсь и когда именно я нуждаюсь в этом, она покручивает мои яички, и я взрываюсь на простыни подо мной. Дрожа, она падает на мою спину, её собственное освобождение следует сразу за моим.

Мы лежим так какое-то время, простыни в моей сперме прилипают к животу, её резиновый член по-прежнему вставлен в мою задницу.

Когда она вытаскивает его, мне стыдно признаться, я с хныканьем перекатываюсь на спину. Она быстро снимает лямки и уютно прижимается ко мне, не беспокоясь о грязных простынях.

— Как думаешь, люди осудят меня, после того что я пережила все те вещи и то, что я делала, и всё же обрела удовольствие с тобой таким образом? — спокойно спрашивает она, её пальцы втирают остатки моего семени в тело.

Я приподнимаюсь на локте и беру её лицо в другую руку, желая, чтобы она могла увидеть правду в моих глазах.

— Здесь никого нет, кроме нас, солнечный свет. Тогда почему нас должно заботить, что за херню кто-то подумает о нас? Мы взрослые люди, действующие по обоюдному согласию, то, что происходит между нами, происходит только *между нами*. Если какой-то ублюдок думает иначе, это только из-за того, что у него просто не было красивой женщины, трахающей его задницу и превращающей его в сучку.

Она тихо хихикает, прежде чем её лицо становится серьезным.

— Почему ты называешь меня «солнечный свет»?

Я целую кончик её носа, прежде чем кладу её голову обратно на мою грудь.

— Это то, кем ты являешься для меня. Солнечный свет и свежескошенная трава.

Люк

— Хватит, бл*дь, плакать сука. Ты по доброй воле оказалась в моей темнице, и здесь, детка, действуют только мои правила.

Я оборачиваю её длинные белокурые волосы вокруг своей руки и толкаю головой в ведро с ледяной водой у моих ног, становясь твёрже от того, как её тело извивается от потребности в кислороде.

Непосредственно перед тем, как она падает в обморок, я вытаскиваю её из ведра и выливаю содержимое на пол темницы.

— А-та-та, ты плохая девочка, — отчитываю её, пока она судорожно втягивает воздух. — Посмотри, что ты наделала, ты устроила бардак.

Для начала я тыкаю её лицом в лужу и приказываю:

— Убери это, своим грёбаным языком.

Она стонет от возбуждения с первыми каплями воды, попавшими на её язык. Её дерзкая красная задница — только что после моего падла — соблазнительно раскачивается, пока она набирает и проглатывает полный рот теперь уже грязной воды.

Грязные шлюхи — они все одинаковые.

Мне надоели избиения, трах, унижение и просьбы. Да, это делает меня твёрдым, но это не приносит мне того избавления. Возможно я нуждаюсь в другом аромате вместо блондинок, которые похожи на мою мать.

Мой телефон вибрирует в кармане брюк, и я начинаю проклинать чертового Коула, пока засовываю три пальца свободной руки в её ожидающую пи*ду. Она стонет, когда мои пальцы растягивают её, а я стучу по экрану, чтобы ответить, не глядя на имя звонящего.

— Я, бл*дь, занят. Какого хрена вам нужно? — выплёвываю я в микрофон, толкая ещё один палец в жадное отверстие.

Тишина.

— Коул, я, бл*дь, играю. Я говорил тебе дать мне несколько дней, иди трахни свою жену.

— Это Джеймс, — отвечает глубокий хриплый голос, и мой член напрягается от этого звука, желание ищет выход — много раз бить кулаком по спине этой суки.

Мои пальцы всё ещё в ней, и шлюха громко хнычет.

— Прости, я... эммм, ты занят. Я перезвоню, или ты можешь перезвонить мне, когда освободишься. У меня есть деловое предложение, чтобы обсудить с тобой.

— Нет, — мурлычу я, да, бл*дь, я мурлычу в микрофон. — У меня есть время, обсуди это прямо сейчас со мной.

Я зажимаю телефон между ухом и плечом и использую свободную руку, чтобы расстегнуть молнию. Мой член выскакивает из открытой ширинки, стремясь погрузиться во что-нибудь.

— О, — отвечает его неуверенный голос. — Хорошо, речь пойдёт о втором винограднике. Возможно, ты мог бы прилететь и встретиться со мной на месте на следующей неделе.

Я поглаживаю свою длину напряженным кулаком и вытаскиваю пальцы из её дырки, подтягиваю назад её задницу ближе и приставляю свой член.

— Звучит *идеально*, — отвечаю я, удерживая стон, когда хороню себя внутри её тела одним толчком.

— Отлично, тогда на следующей неделе, — подтверждает он, облегчение очевидно в его голосе.

— На следующей неделе, — соглашаюсь я, отстраняясь на несколько дюймов, чтобы затем погрузиться ещё глубже.

Связь разъединяется, я с грохотом отшвыриваю телефон на пол.

Теперь две руки свободны, одну я оборачиваю вокруг её шеи, а другую вокруг груди, сильно притягивая к себе, вколачиваясь в неё, пока она не начинает кричать. Её колени кровоточат на твёрдом полу темницы, горло бьётся в конвульсиях под зверской хваткой моей руки, но я не останавливаюсь. Не теперь, когда я могу вытряхнуть из моей головы все мысли о Джеймсе Купере.

— Это будут длинные несколько дней, детка, — рычу я в её волосы. — Надеюсь, ты выживешь.

Конец

Preirum

Human – Rag’n’Bone Man
Hozier – Arsonist’s Lullabye
Black Strobe – I’m A Man
Fucking In The Bushes - Oasis
Heathens – Twenty One Pilots
No Light, No Light – Florence and The Machine.
Love Interruption – Jack White